

A surreal collage set against a bright blue sky with white clouds. In the center, a multi-story brick building with arched windows sits atop a small, lush green island that appears to be floating. A long, dark metal spiral staircase winds its way from the island up to the building's roof. On the roof, two white storks are perched. To the right of the building, a yellow and white striped hot air balloon floats in the sky. A single stork is also seen flying in the upper right. The overall composition is dreamlike and whimsical.

ФЭННИ ФЛЭГГ

Я все еще мечтаю о тебе

Annotation

Если где-то сохранились чистая радость и жизнеутверждающая искренность, то прежде всего – в книгах Фэнни Флэгг. В ее мир погружаешься сразу, и очень не хочется его покидать. Он светлый и теплый и сильно отличается от реальности за окном, и в нем всегда случаются чудеса. Истории часто печальны, порой и трагичны, но жизнь в них всегда побеждает смерть, а человеческое тепло и любовь помогают справиться с одиночеством и душевными неурядицами...

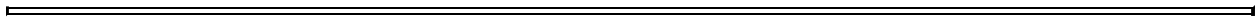
Прекрасная Мэгги, бывшая Мисс Алабама, всегда и во всем была порядочна и чистоплотна. За свою жизнь она не совершила ни одного неблагоприятного поступка, даже не выругалась ни разу, с утра до вечера она без усталости творит добро, а на ее репутации нет и крошечного пятнышка. Вот только устала Мэгги от самой себя безмерно, а потому задумала покончить с этой волынкой – земным существованием. Но как, скажите, такой идеальной женщине совершить самоубийство, чтобы при этом никому лишних хлопот не доставить? Однако Мэгги не только красавица, а еще и большая умница. И вот безупречный план разработан до мелочей, остается лишь осуществить его, и тут...

- [Фэнни Флэгг](#)
 - [Пролог](#)
 - [Знаменательный день](#)
 - [Что-то интересное](#)
 - [Инцидент с мороженым](#)
 - [И снова размышления](#)
 - [Дама с замороженной рукой](#)
 - [Тем временем в Эйвон-Террас](#)
 - [Редкая красавица](#)
 - [Лиловая Вспышка](#)
 - [Чудовище](#)
 - [Бессонница в Маунтейн-Брук](#)
 - [Хейзел Уизенкнот начинает](#)
 - [Самое время](#)
 - [Детство в царстве грез](#)
 - [Новый день](#)
 - [Блестящий план](#)

- [Волшебный город](#)
- [День открытых дверей](#)
- [Еще один неожиданный бонус](#)
- [Политические устремления](#)
- [Что ее держало?](#)
- [Встреча с другом](#)
- [Почему Бебс ненавидела Мэгги](#)
- [Приготовления](#)
- [Намек](#)
- [Что волнует Бренду](#)
- [Репетиция](#)
- [Красавица и чудовище](#)
- [Этель сердится](#)
- [Что сделала Бебс](#)
- [С.Б.С.П.\[20\]](#)
- [Столько надежд](#)
- [В это время в Нью-Йорке](#)
- [Одри и колготки](#)
- [Последние приготовления](#)
- [День-день](#)
- [Вечер крутящихся дервишей](#)
- [Время «Ч»](#)
- [Встреча с миссис Далтон](#)
- [Начало «Гребешка»](#)
- [Поздравляем всех](#)
- [На дело](#)
- [Еще одна загадка](#)
- [История семьи Крокеров](#)
- [Утерянный предмет](#)
- [Человек на стене](#)
- [Начало Эдварда Крокера](#)
- [Трудные торги](#)
- [Официально на рынке](#)
- [«Гребешок»](#)
- [Мисс Эдвина Крокер](#)
- [Жизнь продолжается](#)
- [Неудачный день](#)
- [Бренда размышляет](#)
- [Чикаго](#)

- [Другая сторона истории](#)
- [Это случилось перед Рождеством](#)
- [С Рождеством, Мэгги](#)
- [Презренная](#)
- [Взрывная волна из прошлого](#)
- [Наконец готова уйти](#)
- [Сюрприз для Бренды](#)
- [История с Кейт Спэйд](#)
- [Хорошо иметь сестру](#)
- [Знаменитые хот-доги Пита](#)
- [Это реальность – или?](#)
- [Возвращение](#)
- [Новые открытия](#)
- [Что видала муха на стене](#)
- [Возвращение в «Гребешок»](#)
- [Секреты красоты](#)
- [Сообщение от Мици](#)
- [Определенные распоряжения](#)
- [Эпилог](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)

- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)

Фэнни Флэгг

Я все еще мечтаю о тебе...

*Джонни Хартману–Роджерсу, моему другу и
литературному агенту в течение вот уже 30 лет, с
любовью и благодарностью*

Пролог

Сентябрь 1955

Забавно – что человек помнит по прошествии лет, что застревает в памяти, а что нет. Всякий раз, возвращаясь мыслями в тот год, когда он работал в «Вестерн Юнион», он вспоминал ту девчушку.

Бирмингем тогда окружало множество мелких городков-соседей, каждый со своим названием и магазинами. В них имелось по две-три церкви, аптека, школа и детский сад, банк, масонская ложа, универсальный магазин «Джей-Си Пенни» и кинотеатр.

Его офис находился в городке Ист-Лэйк, и кинотеатр «Царство грез» стоял как раз через дорогу от «Вестерн Юнион», между парикмахерской и бакалейной лавкой. Он сидел за столом, смотрел в окно и вдруг обратил внимание на симпатичную темноволосую девочку в зеленом клетчатом платье. Она была самой высокой среди возвращавшихся из школы ребяташек. В этот час дети расходились по домам, в этом ничего необычного не было. Но девочка, миновав парикмахерскую, остановилась перед кинотеатром, махнула подружкам рукой и скрылась за большими стеклянными дверьми.

В будние дни кинотеатр работал с семи часов вечера, и его разбирало любопытство – зачем, что ей там делать одной в темном здании. Он даже подумал было пойти проверить, все ли в порядке, но через пару минут в окне второго этажа, рядом с неоновым знаком, зажегся свет. Заметив в комнате женский силуэт, он решил, что девочка, вероятнее всего, здесь просто живет.

Но с тех пор каждый день, если позволяла работа, он в этот час выглядывал в окно – убедиться, что девочка добралась до дому без помех, и вот однажды она оглянулась и смущенно помахала ему рукой, перед тем как войти в здание, и он махнул в ответ.

Месяца через три его отправили в Корею, а когда он вернулся в «Вестерн Юнион», кинотеатр оказался закрыт, и больше он ее не видел.

Теперь-то у него самого уже шесть внуков, но до сих пор красивая девчушка из кинотеатра «Царство грез» нет-нет да и вспомнится.

Знаменательный день

Однажды в жизни каждого человека и каждой нации наступает момент, когда нужно выбирать...

И выбирать неизменно приходится между светом и тьмой.

Джеймс Расселл Лоуэлл

Понедельник, 27 октября 2008

Наступил день, о котором Мэгги думала, и не просто думала, а мучительно и неотвязно думала, последние пять лет.

Но когда он наступил, она повела себя на удивление спокойно, а не так, как воображала, и уж точно не так, как ведут себя люди в романах и фильмах. Ни тебе брызжущих эмоций, ни закадровой музыки. Обычный конец нормального рабочего дня, если, конечно, рабочий день в агентстве недвижимости вообще можно назвать нормальным.

Утром Мэгги пришла на работу, покорпела над объявлениями о домах, открытых для просмотра в воскресенье, договорилась, чтобы стиральную машину, сушилку и уродливую лампу–обезьяну включили в стоимость дома для потенциальных покупателей (хотя кому может приглянуться такая лампа, для нее загадка), позвонила в несколько мест – все как всегда, ничего выдающегося. Она уже давно ощущала, что это близко, но почему именно сегодня? Почему не месяц назад, не через неделю? Она проехала мимо розовой неоновой вывески цветочного магазина и вдруг поняла, что сегодня *тот самый* день. Ни звона колоколов, ни свистков – просто внезапное осознание. Мэгги подождала, пока загорится зеленый, свернула с Хайлэнд–авеню, остановилась перед черными коваными воротами, набрала код и заехала в громадный, мощный булыжником двор. Посторонний человек, впервые увидев эти высокие, мерцающие газовые фонари и заросшие плющом стены, наверняка подумал бы, что попал в причудливый глухой двор где–нибудь в Лондоне, а вовсе не в Маунтейн–Брук^[1], от которого до центра Бирмингема пять минут езды. Но Маунтейн–Брук всегда больше напоминал Англию, чем юг Америки. Это ввергало в

недоумение заезжих покупателей, но большинство чугунных, угольных или стальных баронов, основавших этот городок, были родом или из Англии, или из Шотландии. «Гребешок», любимый дом Мэгги, глядящий на город с вершины Красной горы, был построен шотландцем и являл собой точную копию его дома в Эдинбурге.

Мэгги припарковала голубой «мерседес», взяла сумку и ключи и поднялась по лестнице к своему дому. Когда она закрыла за собой дверь, – слава тебе господи! – громкое фырчание и гудки вечернего потока машин стихли до терпимого звукового фона. Построенное в двадцатых годах муниципальное здание из красного кирпича, в котором она проживала, в восьмидесятые годы превратилось в кооператив – тогда народ просто помешался на идее частной собственности. Ее хорошо обставленный двухэтажный дом располагался в элитном районе Эйвон–Террас, и в нем всегда царила идеальная чистота. Темный паркет натерт до блеска, ковры как новые, кухня и ванная комната без единого пятнышка. Еще бы. Она ведь главный агент по продаже недвижимости всего жилого комплекса, и ее дом демонстрируют потенциальным покупателям. Сегодня Мэгги не остановилась, как обычно, просмотреть почту, лежащую на серебряном подносе на маленьком столике в прихожей, а прошла сразу в кабинет рядом с гостиной и села за стол.

Это должно быть написано от руки. Письмо, напечатанное на компьютере, слишком безлико и говорит о дурном вкусе. Она выдвинула ящик изящного комода и достала небольшую, украшенную монограммой коробку для канцелярских принадлежностей, где лежало десять листов тонкой голубой бумаги и такие же конверты. Взяла несколько листов и один конверт и принялась перебирать дешевые ручки, что стояли в стакане из коричневой кожи с золотым тиснением. Пробуя одну за другой, пожалела, что не сохранила хорошую чернильную ручку, прослужившую много лет, и баночку бордовых чернил «Монблан». Все ее любимые черные фломастеры повысыхали, и пользоваться оставалось тем, что есть. До чего же странная штука жизнь. Она и помыслить не могла, что все этим закончится: на почтовой бумаге десятилетней давности толстой ярко-красной шариковой ручкой с блестками и надписью «Крабовая хижина Эда: лучшие в городе пироги с крабами».

Господи, да она ни разу в жизни не заглядывала в «Крабовую хижину Эда». Ну ладно, что поделаешь. Она аккуратно поставила завтрашнее число в правом верхнем углу страницы и задумалась, что хочет сказать и как это лучше выразить. Надо бы сразу поймать верный тон – не слишком формальный, но и не слишком фамильярный. Деловой, но при том

душевный. Обдумав моменты, на которых необходимо заострить внимание, она начала...

Тому, кого это может касаться.

Доброе утро, или день, или что там у вас за время суток. Если вы это читаете, значит, меня уже нет в живых. Причин для этого у меня много, и они разнообразны. В прошлом я всегда старалась быть человеком, которым моя страна может гордиться, но я чувствую, что сейчас мой уход не привлечет такого внимания, как привлек бы раньше.

Не хочу огорчать моих друзей и коллег, равно как и вызывать ненужный стресс, посему спешу уведомить, что все необходимые последние распоряжения я уже отдала, так что не стоит волноваться и разыскивать меня, и заранее прошу прощения за беспокойство, доставленное этим письмом. Но, прошу вас, будьте уверены, что хотя я

В сумке, лежащей на полу, заиграла мелодия «Я ищу клевер с четырьмя листочками». Мэгги не глядя сунула руку в сумку и достала телефон. Звонила Бренда с работы, вся переполошенная.

– Ты уже видела газеты?

– Нет. А что?

– Представляешь? В Бирмингем приезжают крутящиеся дервиши!

– Кто? – переспросила Мэгги, не желая показаться грубой, но вместе с тем стараясь не потерять мысль.

– Крутящиеся дервиши из Турции! Ну, эти, в высоченных шапках и длинных юбках, и крутятся. В разделе «Искусство и досуг» есть фотография.

– Серьезно? Настоящие?

– Да, самые что ни на есть! И они дают одно – только одно – представление в театре «Алабама». Китайские, или тибетские, или какие-то там монахи с песнопениями не смогли приехать, и в последний момент вместо них прислали дервишей.

– Надо же, какая удача.

– И знаешь что еще? Я могу раздобыть нам два бесплатных билета у Сесиля. Ты небось умираешь хочешь на них поглядеть?

– Когда они приезжают? – Мэгги изо всех сил старалась не упустить мысль.

– Второго ноября. Глянь в календарь, ты будешь свободна?

– Сейчас глянуть?

– Да, я подожду. Наверняка весь город будет гоняться за билетами.

Боже всемогущий. От Бренды так просто не отделаешься, и Мэгги со вздохом подтянула к себе календарь от агентства недвижимости «Красная гора» с фотографией всех сотрудников, открыла ноябрь и сказала:

– Ой, дорогая, это воскресенье, боюсь, ничего не получится. Жаль, я бы хотела на них посмотреть. Может, Робби позовешь?

– Робби?

– Да. Ей должно понравиться.

– Ты же знаешь, я свою сестрицу никуда не могу вытащить вечером, и уж тем паче на крутящихся дервишей. Ну брось, Мэгги! Когда еще тебе выпадет шанс увидеть настоящих крутящихся дервишей? В Турцию же ты не собираешься ехать в ближайшем будущем.

– Ну... ты права, конечно... но...

Бренда не дала ей закончить:

– Говори что хочешь, но мы идем. Утром первым делом позвоню Сесилу. Пока! – И бросила трубку, прежде чем Мэгги успела сказать «нет».

Мэгги тут же набрала номер Бренды, чтобы отказаться, но дала отбой. Как она объяснит? Наврать? Можно сказать, что ее не будет в городе. Ее таки действительно не будет в городе, но Бренда ведь пристанет с расспросами, куда это она намылилась, с кем и чего ради. Боже всемогущий. *Зачем* она взяла трубку? Приняв наконец решение, Мэгги хотела поскорей совершить задуманное. И так слишком долго она к этому шла.

Конечно, не сразу она утвердилась в этой мысли, но, заполняя страницу за страницей всеми «за» и «против» своей жизни, она убедилась, что выбора у нее нет. Разумеется, гораздо удобнее было бы расстегнуть молнию на черепе, вынуть мозг, сунуть его под воду и просто–напросто смыть в канализацию все сожаления, обиды и оскорбления, а затем начать все заново. Но это, увы, невозможно. Единственный выход – уйти сейчас, пока на это хватает умственных и физических сил. Слава богу, план у нее уже есть. Все основные приготовления она тоже сделала. Осталось последнее – заскочить утром в универсам «Уол–март» и купить кое–какое оборудование.

Но теперь она ломала голову, как быть с Брендой. Перезвонить? Или оставить как есть? Бренда – не просто знакомая, она партнер, а уж сколько им вместе пришлось пережить! Особенно после смерти Хейзел. При других обстоятельствах она бы с радостью пошла с ней на этих дервишей, ведь Бренда столько для нее сделала. Да вот совсем недавно, например.

Свалилась она с кошмарным гриппом, и Бренда каждый день заявлялась и готовила еду. И квохтала вокруг нее. О господи, меньше всего на свете ей хотелось подводить Бренду. Но раз уж она имела глупость поднять трубку, пусть это будет последней глупостью в ее жизни.

Мэгги вздохнула и снова посмотрела на календарь. Разумнее всего сделать это завтра, в крайнем случае послезавтра, но Бренда так радовалась, а ведь бедняжке несладко пришлось в последнее время. До второго ноября всего-то шесть дней, и, раз уж все готово, торопиться, в сущности, некуда. Главное ведь – *решиться*, а уж когда исполнить задуманное – не столь важно. Небольшая задержка, зато приведет в порядок дела и отрепетирует, дабы прошло все без сучка без задоринки. Нужно, чтобы все получилось правильно с одного раза. Да и права Бренда: дервишей грех пропускать.

В одиннадцать лет она наткнулась на фотографию крутящихся дервишей в одном из папиных журналов «Нэйшнл джиографик»; в своих шапках-конусах и длинных развевающихся юбках они словно явились прямиком из «Арабских ночей». Увидеть их вживую накануне ухода – отличный прощальный подарок себе. Кроме того, так она поддержит искусство и сделает приятное Бренде. Мэгги набрала номер.

– Слушай, Бренда, будешь говорить с Сесилом, попроси его, если можно, достать места в середине и как можно ближе к сцене. Хорошо бы рассмотреть их одежды.

– Не беспокойся! Если Сесил узнает, что ты идешь, он уж расстареется. Но бинокль я все равно возьму, ага?

– Ага.

– Ой, я так счастлива! Мэгги, как думаешь, что они носят, когда не на сцене?

– Господи, дорогая, даже не представляю.

– Я тоже. Просто жду не дождусь второго ноября. А ты? Ужас как я рада, что мы идем!

Мэгги улыбнулась:

– А я рада, что ты рада.

– Завтра увидимся.

– Да, непременно, – сказала Мэгги.

Что-то интересное

Бренда была так счастлива из-за крутящихся дервишей, что аж приплясывала по кухне. Хотя что-то интересное замаячило впереди, а ведь она заслужила. Напрягов на работе хватало. Цены на недвижимость упали ниже плинтуса и, по расчетам специалистов, еще не достигли нижней отметки. Каждые выходные они показывали потенциальным покупателям дома, напоминающие старых, замученных псов, а хорошие здания из элитных районов выхватывала у них из-под носа их главный конкурент, Бебс Бингингтон. Фамилия фальшивая, – предупреждала Бренда тех, кто не в курсе. Эта особа изменила свое имя из меркантильных побуждений, с ним слоган звучит более складно: «Звоните Бебс Бингингтон – скорей купите новый дом». Этот призыв вместе со своей фотографией Бебс понаклеила на всех магазинных тележках, досках объявлений и скамейках у автобусных остановок. Но в узких кругах Бебс называли не иначе как Бирмингемское Чудовище.

Все знали, как она безжалостна. Ни перед чем не остановится, чтобы перехватить клиента. Ходили слухи, что за двоих клиентов она даже вышла замуж – только бы после развода заполучить дома на продажу. Этель Клип, их менеджер, часто говорила, что если бы Хейзел Уизенкнот, всеми любимая основательница их компании, знала, насколько беспринципными стали нынешние агенты, она бы в гробу перевернулась. Хейзел построила репутацию агентства «Красная гора» на строгих законах, честности и этике. Но на современном рынке этика не помощник. За полгода их продажи не покрыли даже затраты на рекламу, не говоря уж о прибыли или выплате за аренду помещения. Как Мэгги удастся оставаться такой спокойной, доброжелательной и собранной, было для Бренды загадкой. Но в Мэгги все загадка. Вокруг все друг другу глотки грызут и лаются, а от Мэгги ни одного дурного слова ни о ком не услышишь. Наверное, так жить легче – когда тебя ничего не трогает. А с чего ей беспокоиться-то? Высокая, стройная, красивая, с идеальными зубами и пышными волосами, которые можно просто собрать в хвост и выглядеть при этом на миллион долларов. К тому же ни одного живого родственника, который доставал бы ее день и ночь. У Бренды же куча братьев, сестер, племянниц и племянников, и все они клянчат деньги на то, на се, так что никогда ей не скопить на тот огромный телевизор с диагональю 50 дюймов, что она присмотрела в «Костко». Мэгги, такая всегда ухоженная, гладкая, вежливая,

плывет себе по жизни, точно розовое облако, не понимая, насколько ей повезло, и объяснить ей это невозможно, пустая затея. Вот бы хоть немного быть на нее похожей!

Поговорив с Брендой, Мэгги открыла ящик стола, нашла бутылочку с корректором и переправила дату письма на 3 ноября. Потом принялась писать дальше, с того места, где остановилась.

...хотя я была в последнее время подавлена, знайте: я всегда гордилась тем, что родом из Алабамы, и бесконечно благодарна за оказанную мне честь и привилегию представлять мой штат в конкурсе «Мисс Америка».

*Искренне ваша,
Маргарет Энн Фортенбери*

Обычно она добавляла к подписи улыбающуюся рожицу но подумала, что в этом письме рожица вряд ли уместна. Затем проверила, нет ли описок. Перечитав несколько раз, решила, что все сказано верно, информации достаточно, однако не слишком много. Жаль только, что письмо получилось отстраненным. Его нельзя адресовать Бренде или Этель с просьбой не открывать до такого-то числа, иначе не оберешься подозрений. И уж Бренда наверняка прочтет до срока. Сестра Бренды рассказала, что в прошлом году та открыла все свои рождественские подарки еще до того, как Робби успела их упаковать. А если они узнают, то тут же кинутся ее отговаривать. Это, конечно, очень мило с их стороны, но частенько друзья из лучших побуждений не дают людям совершить поступок, который в итоге принесет всем только благо.

Стиль письма, возможно, оставлял желать лучшего, но смысл она донесла. «Я ухожу. У меня есть на то причины. Не ищите меня». Однако Мэгги понимала, что, как бы она ни старалась, для многих это станет шоком. Люди примутся задавать вопросы: «Почему? Она ведь казалась такой счастливой!» И это правда. Она всегда старалась выглядеть счастливой. Некоторые будут удивляться: «Почему? Она ведь могла заполучить любого мужчину, какого пожелает!» Так уж и любого. Да после Ричарда ей никто другой и не нужен. А кто-то наверняка воскликнет: «Почему? Она ведь такая красавица!» Без сомнения, быть красивой приятно, но внешность сама по себе не приносит счастья. Дополнительные плюсы – да, но красивая мордашка – недостаточная причина, чтобы продолжать жить. Некоторые будут разочарованы, что она не дала более

развернутый отчет о причинах, но причины у нее имелись. Только за последнюю неделю она записала шестнадцать веских причин, и наверняка есть еще, просто не вспомнились.

Водить людей за нос не в ее привычках. Так что лучше грациозно откланяться и благодарить Бога за то, что ей удалось хотя бы немного. Она никогда не курила, не ругалась, не повышала голос на людях, не нарушала правил дорожного движения, не получала штрафов за неправильную парковку, и это при том, что, несмотря на многолетний водительский стаж, она так и не освоила параллельную парковку. Но теперь ей шестьдесят, и она слишком молода, чтобы выйти на пенсию, и слишком стара, чтобы освоить новую профессию. Лучшая часть жизни явно позади. Так зачем продолжать борьбу? Чего ради?

Без Хейзел жить не легче, чем пытаться удержать спицу на носу или жонглировать шестью кольцами, стоя на шаре на одной ноге. Бывали моменты, когда Мэгги отчаянно хотелось выбежать на улицу голой и нестись куда глаза глядят, вопя как безумная, во всю силу легких, но, разумеется, она не могла себе такое позволить. Сейчас все кому не лень обзаводятся телефонами с камерой. Какой-нибудь бездельник наверняка заснимет ее и выложит в «VbuTube, и будет ее позорное фото болтаться в Интернете годами.

Бренде повезло. У нее до сих пор полно целей в жизни. Вот не далее как на прошлой неделе она объявила, что хочет баллотироваться на должность мэра Бирмингема, дабы разогнать муниципальный совет. У Бренды есть мечты и честолубие и есть семья, которая о ней заботится. Даже у Этель Клип, которой, по слухам, не меньше восьмидесяти (точно никто не знает), есть коллекция колокольчиков и две обожаемые белые персидские кошки, Ева и Цза Цза. Бренда и Этель хотят жить, и весь мир хочет жить, а она – нет. Так что лучше сойти с дороги, а прочие пусть себе весело топают дальше.

Она скромно, тихо и рассудительно – и пожалуйста, не надо фанфар – покидает жизнь чуть раньше намеченного срока, только и всего. Тактика уклонения (возможно), неспособность смириться с действительностью (разумеется), упреждающий удар против старости (несомненно). Но есть и положительные стороны: она сэкономит государству кучу денег, что идут на социальные нужды недееспособных граждан; истратит меньше кислорода, газа, воды, еды, пластиковой и бумажной продукции; и в мусор попадет меньше кофейной гущи. Эл Гор^[2] оценил бы.

Она положила письмо в конверт и спрятала в ящик, под стопку старых телефонных счетов. Стоп! Нужно оплатить все счета перед уходом. Про нее

никто не посмеет сказать, что бывшая Мисс Алабама была паразиткой. Она села и оглядела комнату. Хотя мебель по большей части ей не принадлежит, осталась куча мелочей, от которых нужно избавиться, так что заняться есть чем.

Подумать только, как все начиналось, какие были мечты и как все кончается... вот так сюрприз. Мэгги явно пересмотрела в детстве фильмов. Она ведь в самом деле ждала счастливого конца.

Инцидент с мороженым

Бренда на другом конце города черпала мятное мороженое с шоколадной крошкой, которое купила ее сестра Робби. Мороженого Бренде не полагалось, поскольку ей поставили диагноз «предрасположенность к диабету», но надо же было как-то отпраздновать. К тому же Робби, работавшая медсестрой в реанимации, уехала в больницу на вызов и не вернется до восьми. Бренда собиралась чуть-чуть подъехать с краев поллитрового ведерка, а потом разровнять – Робби и не заметит. Она погрузилась в размышления. Конечно, когда крутящиеся дервиши не кружатся, им приходится ходить в повседневной одежде, по крайней мере во время переездов. Они просто в самолет не поместятся в этих высоких шапках, особенно если самолет маленький, но, может, они ездят в автобусах, как звезды вестернов. В автобусах потолки высокие. Хотя нет, нельзя же на автобусе от самой Турции приехать, значит, приходится им иногда и лететь, а может, они на пароход могут сесть? Она снова посмотрела на фото в газете, и вдруг эти высокие шапки показались ей очень тяжелыми. Интересно, сколько они весят? И не болит ли у дервишей голова все время носить их... Тут Бренда оторвалась от дервишей и обнаружила, что слопала половину ведерка.

Вот елки зеленые! Теперь не скроешь. Значит, придется бежать в магазин и покупать новое ведерко на замену. В прошлый раз, когда такое случилось, она долила воды, но Робби открыла мороженое, увидела, что там сплошной лед, и заподозрила неладное. Перевернув ведерко. Бренда на всякий случай проверила, не пометила ли его Робби. Та порой ставила крестик на дне, чтобы ее подловить, но на этом ведерке никаких отметок не было. Хорошо. Нельзя, чтобы ее снова поймали на мухлеже с диетой.

Три месяца назад ее застукали с поличным, и поскольку Робби – реанимационная медсестра и трясется за ее здоровье, сцена вышла не из приятных. Робби на семь лет моложе, но все равно командует Брендой. Она намного выше и худая как палка. К сожалению. Бренда пошла в мать и ростом была всего пять футов пять дюймов^[3], а весила на данный момент около 166 фунтов, что было ее средним весом. Нормальный – 150 фунтов, а максимальный был 178^[4]. Предусмотрительная Бренда держала три набора одежды в шкафу: ХОРОШО, СРЕДНЕНЬКО и ЖИРНАЯ КАК БОРОВ. К ХОРОШО она не прикасалась больше пяти лет – с тех пор, как умерла Хейзел Уизенкнот. «Я ем из-за стресса», – говорила она Робби. А теперь ее

сводят с ума работа и племянники, и она вот-вот перейдет от гардероба СРЕДНЕНЬКО к гардеробу ЖИРНАЯ КАК БОРОВ, а значит, и об обуви придется задуматься. Робби говорит, что Бренда – единственный человек в Америке, у которого размер ноги зависит от веса.

Бренда махнула рукой и доела мороженое. Потом смяла картонное ведерко, завернула его в фольгу и запихала на самое дно мусорного ведра под раковину. Помыла ложку, вытерла и убрала в ящик для посуды, выложила связку бананов на блюдо. Взяв пачку молока из холодильника и свежую пачку «Чириос» из-под стойки, сунула все в бумажный пакет, надела новый парик а-ля Тина Тернер, прихватила сумку и направилась к двери. Выходить она не хотела, но если ее снова застукают за поеданием мороженого, ей влетит, особенно после происшествия, имевшего место три месяца назад.

В доме, за который после утомительных переговоров уже была внесена часть суммы, обнаружились серьезные строительные неполадки, и покупатель аннулировал договор. Бренда страшно огорчилась. Сделка сорвалась, а она уже спланировала, что свой гонорар потратит на новый 50-дюймовый телевизор. Бренда прекрасно знала, что нельзя этого делать, но все же поехала в кафе-мороженое в другую часть города, где ее никто не знает, а Робби наверняка не увидит. Заказав огромный пломбир, политый сиропом и взбитыми сливками, украшенный тремя вишенками на макушке и посыпанный орехами, она направилась с ним к машине, и вдруг на нее налетел мальчишка и попытался вырвать из рук сумочку. Хорошо, что сумочку ему отобрать не удалось. Плохо, что на следующее утро этот инцидент был освещен в «Бирмингем ньюс».

С ПЛОМБИРОМ НАПЕРЕВЕС

Мисс Бренда Пиплс с улицы Секонд-Сурт-Саус, 1416, будучи не в настроении отдавать свою сумку грабителю, отразила нападение большой пластиковой миской с мороженым, которую держала в руке. Прохожий, свидетель происшествия, сказал, что «она из него дух выбила». Подоспевший на место сражения полицейский – а события разворачивались на парковке кафе «Фостерс Фриз» – сообщил, что 18-летний преступник хотя и не был серьезно травмирован, но являл «жалкое зрелище».

Все, кто прочел эту заметку, считали, что ничего смешнее не случилось с тех пор, как один чудака пытался ограбить Первый национальный банк

Алабамы, угрожая живым лобстером, но Бренда просто взбесилась от того, что ее имя пропечатали в газете. В то время она ходила на занятия для похудения, и мало того, что Робби узнала о ее вранье насчет диеты, так еще благодаря болтливому репортеришке и вся группа была в курсе, потому больше она туда не пошла. Да лучше бы она отдала этому балбесу сумку и спокойно съела мороженое.

Единственное утешение, что после попытки ограбления хозяева кафе выдали ей в точности такое же мороженое – взамен использованного в качестве средства обороны. Но об этом Бренда рассказывать сестре не стала.

И снова размышления

Мэгги все яснее понимала, что ничего удивительного в том, как повернулась ее жизнь, собственно, нет, если учесть, сколько она приняла ошибочных решений. Господи, ну почему она не вышла замуж за Чарльза Хогса Третьего, когда он предлагал? Его родители в ней души не чаяли. В день рождения повели в клуб «Бирмингем» на вершине Красной горы. Это было потрясающе. Подиум для танцев крутился и переливался разноцветными огнями, шикарно одетые люди сидели вокруг за столиками и потягивали экзотические коктейли, и мисс Марго весь вечер играла на пианино в Золотом зале с видом на город. Чарльз был высоким блондином с голубыми глазами и нежной, как у девушки, кожей.

В тот день Чарльз заказал там ужин и устроил чудесную вечеринку, во время которой и сделал ей предложение. Она только что получила титул Мисс Алабама, и, когда вошла в зал, оркестр сыграл в ее честь «Звезды падают на Алабаму». Она была на седьмом небе. Они протанцевали всю ночь, а когда вернулись за столик, по распоряжению Чарльза ей поднесли на десертной тарелке черную бархатную коробочку с обручальным кольцом, украшенным огромным бриллиантом.

Это был волшебный год. Они были золотой парой, и на какие только вечеринки их не приглашали все лето! Чарльз прекрасно танцевал и был неотразим в смокинге и оригинальных, сшитых на заказ черных кожаных туфлях с бантиками-бабочками. Ей нравилось, как он движется во время танца. Он прижимал ее, она чувствовала тепло его тела сквозь пиджак и переставала понимать, где кончается он и начинается она. А вечерами, после возвращения домой, запах его одеколона держался на коже и одежде еще несколько часов. Она была слишком молода, чтобы понимать: это волшебное лето не будет длиться вечно. Думала, у них на все хватит времени.

За Чарльза не вышла, так хоть уроки игры на арфе не бросала бы. А то разучила всего две песни. Двух песен хватило, чтобы выиграть конкурс «Мисс Алабама», но она не могла обеспечить себя на всю жизнь, без конца играя «Нежность» и «Эбб и Тайд». И почему вообще она выбрала арфу? Ее же никуда с собой не возьмешь. Почему не пикколо, или флейта, или скрипка? Особых успехов в музицировании она не достигла, зато выучилась изящным плавным движениям, благодаря которым казалась гораздо более умелой арфисткой, чем была на самом деле. Даже ее

учительница по музыке заметила: «Недостаток музыкального таланта, дорогуша, ты компенсируешь вкусом и стилем». Вот она, история ее жизни. Вот за счет чего она до сих пор держалась. Кроха таланта и уйма вкуса. Мало кто догадывается, что у нее всего шесть или семь хороших костюмов и платьев, а это так. Зато все стильные. Благодаря распродажам дизайнерских нарядов и тому, что она знает примерно сорок способов интересно повязать платок, ей удавалось всегда хорошо выглядеть внешне, а что там у нее на душе – совсем другая история. Неизвестно почему, но она всегда была не уверена в себе, боялась ошибиться, вечно ждала какого-нибудь чудесного знака, который помог бы ей решить, что делать, и обычно дело кончалось тем, что она не делала ничего. Но сегодня в 5.30 она приняла решение, которое кажется ей правильным. Какое облегчение.

Мэгги взяла почту с серебряного блюда в прихожей. Сплошной мусор да реклама «Ивовых озер» – общества активных пенсионеров. Она бросила почту в мусорное ведро. Включила свет на кухне и заметила на стойке визитку Дотти Фигг из агентства недвижимости «21 век». Должно быть, показывала сегодня ее дом. Дотти – трудяга, за последние три недели она трижды привозила одну супружескую пару из Техаса. В настоящий момент на продажу выставился только дом с двумя спальнями, но Мэгги вдруг сообразила, что ее-то дом после 3 ноября освободится. Наверное, стоит завтра позвонить Дотти. Пусть будет начеку. Что за дом конкретно, она пока говорить не станет. Дотти ей нравилась. Они вместе участвовали в конкурсе «Мисс Алабама». Дотти играла на тромбоне и танцевала степ, но сейчас Дотти так же едва держится на плаву, как и она сама. Два года назад Дотти объявила, что выходит из Южных баптистов и «вступает на путь» Восточных. Мол, если бы не Ом-йога и ежедневные поклоны богине Цзюань Инь, она бы не выжила. Поначалу было немного странно видеть на днях открытых дверей, устраиваемых Дотти, буддистские молитвенные флажки и магические кристаллы, но она была такая славная. Недавно Дотти продала дом в их кооперативе и в благодарность подарила Мэгги двойную вазочку инь-ян. Мэгги не очень понимала, к чему ее приспособить, но не хотела обижать Дотти глупым вопросом.

Налив большой бокал вина, Мэгги села на диван в гостиной, скинула туфли и водрузила ноги на кофейный столик. Она потягивала вино и размышляла, что еще нужно сделать, чтобы все прошло гладко. Она хотела уйти не только без долгов, но и никому не причинив беспокойства. Сегодня она слишком устала, но завтра первым делом составит список «Что сделать перед уходом». Память может и подвести, вдруг забудешь какую-то мелочь, так что лучше записать. Непонятно почему, может, просто от

усталости, но в последнее время она стала кое-что забывать, например, имена знакомых людей и любимых актеров. На прошлой неделе никак не могла вспомнить Тэба Хантера. Он всегда был ее кумиром, уж его-то как можно было забыть?

Мэгги сделала еще глоток и вернулась мыслями к крутящимся дервишам. Ох, боже. Неужто людей из «Искусства и досуга» опять поселят в огромный, шикарный отель в центре? Хейзел всегда говорила: «Люди едут в Бирмингем, ожидая худшего, поэтому вдвойне важно, чтобы они увидели лучшее». Она взглянула на часы. Звонить Кэти в офис уже поздно. Утром первым делом нужно с ней созвониться и, если она еще не забронировала отель, мягко предложить что-нибудь более домашнее, дабы подчеркнуть местный колорит, «Динклер–Тутвиллер», например, или даже какой-нибудь гостевой коттедж в загородном клубе «Маунтейн–Брук». Хотя у них там строгие правила в одежде, и мужчины в юбках, если это не танцоры из школы шотландских танцев, могут вызвать неодобрение.

Еще глоток вина. Но об одном точно можно не беспокоиться: дервишей в Бирмингеме примут по-королевски. Когда в прошлом году приезжала оперная певица Мэрилин Хоум, она получила 65 корзин с фруктами с надписью «Добро пожаловать в Бирмингем». Народ в Бирмингеме известен дружелюбием и гостеприимством. Надо признать, некоторые говорят даже о чрезмерном гостеприимстве, мол, приезжие настолько устают от него, что жаждут только одного – попасть домой и отдохнуть.

Да, жители Бирмингема аж из себя высказывают, чтобы понравиться. Но Мэгги считала, что причиной тому не только их дружелюбный от природы нрав. Еще они стараются загладить недоброжелательные высказывания о Бирмингеме, которые частенько мелькали в прессе во времена движения за гражданские права. Это было ужасно. И по сей день, стоит где-нибудь в мире возникнуть расовым неурядицам, на свет извлекаются старые бирмингемские кинохроники: 1963 год, полицейские направляют на демонстрантов собак и поливают из брандспойтов. Это разбивает ей сердце. Нет, конечно, все было, спору нет. Но пресса преподнесла это так, будто все до единого жители Бирмингема ярые расисты, а это неправда.

В письме она написала слово «подавлена», потому что так легче понять. Но для описания ее состояния больше подходит слово «печальна». Мэгги никому не рассказывала, что с ней случилось в Атлантик–Сити в тот год, когда она стала Мисс Алабамой, и не расскажет. Жители Алабамы, и в частности Бирмингема, и так слишком часто слышат о своем дурном

поведении.

Дама с замороженной рукой

Бренда стояла в магазине «Пятерочка», глубоко засунув руку в огромный морозильник. За последние десять минут она передвинула с места на место, похоже, сотню коробок мороженого в поисках полукилограммовой упаковки мятного с шоколадной крошкой. Здесь продавались тонны всяческого мороженого – ромовое с изюмом, кофейное, с маслом ореха пекан, и ванильное, и клубничное. Кроме мятного с шоколадной крошкой. Отлично. Мало того, что ее правая рука совершенно отморозилась – настолько, что она не чувствует пальцев, – так теперь еще придется пилить в супермаркет «Бруно» на шоссе Грин–Спрингз. А если и там треклятого мороженого нет?

Ведя машину левой рукой (правая еще не оттаяла) через весь город, она все больше злилась на Робби. Ну что бы не купить просто шоколадное или просто ванильное? Она же любит ванильное. Так нет, подавай ей мятное с шоколадной крошкой, летнее, которого – и Робби прекрасно это знает – осенью днем с огнем не сыщешь. И зачем вообще держать мороженое дома – специально, чтобы Бренду дразнить? Хотя у Робби вообще что-то не то с головой. Как человек может забыть пообедать? Бренду это просто бесило. Робби никогда не доедала до конца то, что лежит на тарелке, а в день рождения съела половину куска торта. Бренда в жизни не съедала половину куска и не понимала тех, кто на это способен.

Через полчаса, выйдя наконец из «Бруно» с коробкой мороженого. Бренда боролась с собой, чтобы не смотреть направо, поскольку знала, что кафе–мороженое по соседству еще наверняка открыто. Но она была расстроена и подавлена, так нужно же хоть чем-то себя утешить, и после самого краткого из известных человечеству сражений она повернула в сторону кафе. Раз уж она все равно слопала полкило мороженого и пустила под откос целый месяц диеты, почему бы не позволить себе маленький стаканчик обезжиренного, без сахара. Теперь это уже не повредит.

Она взяла в автомате квиток с номером и встала в длинную очередь, все еще злясь на себя за то, что съела мороженое Робби. Но в конце концов, она не виновата, это у них семейное. Свою старшую сестру Тонью Бренда водила к психологу и дважды помещала в реабилитационный центр по борьбе с алкоголизмом. Ничего не помогало. Тонья не умела остановиться после одной рюмки и всякий раз напивалась до беспамятства. Так же, как Бренда, видимо, не может остановиться на одной ложке мороженого. Ну да

ладно. Завтра она на месяц прекращает есть сладкое.

Очередь двигалась медленно. Разглядывая толстяков в очереди. Бренда решила, что воздержится от булочек и картошки. Надо похудеть к лету. Прошлым летом был чистейший ад, хоть весь тальк в мире насыпь на себя, все равно сидишь вся мокрая посреди влажного пекла Алабамы, к тому же в последнее время начали побаливать колени – еще бы, такую тяжесть таскать. Робби она об этом ни словом не обмолвилась, дабы не услышать ее извечное «Я же тебе говорила». Просто мучение жить с профессиональным медиком.

Она взглянула на часы. Почти четверть девятого. К девяти нужно быть дома как штык. Одна надежда, что Робби не придет раньше и не решит именно сегодня полакомиться мороженым. Не должна бы, но если учесть, как Бренде сегодня везет... Надо было повернуться и уйти в ту секунду, когда парень за стойкой тренькнул звонком. Он звал подмогу, поскольку женщина перед ней заказала мороженое для целой футбольной команды шестиклассниц, ждущих снаружи в автобусе. Ну надо же, а! И как раз когда она так спешит. Когда Бренда наконец очутилась у стойки, автомат, выдающий мороженое, сломался, и она прождала еще десять минут.

Подъезжая к гаражу. Бренда издали увидела машину Робби. Слава тебе господи. Бренда подстраховалась и взяла из дому пакет молока, хлопья и бананы: вот, мол, зачем я ездила в магазин. Мороженое она спрятала в сумку. Положит в холодильник, когда Робби уйдет спать. Когда она вошла в кухню с пакетом в руке, Робби, не успевшая еще сменить белый халат на домашний, удивленно посмотрела на нее:

– Привет, куда это ты ходила?

– Нужно было кое-что в магазине.

– Да? Что же нам было нужно?

– Бананы, молоко и «Чириос». – Бренда принялась раскладывать продукты на те же места, откуда их и взяла.

У Робби был растерянный вид.

– Странно. Я думала, с утра у нас лежала связка бананов. Разве нет?

Бренда не любила, когда ее уличают во лжи, и вовремя вспомнила слова Хейзел: «Если не знаешь ответа на вопрос, с большим воодушевлением смени тему». Поэтому она с большим воодушевлением воскликнула:

– Угадай, кто приезжает в Бирмингем! Крутящиеся дервиши!

– Крутящийся кто? – не поняла Робби.

Бренда резво схватила газету и показала статью, и Робби, к ее облегчению, забыла о бананах. Будь благословенна. Хейзел. Пять лет как

умерла, а до сих пор без нее никуда.

Тем временем в Эйвон–Террас

Хотя Мэгги не сомневалась в правильности решения, она так и не могла понять, почему решилась именно сегодня. Может, вчерашний разговор с Этель так на нее подействовал?

Когда Мэгги вернулась с обеда, Этель сказала:

– Кто бы знал, как мне не хватает Хейзел. Столько времени прошло, а я до сих пор не могу поверить, что она умерла.

Мэгги кивнула:

– Мне тоже ее не хватает. Каждое воскресенье чудится, что она позвонит спозаранку и скажет: «Привет, Мэгги, поехали странствовать». Она любила кататься по городу в своей большой старой машине, без дела ни минуты не сидела и от всего получала удовольствие.

– Да, с ней все было весело.

– Этель, ты ведь знала ее лучше всех. Как думаешь, она не уставала от постоянного веселья и деятельности?

Этель покачала головой:

– Ни на минуту. Мы — да, могли устать, но не она, и это утомляло. Помнишь, чего она только не устраивала. Бейсбол, все эти вечеринки, поиски пасхальных яиц, безумные поездки... Эта женщина нас так загружала, что мне даже разводиться пришлось по телефону.

– Интересно, как ей это удавалось?

– Понятия не имею, но за ней было не поспеть. Мы становились старше, а она нет. Помнишь, заставила нас всех учиться крутить хула-хуп, а потом маршировать на параде? У меня два месяца бока болели.

Следующий вопрос Мэгги должна была тщательно продумать. Этель очень нервно воспринимала свой возраст.

– Этель, что для тебя самое неприятное в... э-э... в твоём возрасте?

– Самое неприятное?

– Да.

Этель подумала.

– Ну, наверно, чем старше, тем меньше ты чего-то ждешь. В молодости ждешь, что вырастешь, выйдешь замуж, заведешь детей, потом ждешь, когда же они от тебя съедут.

Вот оно, точно. Ей совершенно *ничего* ждать. Разве что весны (в Маунтейн–Брук невероятно красиво расцветают кизил и цветы) да осени с ее пестрыми листьями. А больше вроде и незачем все это продолжать.

Этель попала прямо в яблочко.

Мэгги посмотрела на часы. Почти четверть десятого. Надо что-нибудь пожевать, иначе голова разболится. Завтра-то все равно идти на работу. Так что она встала, вынула из морозилки готовый обед (печеная куриная грудка и пюре с овощами) и сунула в микроволновку. Дома она питалась лишь замороженными обедами и тостами, потому что: а) не хотела потом отмывать кухню, б) пусть и могла завязать платок сорока разными интересными способами, но готовить не умела. Нет, пробовала, конечно. Поступив на работу к Хейзел, она устроила небольшой ужин для девушек-сотрудниц, но дрожжевые булочки у нее не пропеклись, и после ухода гостей дрожжи в них еще продолжали подниматься, а ночью всех гостей увезли на «скорой» в Университетскую больницу – кроме Бренды, которой ничего не сделалось. После этого Мэгги вообще перестала подходить к плите. Но за все нужно платить. От содержащегося в замороженных обедах натрия у нее отекали руки.

В ожидании, пока разогреется ужин, она взяла журнал «Нью эйдж», оставленный Дотти с пометкой: «Отл. номер!!» Листала страницы, но не видела ничего кроме рекламы ковриков для йоги, свеч для медитации и бесчисленных книжек из серии «Помоги себе сам»: «Премудрости менопаузы», «Диета для достижения оргазма», «Как лелеять ваше тело и ваше либидо одновременно», а одна называлась так: «Сто секретных сексуальных поз древности, собранных со всего мира». Господи помилуй. Она не хотела обижать Дотти, но это вовсе не то, что ее интересует, по крайней мере, на данный момент. Поэтому она бросила журнал в мусорное ведро и взяла сегодняшнюю газету.

Как Бренда и говорила, на первой странице раздела развлечений была помещена большая фотография крутящихся дервишей, и смотрелись они так, будто сошли с экрана... Впрочем, для Мэгги почти все казались ненастоящими. Ричард выглядел в точности как Эдди Фишер^[5].

Когда она впервые увидела Этель Клип, их менеджера с редкими лиловыми волосами, стоящими на голове торчком, и в огромных лиловых очках, которые вдвое увеличивали глаза, та показалась Мэгги инопланетным жуком из дешевой фантастической киношки. В 1976-м принимающий всех желающих на бульваре художник-колорист подбирал для Этель ее цвета и сообщил, что больше всего ей идут лиловый и сиреневый, и с тех пор она ничего другого не носила. Хейзел дала Этель прозвище Лиловая Вспышка. Бренду она называла Громоступом, поскольку издали слышала ее шаги, а Мэгги была Девочкой из Волшебного города.

Пожинав, Мэгги составила посуду в посудомоечную машину и

включила ее. Потом приняла ванну, почистила зубы, легла и включила телевизор послушать новости. Как обычно, говорили исключительно про грядущие выборы президента. В последнее время они сводятся к тому, что люди просто поливают друг друга грязью. Тут до нее вдруг дошло. Ее здесь не будет четвертого ноября, чтобы узнать, кто победит. Так зачем же смотреть? Новости ее только огорчают. Они в основном плохие. Она не Бренда, которая интересуется политикой, и не Этель. У Этель настоящая информомания, ей подавай новости двадцать четыре часа в сутки. Мэгги – нет. Новости она смотрела только ради того, чтобы хоть мало-мальски поддерживать беседу с клиентами. Но теперь–то можно не смотреть! Какое счастье – выключить телевизор. И если ее о чем–нибудь спросят в эти несколько дней, она ответит: «Простите, я не в курсе».

На самом деле Мэгги о многом не знала бы с удовольствием. Ее поражало, как едва знакомые люди могут рассказывать о вещах сугубо личных.

Она ни с одной живой душой не стала бы обсуждать Ричарда, тем более с незнакомцами. Может, она и ханжа, но в том, чтобы не знать точных деталей, есть что–то милое, по–настоящему интеллигентное. Она бы предпочла, чтобы люди изъяснялись более неопределенно, но сейчас, особенно в торговле недвижимостью, нельзя позволить себе неопределенности или мягкости. Ни по какому вопросу. Сегодня, чтобы оставаться в игре, приходится быть жестким, даже жестоким, как Бебс. Мэгги изо всех сил старалась быть жесткой, но не могла, и все тут.

Вот вам еще одна резонная причина выйти замуж за Чарльза, когда он предлагал. Но она–то была нацелена на Нью–Йорк, собиралась стать богатой, известной и прославить свой штат. Единственная проблема – она не продумала, как именно станет богатой и известной. Не умея ни петь, ни играть на сцене, ни танцевать и при явном отсутствии музыкального таланта все, что она могла, – это со вкусом одеваться и стильно выглядеть. Но в Нью–Йорке, как оказалось, ее пяти футов восьми дюймов^[6] роста не хватило, чтобы стать профессиональной моделью. И после года поисков место модели ей удалось получить только в «чайном домике» «Мезонин» в универсаме Неймана Маркуса в Далласе. Еще можно было стать стюардессой, но в те времена бывшие Мисс Алабамы шли не в стюардессы. Они шли, и удачно, замуж и рожали в среднем 2,5 детей.

Мэгги тоже могла удачно выйти замуж. Большинство ребят, с которыми она училась в школе, были родом из старинных чугунных, угольных и стальных семейств, и, хотя родители ее жили весьма скромно, богатые мальчики «с горы» искали свиданий с ней, но нравился ей только

один из них – Чарльз.

Когда она ему отказала, он повел себя как джентльмен и не подал виду, что сильно огорчен, но потом до нее дошли слухи, что он едва не спился после ее отъезда в Нью-Йорк. Почему он за нее не боролся? Почему не настоял? Почему не поехал следом? Если бы он примчался за ней перед ее отъездом из Нью-Йорка в Даллас, она бы с радостью вернулась домой. И не познакомилась бы с Ричардом. Господи... Ну почему Чарльз повел себя так благородно? К чему такое джентльменство? Обе жизни – его и ее – могли бы сложиться совсем по-другому. Но вероятно, он не мог быть никем иным, только собой, как и она – только собой. Дурой набитой.

Вернувшись из Далласа в родной город, она боялась с ним столкнуться, но, к счастью, этого не случилось. Большинство знакомых были настолько тактичны, что не упоминали о нем вовсе. Только однажды девица, которую она едва знала, жена их с Чарльзом общего друга, спросила:

– А ты ничего не слышала про Чарльза Хогса?

– Боюсь, что нет.

– А-а, мы тоже. Известно только, что он женился на дочке какого-то швейцарского банкира и уехал.

Мэгги надеялась, что Чарльз счастлив. Он заслужил счастье, как она заслужила обратное. В сущности, она сама устроила себе такую жизнь.

Редкая красавица

1964

В Бирмингеме полно красивых девушек, но Мэгги Фортенбери была из тех редких красавиц, на которых чем дольше смотришь, тем они кажутся красивее. Чарльз Хогс Третий мог часами не отрывать от нее взгляда и все пытался понять, что же отличает ее от других. Наконец пришел к выводу, что глаза. В глубине ее карих глаз крылось нечто настолько нежное, стыдливое и уязвимое, что ему хотелось защищать ее от всего мира.

Чарльз мог запросто поддержать разговор с любым человеком, молодым или старым, но рядом с Мэгги напрочь лишался дара речи и, к стыду своему, то и дело повторял: «Боже... какая ты красивая». Но ведь и вправду красивая. Чарльз увлекался фотографией и, делая снимок за снимком, обнаруживал, что под каким углом Мэгги ни снимай, фото всегда получается удачным. Плохих сторон в ней не было, насколько он мог судить. Впрочем, он ведь был влюблен.

Еще бы. Тем летом он возил Мэгги и ее арфу с одного званого вечера на другой. Мисс Алабама была в городе нарасхват. А он держался на расстоянии и наблюдал, как с ней все носятся. Это не вызывало у него возражений, он с радостью любовался бы ею издали всю отпущенную ему жизнь. И, получив после разговора с ее отцом благословение, потратил много часов, выбирая кольцо. Спланировал весь вечер: ужин, танцы и после этого предложение.

Мэгги не знала, но его родители уже выплатили деньги за их будущий дом. Он собирался на следующий день после того, как она скажет «да», повезти ее на гору и сделать сюрприз. Родители будут ждать снаружи с шампанским, чтобы отметить это. Но она сказала «нет».

Ей хотелось сначала покорить Нью-Йорк. Чарльз разрывался. Он не желал становиться у нее на пути, но знал, что если она поедет, то наверняка станет знаменитой и он ее больше не увидит.

В день, когда она уехала, он стоял рядом с ее родителями, улыбался, махал рукой, но едва поезд отъехал от станции, понял, что потерял ее. Он ее не винил: она не могла быть другой. Но чувствовал, что не сможет вытеснить ее из сердца. Неудивительно, что следующие пять лет он пил не просыхая.

Лиловая Вспышка

Мэгги давным–давно погасила свет, а Этель Клип все сидела на кровати в своей лиловой ночной рубашке с нарисованными котами, накручивая на бигуди реденькие лиловые волосы и без конца переключая с местных новостей на CNN и Fox TV Этель было все равно, кто победит на выборах: ни один кандидат ей не приглянулся. Тем не менее она хотела знать, что творится в мире, дабы утром было на что пожаловаться. Конечно, Бренда ахала–охала вокруг Барака Обамы, а Мэгги политику не обсуждала и за кого голосовала – неизвестно. Этель же никто особо не нравился со времен Гарри Трумэна, с 1948 года, о чем она сразу всем и сообщала. Этель бывала резковата в суждениях. Она была старше, чем признавалась (в прошлом мае стукнуло 88), глуха на одно ухо и страдала ужасным артритом на оба колена, но, несмотря на возраст, не пропустила в агентстве «Красная гора» ни одного рабочего дня. Работать она любила. Благодаря работе и сердце ее продолжало биться. Некоторые с нетерпением ждут пенсии, чтобы путешествовать. Пфф! Были времена, когда люди путешествовали ради удовольствия, но теперь, насколько известно Этель, никакого удовольствия от этого не получишь.

Ей нравилось ездить на поездах, да только с тех пор, как поезда стали государственными, некогда изящные вагоны–рестораны с белыми льняными скатертями и прекрасными серебряными приборами превратились в дрянные кафешки, где народ во вьетнамках на босу ногу ест подогретые в микроволновке сэндвичи, пьет пиво и диетический лимонад. А полеты вообще за гранью. Стоять в длинной очереди, чтобы тебя обыскивали и просвечивали до кишок, как преступника. Черт, она не желает снимать обувь на глазах у незнакомых людей и ставить ее в грязное пластмассовое корыто. Много лет назад в самолетах подавали полный обед: ростбиф с подливкой или лобстера с хорошим вином и десертом. Теперь же – угощайтесь, пожалуйста – вода и пакетик арахиса. И даже если самолет не опаздывает, никто из служащих не поможет тебе с багажом. Когда она летала в последний раз, при попытке снять с ленты чемодан ее проволокло полкруга, и, если бы ее не поймал какой–то мужчина, неизвестно еще, чем бы все закончилось. Да и чемодан–то оказался ЧУЖОЙ! Ее багаж потеряли. Как, объясните бога ради, чемодан с биркой «Атланта, штат Джорджия» мог улететь в Бьютт, штат Монтана, на совершенно другом самолете? А на машине как теперь ездить, скажите на милость? Тебя

подпихивают сзади гигантские восемнадцатиколесные драндулетищи, пугают своими гудками до полусмерти. И даже если ты доберешься—таки до места назначения и тебя не раздавят по дороге в лепешку, там все равно все по-другому. Давным—давно, когда ты вселялся в гостиницу, тебя радостно приветствовали словами «Добро пожаловать». Теперь же какой—нибудь мальчишка за стойкой, не взглянув, спросит только: «Номер зарезервирован?» Так что Этель сидела дома.

Да и все равно она не могла уехать. Пока Мэгги и Бренда удерживают на плаву агентство «Красная гора», она будет барахтаться вместе с ними. А помня про Бебс Бингингтон (Бирмингемское Чудовище), которая так и вьется акулой вокруг их фирмы, нужно быть начеку двадцать четыре часа в сутки. У Этель уже зародились кой—какие подозрения, и будь она проклята, если позволит Бебс сыграть с Мэгги такую же грязную шутку, как с Хейзел.

Конечно, Этель христианка и все такое, но она до сих пор не может простить Бебс то, что та сотворила с Хейзел. Она над этим, разумеется, работает, но пока безрезультатно.

Чудовище

Бибс (Бирмингемское Чудовище) приехала в город десять лет назад из Нью-Джерси, стала членом Алмазного клуба и шесть лет подряд была ведущим агентом по продажам. В бизнесе Бибс – просто динамо-машина, это так, но чаще всего про Бибс говорили, что человек она дурной. Она даже не пыталась изобразить из себя хорошего человека, ну разве что перед клиентом. У Бибс было не только два лица, у нее было и два голоса. Общаюсь с работниками или другими агентами, она отдавала приказы громким, резким тоном, которым можно лед рубить, с клиентом же говорила влажным, сиропным говорком. По определению Бренды, от ее попыток скопировать южное произношение стошнит и червяка. Говорят, каждый получает лицо, какое заслуживает, и в случае с Бибс – это правда. Кое-кто (Этель) однажды сказал, что Бибс – вылитая портовая крыса в гражданской одежде, неумолимая и жестокая, полная дрянь, но аккуратистка. С маленькими, колючими глазками-бусинками, с узким острым личиком и длинным острым носом – вылитый грызун, рвущийся к намеченной цели. Однажды на торжественном обеде, устроенном под лозунгом «Женщины в агентстве недвижимости», Бибс сидела за столом и щипала сыр, и Этель, пихнув Бренду локтем, прошептала: «Глянь, я ж говорила, что она крыса». Но Бренда возразила, что Бибс больше похожа на гончую с парой дрянных сережек в ушах.

Не только наружность Бибс раздражала Этель, но и то, как грубо та вела дела, какие кричащие рекламы помещала в газеты. Бибс давала объявления только заглавными буквами, и они просто орали на читателя:

**СПЕШИТЕ! СПЕШИТЕ! СПЕШИТЕ!
НЕ ПРОПУСТИТЕ!
БЕГОМ, А НЕ ШАГОМ!
ЗАХВАТИТЕ ЗУБНУЮ ЩЕТКУ!**

Мэгги в объявлениях оперировала более мягкими понятиями: «Приготовьтесь влюбиться», «Изысканность прошлого», «Дом, в котором сбываются мечты» или «Ваш новый чудный дом ждет вас». Рекламируя менее дорогие дома, Мэгги писала: «Редкий шанс для разборчивого покупателя», «Очаровательный и по средствам» или «Совершенный дом для первой покупки и для желающих сэкономить». Бибс продавала те же

дома под такими лозунгами:

ДЕШЕВО! ДЕШЕВО! ДЕШЕВО!
НАСТОЯЩИЙ СТИЛЬ!
ХВАТАЙ ПОКА МОЖЕШЬ!
БУДЕТ ЧЕМ ПОХВАСТАТЬСЯ!

Объявления Мэгги с рекламой элитных домов на горе были особенно краткими и простыми: «Цена договорная». А вот как Бебс продавала такие дома:

ЕСЛИ СПРАШИВАЕШЬ, ЗНАЧИТ,
ОН ТЕБЕ НЕ ПО КАРМАНУ!

Если объявление Мэгги гласит: «Большой, просторный дом, идеален для коллекционера и благотворительных выставок», то Бебс стесняться не станет:

ЕСТЬ КАРТИНЫ? СТЕН ХВАТАЕТ!
УЙМА МЕСТА ДЛЯ ВЕЧЕРИНОК!

На взгляд Этель, мягкости и утонченности в Бебс не больше, чем в магистральном тягаче «Мак», но с годами агентство Бебс Бингингтон втрое обставило «Красную гору» по продажам. Стало ясно, на что клюет публика, и Этель злилась так, что еще чуть-чуть – и начнет плевать пулями.

Сейчас всякий имеющий отношение к их бизнесу знал, что Бебс не брезгует брать взятки у строительных компаний. Если строители положили глаз на какой-нибудь старый особняк, выставленный на торги, Бебс без промедления подкатывала к владельцу и уговаривала продать дом симпатичным молодоженам, специально нанятым на эту роль. А как только сделка оформлена, тут же у старого дома возникали бульдозеры, строители сносили особняк и едва ли не за ночь возводили на его месте дешевую в постройке ярко-оранжевую мегавиллу в средиземноморском стиле, больше всего похожую на мексиканский ресторан быстрого питания. А Этель злилась: «Какое вообще, к черту, отношение имеет средиземноморский стиль к Бирмингему?»

Бессонница в Маунтейн–Брук

Мэгги была бы рада уснуть, но из головы не шли мысли о том, что нужно успеть сделать до третьего ноября. Она уже решила пожертвовать всю одежду и украшения маленькому любительскому театру за углом. Ее соседка Бутс работает там – бесплатно, конечно, – костюмершей и говорит, что им вечно недостает костюмов. Все остальное – простыни, одеяла, полотенца, посуда, кастрюли и сковородки – пойдет Армии спасения, но она никак не могла придумать, как поступить с кубком «Мисс Алабама», наградной лентой и короной. А семейные фотографии и газетные вырезки – их куда? Пристроить некому, но и не хочется, чтобы все это окончил свой век на распродаже домашних пожитков с лужайки. Может, отнести на работу и сунуть в большую машину для уничтожения документов в задней комнате? Но надо еще сообразить, как этот монстр работает. Когда в последний раз она пыталась его запустить, он превратил ее любимый шарфик в сотню красивых обрезков.

Мэгги проворочалась еще полчаса, после чего сдалась, поплелась на кухню, заварила чаю и приступила к списку ЧТО СДЕЛАТЬ ПЕРЕД УХОДОМ.

1. Отказаться от подписки на журналы «Южная жизнь», «Терраса» и «Южная леди»
2. Намекнуть Дотти об освобождении дома
3. Убрать все со стола на работе и дома, из ящиков и шкафов
4. Придумать, куда деть корону и кубок
5. Купить картонные коробки
6. Упаковать одежду для театра
7. Сходить в «Уолмарт»
8. Закрывать чековую книжку
9. Закрывать все кредитные карты кроме «Мастеркард»
10. Доразобрать бумаги
11. Оставшиеся деньги послать в Красный Крест и Общество спасения

Она надеялась, что деньги останутся. Красный Крест очень помог ей с родителями, а животных она всегда любила, хотя не могла держать дома.

Потом она принялась стаскивать коробки со шкафа в прихожей. Она годами туда не заглядывала и не знала, что там лежит. Обнаружились три шляпные коробки с одним только барахлом Мисс Алабамы. Ну вот, теперь

еще думать, что из этого выкинуть, а что изрезать.

Позже она села в кухне перебирать старые фотографии. Трудно поверить, что она была такой молодой. Но вот она, на снимках, в короне, с букетом роз, улыбается направо и налево, счастливая, наивная, и совершенно не представляет, что ее ждет.

Хорошо бы протиснуться сквозь годы назад и как-нибудь взять да и остановить время. Она бы остановила его на том вечере. Но время движется вперед и тянет за собой, хочешь ты того или нет.

Копания в старых фотографиях и газетных вырезках навели на размышления о серии событий, которые предшествовали ее сегодняшнему решению. Наверное, все началось в Атлантик-Сити, когда она потеряла Чарльза, затем Ричарда, а потом и обоих родителей в один год. Но последней каплей для нее стала Хейзел.

Хейзел пришла на работу веселая, смеялась, а назавтра ее не стало. Такая внезапная смерть, полная неожиданность. И долго еще всем казалось, что она вот-вот ворвется в двери с прибауткой на устах, рассмешит всех, взбодрит, похвалит, чтобы почувствовали себя умнее. Все старались работать как обычно, но со временем – очень медленно – с болью поняли, что она не вернется, и жизнь в офисе вдруг стала пресной, работа трудной, часы долгими. Дня не проходило, чтобы кто-нибудь не сказал: «А помните. Хейзел говорила...» Или: «А как бы с этим разобралась Хейзел?» Она была их моторчиком, и много лет все работали с радостью. Вместе с ней ушел стимул вкладывать душу в дело, ушло чувство гордости, что они в Команде Хейзел. Им всем страшно ее не хватало. Но у Мэгги смерть Хейзел выбила почву из-под ног. В тот год, когда она потеряла обоих родителей. Хейзел незаметно заняла их место и стала для Мэгги опорой и наставником. Хейзел была для нее предметом обожания, человеком, на которого Мэгги смотрела снизу вверх. Хотя на Хейзел снизу вверх смотрели все, кто ее знал. Забавно, учитывая, что ростом она была всего три фута четыре дюйма^[7].

Хейзел Уизенкнот начинает

21 сентября 1929 года

«Какая крошка!» Эту фразу большинство людей хоть когда-нибудь да слышали в свой адрес, но относительно Хейзел Уизенкнот это была чистая правда. Когда она родилась, отец мог держать ее на ладони, и все же оба родителя были буквально потрясены, когда доктор сообщил, что их девочка ростом будет немногим больше трех футов^[8]. Только во втором классе Хейзел сама начала замечать что-то странное. Она не становилась выше, в отличие от остальных детей в классе. Она спросила родителей, у тех были готовы ответы, и если она когда-то и обижалась на судьбу или жалела себя, то они об этом не знали. Каким-то образом ее мать подобрала очень верные слова и произнесла их в подходящий момент. Хейзел сказали, что она отличается от других, но зато она «особенная», и ей понравилось это слово. Она с этим справилась и постаралась соответствовать. Но кое-чего родители не знали. Не знали они того, что внутри ее маленького тела билось сердце прирожденного бизнесмена, вернее, прирожденной бизнесвумен, и ей не терпелось начать.

Всего через пять коротких лет миссис Мэй Флауэр, доев омлет, мыла тарелку, когда раздался стук в дверь. Она вытерла руки, гадая, кто мог наведаться в гости в такой час, но, открыв дверь, никого не увидела. И собиралась уже закрыть ее, как вдруг откуда-то снизу раздался голос:

– Добрый день, мэм.

Опустив взгляд, Мэй Флауэр обнаружила человечка в маленьком, аккуратном комбинезончике и с розовой заколкой в волосах. Миссис Флауэр никогда в жизни не встречала таких маленьких людей.

– Добрый день, мэм, – повторил человечек. – Надеюсь, он для вас добрый.

Миссис Флауэр была настолько поражена видом говорящего крошечного создания, что в ладоши захлопала от восторга.

– Батюшки мои, какая прелесть! Так и хочется схватить и затискать до смерти, только поглядите на эти игрушечные ручки и ножки! Просто куколка, ей-богу, говорящая куколка!

Куколка очаровательно улыбнулась:

– Спасибо, мэм.

Миссис Флауэр распахнула дверь и сказала:

– Входи же, лапонька, входи, я тебе сейчас пирожка принесу или еще чего, ты же не откажешься, правда? Ай, какая жалость, что мужа–то нет дома. Он ни за что не поверит. Ты с цирком приехала?

– Нет, мэм, что вы, – сказала малышка. – Я живу здесь, в Вудлоун, на Тринадцатой Южной улице, кварталах в пяти отсюда. – Она указала на стоящую неподалеку машину. – Меня мама подвезла.

Миссис Флауэр взглянула в указанном направлении и увидела сидящую в зеленом «шевроле» женщину нормальных размеров, та улыбнулась и помахала ей рукой.

Она помахала в ответ, провела малышку в комнату и предложила сесть.

– Чем я могу помочь тебе, дорогая? Ты ведь небось на что–нибудь деньги собираешь?

– Ой, нет, мэм, я только хотела узнать, не желаете ли вы избавиться сегодня от сорняков?

– Сорняков?

– Да, мэм. Когда мы проезжали мимо, я заметила у вас сорняки, надо их выполоть. – Говорящая кукла подошла к подоконнику гостиной, доходящему ей до носа, приподнялась на цыпочки и ткнула пальчиком в лужайку. – Давайте я вам за доллар прополю лужайку перед домом и сбоку.

– Ты хочешь... выполоть сорняки?

– Да, мэм.

– Ты уверена, детка? Это же трудная, грязная работа, совсем не для такой крохотульки.

– А мне нравится работать. Правда.

Миссис Флауэр прижала руки к сердцу:

– Ох, душечка, я не хочу, чтобы ты этим занималась. Можно я просто подарю тебе доллар? Увидеть тебя на своем крыльце – уже того стоило. Ты мне так подняла настроение!

Кроха нахмурилась:

– Нет, мэм, за так я деньги взять не могу, я должна их заработать.

Миссис Флауэр поняла, что девочка непреклонна, а отпускать ее с пустыми руками не хотелось.

– Ну ладно, детка, если хочешь полоть, – поли.

Несколько минут спустя, когда миссис Флауэр нарезала пирог и поставила на стол высокий стакан чая со льдом для своей неожиданной маленькой гостьи, в дверь постучали. Это была соседка.

Перл Джефф, жена судьи. Она только что вернулась с обеда в бридж–клубе и не успела переодеться и снять жемчужное кольцо.

– Мэй, ты в курсе, что у тебя на лужайке перед домом сидит карлица? – резко спросила она.

– Да, я в курсе. Заходи, – сказала миссис Флауэр, вытирая руки о передник.

Жена судьи вошла в дом, вид у нее был крайне озабоченный.

– Почему у тебя на лужайке сидит карлица?

– Ну, Перл, она постучала и сказала, что хочет поработать – прополоть сорняки. Я говорю, не обязательно, мол, сорняки дергать, я могу и так денег дать, а она – нет, не хочу, хочу прополоть лужайку, ну что было с ней делать? Я и говорю – ладно, если хочешь, давай. Вот она и пропалывает. Такие дела. Не знаю, что и думать, но она такая милая.

Жена судьи отодвинула занавеску и посмотрела на кроху.

– Тоже мне новость – ты вечно не знаешь, что думать. Сколько ей лет?

– Трудно сказать, может, шесть, а может, и все шестьдесят. Как определить возраст у лилипута? Не представляю.

Не отрывая взгляда от окна, жена судьи сказала:

– Н–да–а, чудеса–а, тут не знаешь, чего и ждать, верно?

– Да, верно. Если бы в восемь утра мне сообщили, что нынче ко мне в дверь постучит настоящий живой лилипут, я бы не поверила.

– А кто бы поверил? Все равно как если бы розовый слон заявился к тебе на обед и уселся за стол. Она не цыганка, как тебе кажется?

– Ой, нет, она живет в пяти кварталах отсюда. Вон ее мама в машине ждет. Крошка до ужаса похожа на маленькую Ширли Темпл^[9], правда?

Два дня спустя жена судьи позвонила соседке по телефону:

– Я тебе одно скажу, Мэй, твоя лужайка никогда не выглядела лучше. Я рассказала судье о маленькой лилипутке, которая у тебя сорняки повыдрала, и он велел, если снова ее увидишь, попросить, чтобы и к нам пришла. А то нас одуванчики вконец одолели. Уолтер совсем уже старик стал, слепой, куда ему с одуванчиками тягаться. Он теперь только кусты пострижет, газонокосилкой пошурует – да и уходит.

Жена судьи сказала чистую правду. Лужайка миссис Флауэр никогда не выглядела лучше. Точно перед домом развернули новехонький зеленый ковер. Ни одного сорняка. Крошечная Хейзел была так близко к земле, что намного лучше видела сорняки, чем обычный человек с высоты своего роста. И передвигалась она шустро, так что за несколько часов могла прополоть больше, чем любой взрослый за целый день. Слухи разлетаются быстро, и скоро Хейзел Уизенкнот выпалывала сорняки у всей округи, а также у большинства людей, знакомых с женой судьи по бридж–клубу. И все они соглашались, что ежели малышка Хейзел поработает у вас в саду,

сорняки забывают к вам дорогу. Просто мистика, судачили дамы, может, она обладает каким-то тайным лилипутским знанием. А миссис Джек Манн с Шестнадцатой уверяла, что Хейзел – лепреккон^[10].

А пока суд да дело, малышка Хейзел складывала монетки в копилку и к тринадцати годам скопила на учебу в школе бизнеса. Кроме того, у нее взяли интервью для раздела «Дом и сад» в «Бирмингем ньюс». Ответ на вопрос, как стать хорошим специалистом по выдергиванию сорняков, был помещен под ее фотографией.

*МАЛЫШКА ХЕЙЗЕЛ УИЗЕНКНОТ,
СПЕЦИАЛИСТ ПО ПРОПОЛКЕ СОРНЯКОВ
ИЗ ВУДЛОУНА, ГОВОРИТ:*

«Садовод должен не только любить красивые лужайки, но и ненавидеть сорняки».

Отец Хейзел лопался от гордости и хвастался перед коллегами в своей компании декоративных стальных украшений: «Только двенадцать, а уже в газете о ней пишут!»

В средней школе Хейзел с самого начала сопровождал успех. В старших классах ее выбрали старостой класса и капитаном команды болельщиц. Когда она в перерывах между матчами выбегала на футбольное поле, одетая в крошечную сине-золотую форму болельщиц вудлоунской старшей школы, и несколько раз подряд делала сальто, публика ревела от восторга. Даже те, кто болел за команду соперников.

Когда Хейзел окончила школу, отец повел ее к знакомому механику, тот соорудил для нее специальные устройства в машину, чтобы она доставала до педалей, и она стала ездить по всему городу, продавая по домам журналы, и на заработанные деньги окончила школу бизнеса, стала сертифицированным специалистом СРА^[11] и получила лицензию агента по недвижимости. Всегда на шаг впереди, она предвидела, что после войны будет большой спрос на дома, в 1943 году арендовала небольшой однокомнатный офис и через полгода наняла свою первую работницу, Этель Клип. До тех пор недвижимостью занимались исключительно мужчины, но Хейзел быстро положила этому конец, нанимая только женщин. Зарплату она назначала щедрую, за это ее любили и работали вдвое усерднее, и к 1955 году агентство «Красная гора» открыло восемь филиалов и обещало стать самой крупной компанией по торговле

недвижимостью во всем штате.

Хейзел верила в саморекламу и регулярно выступала на популярном телешоу «С добрым утром, Алабама». А 31 июля 1968 года она вошла в кабинет директора телекомпании и, глядя ему в глаза, объявила:

– Мистер Слинкард, я уникальная особа, другой такой вы не найдете. Я даже саму себя очарую запросто! Вот мне и подумалось: а не начать ли мне собственное шоу?

Через несколько месяцев после того, как «Охота за домом с Хейзел» вышла в эфир, директору пришлось согласиться с ее утверждением. Рейтинг передачи зашкаливал. Хейзел знакомила людей с новыми кварталами и районами, о существовании которых они не подозревали. Она брала интервью об ипотеке, покупке, продаже, аренде, обустройстве дома внутри и снаружи. Женщины Бирмингема вдруг заинтересовались недвижимостью, и те, у кого и мысли не было переезжать, продавали свои дома и покупали новые. Вскоре Хейзел стала местной знаменитостью и наслаждалась каждой минутой этой славы. Иногда во время обеденного перерыва или когда срочных дел не было, она заставляла Этель поехать с ней в центр, где вставала на углу Двадцатой улицы, напротив универсама «Лавмэн», пожимала прохожим руки и вручала свою визитку. Спустя час, когда Этель уже умирала от усталости, Хейзел, бодрая и полная сил, провозглашала: «Обожаю людей, а ты?»

Этель, людям предпочитавшая кошек, отвечала: «Только в малых дозах». Удивленная Хейзел говорила: «Не знаю, я от них никогда не устаю». И это было правдой.

В 1971–м Хейзел заявила, что ей надоело коротать ночи в одиночестве и она начинает охоту на мужа. В тот же год она отправилась на съезд «Маленькие люди Америки», и нашла–таки, и привезла себе маленького мужа. Малыш Гарри, итальянский карлик из Милуоки, как и весь прочий мир, попал под чары Хейзел. Это был отличный брак – она обожала его, а он ее.

Но после смерти Хейзел Малыш Гарри был безутешен. Он вернулся в Милуоки, к родным. Как и остальные, без Хейзел он потерялся.

Всем не хватало Хейзел. Ее улыбки, освещавшей комнату, ее огромного, как луна, сердца. Конечно, Команда Хейзел не могла не думать о ней всякий раз, как звонил телефон. Хейзел поставила на все рабочие телефоны свою любимую песню в качестве звонка. Всем давно надоело целыми днями слушать «Я ищу клевер с четырьмя листочками», но никому не хватало духу сменить звонок.

Многие вещи напоминали им о Хейзел. Даже цвет их машин. Хейзел

придумала шикарную фальшивую рекламу с агентством «Мерседес» о том, что якобы каждый год все ее агенты получают новый голубой «мерседес». Хейзел нравился голубой цвет, он напоминал ей о другой любимой песне – «Голубые небеса». Хейзел всегда любила песни со счастливым концом.

Главным козырем Хейзел в бизнесе было ее умение угодить обеим сторонам. Во время переговоров, когда цифра вот-вот должна была сравняться с намеченной ценой, она стучала по столу маленьким кулачком и провозглашала: «Ладно, пойдет!»

«Всегда оставляйте и продавцам, и покупателям ощущение, что они получили чуть больше, чем ожидали», – не уставала повторять Хейзел. А ее рабочим девизом были слова: «Представляйте дом в самом выгодном свете. Продавайте быстро. Иначе он может перестоять».

Самое время

В четыре утра, стоило Мэгги наконец задремать, ее разбудили громкие гудки мусоровоза. Лежа в темноте и глядя на луну в окне, она почему-то снова вернулась мыслями к крутящимся дервишам. Они вообще кто, турки? И почему слово «Оттоман» пришло ей на ум? Думала она о стране в это время или низеньком диванчике – оттоманке? Господи, еще один повод для сожалений. Надо было поступать в колледж вместо «школы обаяния»^[12]. Она научилась грациозно выходить из машины и садиться в нее, правильно держать чашку, но вот в географии не сильно продвинулась. Прежде очаровывать было важным умением, ему даже специально обучали, но теперь Мэгги, получавшая по этой дисциплине исключительно пятерки, обнаружила, что даже она подрастеряла очарование. Торговля недвижимостью, вернее, то, во что она превратилась в наши дни, способна выбить шарм из кого угодно.

В домах, выставленных на продажу, ее кусали разъяренные кошки, собаки, хомяк, два попугая и хорек. Она открывала дверь на чердак – и на нее набрасывались летучие мыши, вцеплялись в платье, в волосы. Спускаясь в подвал, она падала на скользких ступенях, она роняла на себя вывеску «День открытых дверей». А однажды до смерти перепугалась, обнаружив в ванне на втором этаже 18-футового^[13] удава – владелец дома забыл ее предупредить о своем любимце. А праздные любопытствующие, которые заявляют «просто посмотреть»! А назойливые дельцы и истеричные клиенты! Все это вместе взятое весьма эффективно помогает избавиться от хороших манер.

Недавно Мэгги обнаружила, что разговаривает с телевизором. «Да заткнись ты!» – рывкнула она физиономии на экране. Сейчас это «заткнись» выскочило в собственном доме, без свидетелей, но кто знает, когда она оступится и предложит заткнуться живому человеку? Крайне не хотелось, чтобы долгие годы вежливости и любезности пошли прахом, но Мэгги чувствовала, что угроза с каждым днем все сильнее и однажды она позволит себе дурное поведение на публике. Что-то нарастало в ней и рвалось наружу. Были и другие тревожные знаки. Несколько месяцев назад она намеренно порекомендовала худший ресторан в Бирмингеме хамоватой супружеской паре из Вирджинии, а не далее как на прошлой неделе случилось и кое-что посерьезнее. Она сидела в машине, ждала зеленого на светофоре, вдруг видит – Бебс Бингигтон, Бирмингемское Чудовище

собственной персоной, переходит улицу прямо перед ее машиной. Она, конечно, знала, что Бебс ее не любит, но не понимала за что. Мэгги не сделала ей ничего дурного. И тем не менее она не питала к Бебс такой ненависти, как Бренда и Этель. Просто избегала ее по возможности. Однако в тот день Мэгги вдруг вспомнила, что Бебс сотворила с Хейзел, и на какой-то миг у нее мелькнула мысль дать газу и сбить ее. У нее не только имелся мотив, но и случай представился. К счастью, в следующее мгновение на перекрестке появился бегун и момент был упущен. Наверное, впервые в жизни нерешительность сыграла ей на руку, но если срочно не принять мер, то она может просто свихнуться и все закончится передачей «Крыша набекрень», где фигурируют как раз такие вот спятившие особы. Мэгги мысленно увидела бегущую строку на канале CNN под кадрами хроники: БЫВШАЯ МИСС АЛАБАМА ЗАДАВИЛА КОНКУРЕНТА ПО ТОРГОВЛЕ НЕДВИЖИМОСТЬЮ. И вот на экране ее, облаченную в оранжевый комбинезон смертницы и закованную в наручники, волокут в тюрьму.

Бренда говорит, что если Бебс когда-нибудь убьют, то в подозреваемые попадут все риелторы Бирмингема, ибо каждый из них хоть раз в жизни желал ей смерти. Но ведь Мэгги и паука прихлопнуть не может, а тут всерьез была готова задавить человека при свете дня, а это означает, что пора изолировать себя от общества, и чем раньше, тем лучше. У «Красной горы» и без того проблем навалом, не хватало еще, чтобы его агенты отправлялись на электрический стул. Или еще того хуже – сошли с ума и загремели в психиатрическую больницу, как бедная Оливия де Хэвилленд в фильме «Змеиная яма». Вот полюбуйте, она уже разговаривает с телевизором. Пора сходить с дистанции. Она явно не тянет.

Детство в царстве грез

Дело в том, что Мэгги в детстве пересмотрела фильмов. Неудивительно, принимая во внимание, что отец ее был директором «Царства грез», маленького кинотеатрика, а сами они жили над ним, в однокомнатной квартире, по соседству с будкой киномеханика, пока Мэгги не исполнилось восемь. Сейчас, с высоты своего возраста, она понимала, что далеко не каждый ребенок ходит домой через фойе кинотеатра, но тогда это казалось ей само собой разумеющимся.

Чтобы попасть в квартиру, нужно было пройти по темной, узкой, застеленной ковром лестнице, вечно загроможденной старыми сломанными прожекторами, рекламными щитами «СКОРО В КИНОТЕАТРЕ» или «ПОКАЗ ПРОДЛЕН НА НЕДЕЛЮ» и картонными коробками с черными пластиковыми буквами для афиш. Внутри же квартиры были бетонные блочные стены, выкрашенные бледно-зеленой краской, и темно-коричневый крапчатый линолеум. В ванной комнате – ванна на когтистых лапах и лампа с одним плафоном. В кухне – электрическая плитка и маленький холодильник под раковиной. Днем смотреть не на что, зато вечером все менялось. С наступлением темноты всё в квартире, включая родителей и ее саму, заливало чудесным розовым светом от большой неоновой надписи «Царство грез» над окном. Все становилось таким красивым, таким веселым. Как будто в мультфильме живешь. В небольшом алькове, где она спала, в стене имелось отверстие. Откроешь его – и перед тобой огромный экран. Каждую ночь Мэгги лежала и смотрела кино под убаюкивающее жужжание проектора за стеной, голосов с экрана и негромкого смеха публики из зрительного зала. А жаркими летними ночами, когда родители оставляли двери квартиры нараспашку, чтобы гулял сквозняк, она слышала, как трещит большой красный автомат попкорна и позвякивает касса на прилавке с конфетами, и если не засыпала до конца последнего сеанса, то слушала хлопанье поднимаемых ряд за рядом деревянных сидений. А потом гудение большого пылесоса, собирающего остатки попкорна и фантики от конфет. Всю жизнь, стоило Мэгги уловить запах попкорна и конфет, она будто снова оказывалась в той маленькой квартирке над кинотеатром.

Ей нравилось жить в царстве грез, но сейчас Мэгги подозревала, что именно из-за этого ей всегда было так трудно смириться с реальностью. Она где-то прочла, что в возрасте от одного до четырех лет происходит

формирование личности, так что, вероятно, в этом причина.

Она росла в эру «Глориоус Техниколор», эру великих киномузиков с веселыми песнями и красивыми людьми, где в конце мальчику всегда достается девочка. И хотя Мэгги была единственным ребенком, причем поздним, она никогда не чувствовала одиночества. Кинозвезды были ей и друзьями, и товарищами по играм, и Мэгги чувствовала себя абсолютно счастливой. Но потом все помешались на телевидении. И вслед за многими маленькими кинотеатрами «Царство грез» закрылся, и пришлось им переехать в обычную квартиру. Вот это был шок.

В реальном мире не было ни закадровой музыки, ни попкорна с конфетами, ни розового света по ночам. Не было даже сюжета, за развитием которого можно следить. Отцу удалось найти другую работу – он стал торговать обувью, но с деньгами вечно было туго, приходилось переезжать из одной душной квартирki в другую, и постепенно Мэгги охватили тревога и растерянность. Мир вокруг казался таким странным и незнакомым. Родителям она ничего не говорила, но ее не покидало чувство, что произошла какая-то ошибка и она находится не там, где надо. Но она не знала, где ее место. Не знала до того жаркого, влажного августовского дня – ей было тогда десять. Мама только что поступила помощницей к швее, чтобы хоть немного подработать, и взяла Мэгги с собой на примерку к даме, жившей в Маунтейн-Брук. Мэгги никогда не бывала в этой части города, и, когда на подъезде к Красной горе увидела на вершине «Гребешок» – большой, величественный особняк в стиле эпохи Тюдоров, – у нее перехватило дыхание. На фоне неба он показался Мэгги замком из фильма. И когда они, объехав Красную гору, спустились в прохладный, утопающий в пышной зелени мир Маунтейн-Брук с его тенистыми улочками, заросшими плющом кирпичными и каменными домами и длинными, изящными рулонными газонами, Мэгги почувствовала себя похищенным ребенком, которого только что вернули домой. Вот где ее место, вот где она вновь может дышать.

В те дни они жили на другом краю города, в мрачной подвальной квартирке с трубами под потолком, но «Гребешок» подарил ей мечту. По ночам Мэгги лежала на кочковатом, отжившем свой век диване и фантазировала о большом доме на холме. Представляла, как сидит на террасе, пьет чай и смотрит на раскинувшийся внизу город. Эти глупые детские мечты стали для нее отдушиной в бесприютных скитаниях от одного тесного, темного жилища к другому. За эти годы «Гребешок» стал для нее больше, чем местом на карте, он стал целью, дающей силы жить.

Многие клиентки швеи, у которой работала ее мать, жили «на горе», и

Мэгги любила ездить к ним и разглядывать чудесные особняки, мебель, картины, ковры в восточном стиле, длинные лестницы, ведущие в огромные, просторные, полные воздуха спальни с балконами, откуда открывался вид на город. Никто не возражал против ее визитов, Мэгги была воспитанной и тихой девочкой. Все дамы были добры к ней, но в миссис Роберте Мэгги влюбилась с первого взгляда. Она казалась Мэгги идеалом изящества и грации. У миссис Роберте не было дочери, и к Мэгги она проявила особый интерес. Время от времени она спрашивала маму: «Можно пригласить Мэгги на чай?» или «Можно я возьму Мэгги на пасхальный обед в клуб?»

Мэгги нравилось ездить в Бирмингемский загородный клуб с его массивными, обитыми мебельным ситцем в цветочек стульями и диванами, и люди «с горы» ей тоже нравились – их манеры, наряды и то, как они за собой ухаживают. Ее приводили в восторг экзотические деликатесы: сыр «камамбер», артишоки, икра, черные оливки, копченая семга. Ах, как это отличалось от надоевших франко–американских спагетти из банки. Когда ей исполнилось двенадцать, миссис Роберте выхлопотала для нее стипендию в «Брук–Хилл», частной школе для девочек. Если бы миссис Роберте не взяла ее под свое крыло, Мэгги никогда бы не узнала, что в мире есть такая красота и тонкость. Миссис Роберте научила ее быть благодарной даже за самые маленькие радости.

И хотя миссис Роберте была едва ли не самой богатой дамой в Бирмингеме, в ней не чувствовалось никакой претенциозности. Жертвуя деньги на многие мероприятия в городе, она делала это инкогнито. Никакой классовой или расовой разницы рядом с ней никто не ощущал, ее дом был открыт для всех, и всех там привечали одинаково любезно.

Вот такой, как миссис Роберте, Мэгги и мечтала стать. Она приглядывалась к элегантной жизни обитателей домов «на горе» и ждала, когда повзрослеет, чтобы туда переехать. Ей и в голову не приходило, что этого может не случиться. Мэгги не сомневалась, что в один прекрасный день окажется там, в красивом доме, замужем за прекрасным человеком, но, как и во многом другом (и Ричард тому пример), она катастрофически ошиблась.

Мэгги с удовольствием провела бы жизнь, как миссис Роберте или другие дамы «с горы». Это была аккуратная, организованная жизнь. После смерти мужей они продавали большой дом и переезжали в маленький – с садом, в Инглиш–Виллидж. В преклонном возрасте переселялись в любимый всеми епископальный дом для престарелых под названием «Св. Иоанн в соснах», чтобы провести остаток дней среди старых друзей, с

которыми они еще в детский сад вместе ходили. Они играли в бридж и ездили в театры, музеи и на выставки цветов в казенном автобусе.

В «Св. Иоанне» жильцы проходили через три этапа, что значительно облегчало тяготы последнего отрезка жизненного пути. На первом их ждал маленький коттедж с садиком, позже, когда здоровье постояльца слабело, его переводили в сектор с нянечками и сиделками, а оттуда – на семейный участок на кладбище. Замечательный, целесообразный и предсказуемый конец, но, увы, у нее не было на это ни денег, ни желания ждать так долго. Честно говоря, счастливого киношного конца она не дождалась, но начало – то было чудное – поди придумай лучше.

Новый день

Вторник, 28 октября

Мэгги наконец задремала, и ей приснился теплый летний вечер. Она снова молодая, в белом вечернем платье танцует под мириадами звезд. Но с кем она танцует? С Чарльзом? Она не видела, но сон был такой живой, такой красивый, что проснулась Мэгги укутанная облаком тепла и счастья. Однако не прошло и нескольких секунд, как накатила волна привычного холодного серого страха, теплое сияние угасло, на смену ему пришла грубая реальность настоящего. Семь утра. Снова собираться с силами, чтобы встать и встретить еще один день. Лучше бы не было этих снов, после них еще тяжелее. Она почувствовала на щеках горячие слезы и потянулась за платком. Господи, теперь глаза опухнут, а ведь с утра дом показывать. Клиентам не хватало только хлюпающего носом нытика-агента.

Она подошла к зеркалу в ванной. Так и есть, глаза опухли и покраснели. Надо приложить чайные пакетики. Сейчас бы завалиться обратно в постель, да нельзя. Дел полно, надо пораньше начать. В одиннадцать встреча с Брендой, и сегодня ее очередь покупать вино и сыр на день открытых дверей, а еще она хотела позвонить Кэти Гилмор в «Искусство и досуг», узнать о ситуации с отелем для крутящихся дервишей.

Сидя с чайными пакетиками на глазах, она сообразила, что в ее ситуации волноваться о том, где будут жить абсолютно чужие ей люди, – полный идиотизм. Тем не менее волноваться на этот счет не перестала. Ровно через минуту после восьми она позвонила Кэти в офис, чтобы та не успела повиснуть на телефоне. Не зря же ее окрестили Болтушкой Кэти. К счастью, та ответила сразу.

Через двадцать минут Мэгги посчитала вежливым завести наконец разговор о том, куда поселят дервишей, и Кэти сообщила, что они приезжают в день выступления и уезжают в Атланту сразу после шоу. Даже не останутся ночевать в Бирмингеме. Как всегда, Мэгги устроила суету из ничего, но теперь она хоть перестанет об этом думать. Вот ведь незадача. За всю жизнь она потратила столько часов, дней, даже лет в беспокойствах то об одном, то о другом. Это серьезный недостаток. То ли дело Хейзел.

Хейзел все принимала легко. Даже когда они проиграли Бебс Бингингтон большой новый заказ, весь персонал огорчился, но Хейзел отмахнулась:

– Да ну, буду я еще тратить время на сожаления. Я и без того кучу денег зарабатываю, а время мне нужно для веселья. – Потом повернулась к неудачливому агенту: – Максин, а ну, спроси меня, почему женщина застрелила своего мужа стрелой из лука.

Как ни была Максин расстроена, она через силу улыбнулась и спросила, а Хейзел ответила:

– Потому что не хотела будить детей.

Днем по заказу Хейзел им в офис доставили дюжину роз с открыткой: «Помните, девочки, перед самым рассветом тьма всегда сгущается!» Хейзел смотрела в будущее с оптимизмом. Но Мэгги, к сожалению, на Хейзел не похожа. Впрочем, на нее никто не похож.

Свою первую встречу с Хейзел Бренда, как и большинство людей, запомнила на всю жизнь. Бренда только что вернулась в родной город из Чикаго, чтобы быть ближе к семье, и увидела интересное объявление в газете. Агентство недвижимости «Красная гора» набирало людей для обучения специальности, и Бренда, позвонив, попала прямо на директора агентства, которая тут же назначила встречу.

Когда Бренда вошла к ней в кабинет, крошечная женщина ростом не больше ребенка соскочила с кресла, подошла и пожала ей руку со словами: «Привет, я Хейзел. Знаешь хорошие анекдоты?» И не успела Бренда моргнуть, как ее взяли на работу. Через несколько минут, выйдя из кабинета, она обратилась к Этель, печатавшей на машинке:

– Простите... Та леди в самом деле директор фирмы?

– Конечно, – сказала Этель, поправив на носу лиловые очки.

– А... хм... Она знает, что она карлица?

– А как же. – Этель и не подумала прекратить стучать по клавишам. – Но я уверена, что, если вы зайдете и скажете ей об этом, она будет рада узнать и поболтать с вами об этом.

– Ой, да нет... я не это хотела сказать... Я хотела сказать, что она ведет себя совсем как настоящий человек... Ой. То есть я не хочу сказать, что она не настоящий человек. Просто... Ну, по телефону она говорит не как карлик.

– Вот как?

– Я думала, они все разговаривают такими смешными голосами, как жевуны в «Волшебнике из страны Оз». Ну ладно... Увидимся в понедельник... наверное, – проямлила Бренда, пятясь к двери, пока не выставила себя еще большей душой.

Этель невозмутимо стучала по клавишам. Она привыкла к такой реакции людей. Она работала с Хейзел с самого начала и видела это много раз, но когда проходил первый шок, все быстро забывали о том, какого роста Хейзел, поскольку Хейзел и сама не делала из этого события. Бывали кое-какие неудобства в быту, но она или не придавала этому значения, или что-нибудь придумывала. Хейзел возила в машине небольшую лесенку на всякий случай, а в сумке – раздвижную волшебную палочку, чтобы нажать на кнопку верхнего этажа, если оказывалась одна в лифте. А со всем остальным она прекрасно справлялась.

В 1972 году Хейзел попала в Книгу рекордов Гиннесса как «Самая великая маленькая владелица агентства недвижимости».

Блестящий план

Несмотря на то что в запасе у Мэгги осталось еще несколько дней, ей хотелось первым делом с утра поехать в «Уолмарт» и купить последние необходимые вещи, чтобы не держать это в голове.

Через двадцать минут Мэгги вошла в магазин и направилась к 10-й линии. К счастью, она точно знала, какой цвет ей нужен и какой размер, и заплатила наличными. Она не желала оставлять следов, а приобретение резиновой лодки по кредитной карте (что отобразится на распечатке счета) так близко к дому может кого-нибудь насторожить. Продумав все до мелочей, она не хотела проколоться на последнем этапе. Принять решение – уже дело нелегкое, но вряд ли кто представляет, насколько трудно разработать практически осуществимый, жизнеспособный план того, как это сделать.

С таблетками мало кому удавалось довести задуманное до конца. Ружье – брр, кошмарное зрелище, как представишь – бывшая Мисс Алабама... А уж как репортеры обожают приписывать жителям Юга любовь к оружию! То-то они оторвутся. Так что нет, увольте. Совать голову в духовку бесполезно, в Эйвон-Террас все плиты электрические, а проделывать это в чужой кухне непорядочно. Машина ее принадлежит компании, так что падение в пропасть тоже не годится. И все эти способы не предполагают, что после смерти вид у тебя останется хоть мало-мальски привлекательным. Пусть кому-то это покажется мелочью, но Мэгги была человеком ответственным и собиралась выглядеть наилучшим образом при любых обстоятельствах.

Конечно, требования у нее были почти невыполнимые. Но полгода назад Мэгги посещала группу «Растянутые, гибкие и сильные» и в гимнастическом зале, занимаясь с грузом, пристегнутым к лодыжке с помощью липучек, придумала блестящий план. В выбранный заранее день – теперь он уже определен, 3 ноября – она спустится к реке Вориор, сядет в резиновую лодку, выплывет на середину реки, прилепит 10 фунтов грузиков на лодыжки и 10 фунтов на запястья и прыгнет в воду.

У нее были опасения, не расстегнется ли под водой липучка, но продавец в «Биг Би Спорте» заверил, что вода липучкам не помеха. Однако для пущей надежности Мэгги зашла в магазин «Как по телевизору» и купила тюбик быстро-высыхающего стопроцентно водоотталкивающего клея, с гарантией, как сказано в рекламке, на всю

жизнь. Итак, третьего числа, оказавшись на середине реки, она намажет клеем замок–липучку, подождет положенные на высыхание 20 минут – и готово, топись на здоровье. План был хорош. Настолько хорош, что так и просился прочь с языка. Жаль, нельзя никому похвастаться.

После возвращения домой у нее еще осталось несколько часов до встречи с Брендой на дне открытых дверей, и это хорошо. Есть время рассортировать вещи и уложить в коробки. Мэгги наливала вторую чашку кофе, как вдруг... господи! Сегодня же вторник, на 9.30 она записана к Глен ну. парикмахеру, а у нее напрочь вылетело из головы. Ну не кретинка? Столько дел, а придется два часа тратить на стрижку. О боже. Ну почему она вчера об этом не вспомнила? Можно позвонить, сказать, что больная, но тогда придется торчать дома, чтобы ее не видели хотя бы день. Нет, не пойдет.

В парикмахерской правило – отменять запись за 24 часа, и, если она не придет, ее все равно заставят заплатить, а просто отдать Глен ну деньги и удрать как–то глупо. Конечно, всегда можно отослать чек. Но если Гленн получит от нее что–то по почте после того, как ее не станет, он ужасно огорчится, а ей меньше всего на свете хотелось кого–то расстраивать, тем более Гпенна. Женщина, с которой он прожил двенадцать лет, только что сбежала с конькобежцем, так что Гленн и без того на грани. Что же делать? Она посмотрела на часы. Ладно, проще всего поехать, а коробками займется вечером.

В 9.42 она сидела в кресле, а Гленн накручивал пряди на бигуди и делился последними известиями о своей бывшей. Не считая того факта, что день нынче выдался больно суетливый, в парикмахерской было очень даже мило. Как обычно, в этот час стриглись старушки из дома «Св. Иоанн в соснах», оглашая салон веселым щебетом.

Мэгги сидела и представляла, до чего огорчился бы Гленн, узнай он, что все его усилия напрасны, и вдруг услышала, как Фэрли Дженкинс говорит Виржинии Шмит: «Джин, до меня дошли слухи, что Ди Ди Далтон подумывает продать дом».

Пару месяцев назад, услышав, что кто–то подумывает о продаже дома, Мэгги сорвалась бы и с мокрыми волосами помчалась к домовладельцу, чтобы не упустить сделку. Но поскольку через несколько дней она собиралась покинуть торговлю недвижимостью, подобным новостям не полагалось ее трогать. Однако, узнав, какой дом может быть выставлен на торги, Мэгги потеряла дар речи.

Пгснн все рассуждал о своей бывшей, но Мэгги не слышала ни слова. Мысли ее лихорадочно скакали. Все в городе уверены, что миссис Далтон

ни в жизнь не расстанется с «Гребешком». Такое даже невозможно вообразить. Особняк никогда не выставлялся на рынок, с чего вдруг она будет его продавать? «Гребешок» не просто дом. Это символ, ориентир этих мест. Как же грустно, что он пойдет с молотка. Мэгги совсем разнервничалась.

Ох. Она знала, что едва Гленн досушит ей волосы и она оплатит счет, как придется бороться с желанием помчаться на гору и взглянуть на особняк в последний раз. Но к чему? Зачем именно сегодня подвергать себя такому испытанию? Дел и так невпроворот. Сейчас ее вообще должно занимать только одно – подготовка к понедельнику. Есть четкий план, так сосредоточься и придерживайся его.

Она заплатила, вышла, села в машину и поехала напрямик к горе. Глупость, ребячество, но остановить себя она не могла. Припарковала машину напротив «Гребешка» и тотчас почувствовала себя страшно несчастной. Он стоял, как всегда величавый, гордый, и смотрел сверху на город. Для Мэгги он был идеальным домом, с идеальными пропорциями, элегантный и сдержанный.

Внутри она, конечно, не бывала, но миссис Роберте, подруга миссис Далтон, рассказывала, что во всех комнатах там обшитые деревянными панелями стены и самая красивая в мире белая мраморная лестница. В юности Мэгги грезил об этой белой мраморной лестнице.

В последнее время она беспомощно наблюдала, как Бебс Бингингтон распродает прекрасные старинные особняки на горе и один за другим они превращаются в прах. А на их месте возводят современных уродцев. Невыносимое зрелище. Но если Бебс наложит лапы и на «Гребешок», это будет уже настоящая катастрофа. Бебс Бингингтон, и только она, ответственна за снос целых кварталов очаровательных маленьких бунгало, построенных в тридцатых годах, и возведение вместо них дешевых фальшивок – четырехэтажных имитаций швейцарских замков с безликими однокомнатными квартирами и дрянным бассейном во внутреннем дворе. Чем больше Мэгги об этом думала, тем сильнее злилась. Бебс не станет продавать «Гребешок» по-человечески. Она попросту выкинет его на торги и погубит, как и прочие дома. Ей невдомек, что такое историческая ценность и какие чувства испытывают к этому особняку жители Бирмингема. Она глянет на него своим холодным рыбьим глазом и отдаст первому, кто предложит на торгах наивысшую цену. На Мэгги накатила дурнота: она представила, как Бебс Бингингтон марширует по комнатам «Гребешка», словно Шерман по Атланте^[14]. Бебс не питает нежных чувств ни к городу, ни к этим местам. Раньше среди агентов

недвижимости существовало негласное правило: даже если тебе сулят отличные комиссионные, не продавать дома на горе тем, кто не станет заботиться о них и любить. Но что Бебс до этих правил. Ее интересуют только деньги. Кто знает, что ждет особняк? Может, его купит какой-нибудь скороспелый миллионер и устроит в гостиной баскетбольный корт. Или еще того хуже – дом продадут строительной фирме. Если снести «Гребешок», изменится весь вид Бирмингема, он станет похож на красивую женщину с дырой на месте переднего зуба. А то еще кошмарнее – на красавицу с блестящим золотым зубом, если возведут новострой. По вине Бебс в городе появились улицы, по которым Мэгги больше не может ездить без слез.

Ох, нет, снова вскипает в ней эта странная ярость. Щеки горят, лицо пунцовое, и сердце колотится. Что происходит? Она никогда в жизни не теряла спокойствия. А это уже второй раз за месяц. То ли поздний климакс, то ли некая изощренная форма водительского гнева – есть такое заболевание, – вернее, не водительского, а в ее случае риелторского. Что бы то ни было, лучше остыть. Не хватало получить удар прежде, чем она подберет все хвосты. Ведя машину, Мэгги старалась успокоить себя. Во-первых, может, это только слухи. Не стоит верить на слово дамам из «Св. Иоанна», в таком возрасте многие глуховаты и запросто могут напутать. И вообще это бессмысленно. Зачем миссис Далтон продавать дом? Далтоны были хозяевами «Гребешка», сколько она себя помнит, и в деньгах у них нужды нет, так что Фэрли Дженкинс наверняка ошиблась. И все же Мэгги не хотелось еще неделю держать это в уме. Но как выяснить? Нельзя же просто позвонить миссис Далтон и спросить напрямую, это слишком грубо и бестактно. Боже мой, столько домов вокруг, ну почему «Гребешок»? Надо было отменить парикмахера, тогда бы она не узнала. Даже если все правда и миссис Далтон продает-таки «Гребешок», что Мэгги может с этим поделать? Нет-нет, выкинуть из головы, сегодня и без того дел невпроворот. Господи, что ее еще ждет? В том-то и дело: она не хочет думать, что ее ждет дальше. Хватит сюрпризов.

Волшебный город

Не одна Мэгги прожила большую часть жизни, околдованная чарами из детства. У многих в глазах еще сияли звезды, что неудивительно, если ты вырос в месте под названием Волшебный город, со всеми его высокими стремлениями и иллюзорным величием. Все в городе кричало о величии – от труб чугунных, угольных и сталеплавильных заводов до великолепных особняков на Красной горе; даже тротуары под ногами величественно посверкивали серебристыми прожилками. Город был живой и шумный, с целыми кварталами модных магазинов, где в витринах манекены в надменных позах демонстрировали новейшие наряды и меха из Нью-Йорка и Парижа, с рядами галерей, где интерьеры шикарными коврами, люстрами и мебелью так и манили – хотелось войти и поселиться в этой красоте навеки (по крайней мере, Мэгги хотелось). В воздухе всегда царило возбуждение. Человека охватывало ощущение, что Бирмингем, Самый Быстрорастущий Город Юга, вот-вот станет самым большим городом в мире. Даже улицы были чуть шире, чем требовалось, в любой момент готовые принять огромные транспортные потоки. Бирмингем с самого начала лопался от амбиций, он не желал быть вторым после Питтсбурга ни по сталелитейной части, ни по величине транспортной системы. Но даже возвышающаяся на вершине Красной горы чугунная статуя Вулкана, греческого бога огня и железа, была второй по величине чугунной статуей в стране, а во время войны, когда заголовки газет сообщили, что Германия и Япония назвали Бирмингем, штат Алабама, целью номер два, все в городе были разочарованы, они бы с удовольствием были первыми. Единственное утешение – у них был самый большой световой рекламный щит в мире, он приветствовал всех прибывающих по железной дороге гостей, тысячи золотых ламп сверкали, складываясь в слова ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ВОЛШЕБНЫЙ ГОРОД. Бирмингем был городом с бешеным пульсом: он работал, потел и боролся за то, чтобы стать номером один. Гигантские чугунные и сталеплавильные заводы грохотали и лязгали, изрыгали розовый пар и вздымали жирные дымы двадцать четыре часа в сутки, без выходных. Угольные шахты работали посменно днем и ночью. Переполненные трамваи и автобусы круглосуточно развозили людей с работы и на работу.

По вечерам родители возили детей на гору в Парк Вулкана, чтобы посмотреть на закат. Небо переливалось радужными разводами, зелеными,

малиновыми, бирюзовыми, красными и оранжевыми, пестрые завитки тянулись до самого горизонта, куда хватало глаз. Люди считали, что Бирмингем специально устраивает ради них шоу. Им не приходило в голову, что чудесные закаты – результат выброса в воздух токсичных отходов. А еще им в голову не приходило, что однажды центр Бирмингема, с его пышными дворцами–кинотеатрами, ресторанами и универмагами с красивыми сверкающими латунными дверями и серебряными эскалаторами, будет закрыт. Нет, такого они точно не представляли.

День открытых дверей

Мэгги едва тащилась в густом потоке машин и через добрых полчаса остановилась подкупить мясной нарезки в гастрономе для гурманов «Братья Контри», а потом пять дюжин разных пирожных в «Пекарне дикаря». Все говорят, что «Красная гора» устраивает лучшие дни открытых дверей в городе. Даже в 80-х, когда рынок кипел и трудно было добыть агентов для показа всех выставляемых домов. Хейзел всегда умудрялась зазвать огромную толпу и прибегала к разным уловкам. Например, печатала объявление: «Приходите познакомиться с Матильдой, самой старой курицей в мире» или «Вас ждет Генри, кот с четырнадцатью пальцами на лапах». Но сегодня они могли предложить только бесплатный ланч. Мэгги до сих пор было не по себе после услышанного в парикмахерской, но она сумела сосредоточиться на текущих делах. Надо бы намекнуть Бренде, хоть это и нелегкая задача. Пугать ее не хочется, но вместе с тем хорошо бы как-то подготовить, не раскрывая карт. Мэгги любила и Этель, но, наверное, из всех людей на свете ей больше всего будет не хватать Бренды.

Хейзел с самого начала определила Мэгги и Бренду работать в паре. У Мэгги был цепкий глаз, контакты и, конечно, обаяние, чтобы продавать дома, но бумажная работа была для нее мукой мученической. Лицензию агента недвижимости она получила только потому, что Хейзел входила в экзаменационную комиссию. Выпускные оценки у Мэгги были слабоваты, балл недотягивал до проходного, но Хейзел лишь скользнула взглядом по листку с отметками, оттолкнула в сторону и объявила: «Ладно, пойдет!» Бренда же, напротив, была мастером читать контракты, корпеть над цифрами, получать залоги и заключать сделки. Настоящее сокровище. Она одной из первых девушек Бирмингема поступила не на «Домоводство», а на «Экономику», да еще и починить могла что угодно. Вечно таскала в сумке молоток, гвозди, гаечный ключ, несколько разных отверток, рулетку, лампочки, удлинитель и большой фонарь. У Бренды было с собой все, что могло случайно понадобиться, включая всевозможные вкусняшки. Мэгги сказала, что парень, пытавшийся украсть у Бренды сумку на стоянке перед кафе–мороженым, все равно не смог бы ее поднять.

Если Бренда рядом, Мэгги спокойна. Да вот хотя бы в прошлом месяце: на день открытых дверей пришел гадкий с виду мужичонка, которому понравилась фотография Мэгги в объявлении, так Бренда взяла

его за шкурку и вышвырнула. Не считая Хейзел, Бренда была самой толковой женщиной из всех знакомых Мэгги. Жаль бросать ее в трудный момент, но это все равно только вопрос времени. Кроме их конторы все прочие офисы агентства «Красная гора» позакрывались, да и его в любой момент могла купить более крупная компания. Например, компания Бебс Бингингтон, и Мэгги не желает быть тому свидетелем. Учитывая, какие чувства питает к ней Бебс, ее наверняка тут же уволят.

Разумеется, что говорить, надо было уходить сразу после смерти Хейзел, но тогда все члены Команды Хейзел поклялись, что останутся верными делу. А потом положение становилось все хуже и люди начали уходить. Теперь от прежней команды осталось только трое – Этель, Бренда и она сама. Мэгги узнала, что Бренда тоже скоро покинет торговлю недвижимостью, чтобы баллотироваться на пост мэра, но пока, слава богу, работает. Она единственная, кто все еще может ее рассмешить.

В прошлый День святого Патрика Бренда заявила на работу, зеленая с ног до головы: платье зеленое, зеленые туфли, зеленый парик. Встала перед Мэгги, вытянула руку и спросила:

– Какого я цвета, как думаешь?

Мэгги поглядела на руку.

– Ну не знаю. Коричневая?

– Да знаю я, что коричневая! Но какого оттенка?

Мэгги снова взглянула.

– Ну, может, красновато–коричневого?

Бренду ответ удовлетворил.

– Так я и знала! Красновато–коричневая! Мама у меня была карамельного цвета, отец темно–коричневый, а я, значит, красноватого, так?

– По–моему, да.

– Хочу сдать тест на ДНК. У меня проявились веснушки, кто бы мог подумать! Вдруг где–нибудь в моем штабеле генеалогических дров затесался ирландец!

Бренда умела посмеяться над собой. Впрочем, этим качеством в той или иной мере должен был обладать всякий, кто работал на Хейзел. У Бренды и Хейзел было в этом смысле много общего. За свою жизнь Бренда побывала Цветной, Негритянкой, Черной, а сейчас еще и Афроамериканкой, и на эту тему они беспрестанно перешучивались. Хейзел влетала офис и спрашивала Бренду, как та себя чувствует, и Бренда отвечала: «Ну, вчера я чувствовала себя очень Черной, а сегодня – немного Цветной. А ты?» Хейзел, подумав, говорила: «Кажется, сегодня я чувствую

себя скорее невысокого телосложения, чем сомнительного роста».

Бренда говорила новичкам, которых удивляли некоторые шутки Хейзел: «Может, ей не хватает политкорректности, зато она взяла на работу больше нацменьшинств, чем любая другая компания в городе».

Мэгги хотела намекнуть Бренде про «Гребешок», когда они будут расставлять тарелки, но та явилась в таком состоянии, что Мэгги не рискнула. Видимо, что-то стряслось с любимой сумкой Бренды – той самой, с двадцатью семью секретными отделениями, которую она заказала по каталогу «ТрэвелСмит», и, пока они раскладывали сыр и разносили вино. Бренда говорила об этом не умолкая.

– Я чуть не рыдала. Все внутри испорчено, пришлось просто выкинуть ее в мусор.

Мэгги не до конца разобралась в происшедшем и спросила, почему вообще в сумке оказалось полкило мороженого. Бренда скроила мину:

– Ой, лучше не спрашивай.

– Нет уж, рассказывай.

– Нет, не спрашивай.

– Ладно, не буду.

– Ладно, уговорила. – Бренда швырнула на тарелку гроздь винограда. – Это все Робби виновата!

– Робби? Почему?

– Потому что нарочно покупает летние сорта, чтобы меня подловить, вот почему! В общем, пришлось разыскивать такое же мороженое вместо того, что лежало в холодильнике, но, пока я бегала, Робби успела вернуться, и я положила его в сумку, и начисто забыла, и вспомнила только утром. Когда Робби встала, на полу красовалась громадная зеленая, склизкая лужа.

Мэгги уже приходилось слышать нечто в этом роде, только в последний раз это был целый кокосовый торт, спрятанный в бельеовом шкафу, и Бренда винила муравьев в том, что ее застукали.

– Ох, господи. И что сказала Робби?

– Ай, ты же знаешь Робби. «Видать, это мороженое само запрыгнуло из холодильника тебе в сумку, когда ты отвернулась, верно?» – вот что она сказала.

– А ты что?

– А что я могла ответить? Короче, Сесилу я не забыла позвонить. Так что у нас два билета на дервишей. Прости, что опоздала, пришлось все вынимать из сумки и перемывать. Чековой книжке кранты, но хватит обо мне. Ты–то что вчера вечером подделывала?

Мэгги собралась ответить, но вошел парень из агентства «Инграм», и работа закипела.

Слава богу, пришло много агентов, включая Бебс Бингингтон, та пробежалась по комнатам и, уходя, как всегда, не удержалась от едкого замечания: «Это, конечно, не Маунтейн-Брук». К сожалению, она была права. С тех пор как рынок упал. Бренда и Мэгги были рады звонку владельцев даже средненьких домов в той части города, с которой прежде не стали бы связываться. Войдя в дом, они сразу поняли, что трудно будет представить его в выгодном свете. Домохозяйка («Зовите меня просто Вельма») коллекционировала так называемые «предметы искусства из сосновых шишек». Взгляд повсюду натывался на сотни шишек: шишки с пластмассовыми глазками, шишки в костюме Санта-Клауса, шишки в вечернем платье Скарлет О'Хара, шишки-младенцы в подгузниках или крошечных колыбельках... «У меня еще сотни таких в спальне и в гараже!» – с радостной улыбкой доложила хозяйка.

Боже ж ты мой. Ну как скажешь такой милой женщине, что потенциальный покупатель может вовсе не впасть в умиление от шишек и, в отличие от нее, не станет считать их членами своей семьи. Как вежливо объяснить, что шишки и прочие безделушки придется убрать? Любой коллекционер – это головная боль. Попытка разлучить человека с его сокровищами – восемью сотнями ложек из всех уголков мира или с набором глиняных курочек, поросят, кокер-спаниелей, кошек, слоников, коров, птиц, подставок под яйцо, чайников и прочей годной для коллекционирования ерунды – всегда мучительна. Однажды им попался клиент, у которого было сорок два игрушечных чихуахуа. Выставлять этот дом было кошмаром. Но, к счастью, Мэгги все же уговорила Вельму позволить ей на сегодня убрать часть шишек.

После показа Бренда сказала, что опаздывает на очередное политическое собрание. Мэгги сказала – беги, в офисе увидимся. Она сама все уберет и закроет дом, как-нибудь справится. Приятно было видеть Бренду в таком радостном возбуждении. Бренда любила политику. Представление же Мэгги о политике основывалось исключительно на художественных фильмах. Посмотрев «Доктор Живаго», она твердо решила, что коммунисткой не станет. Сцена, где бедный доктор Живаго (Омар Шариф) возвращается после войны в Санкт-Петербург и обнаруживает, что его прекрасный фамильный дом занят под склад, очень ее огорчила.

Перед уходом Мэгги пришлось расставлять шишки на прежние места.

Потом она зашла в кухню забрать оставленные агентами визитные карточки и заметила, что Бебс положила аж две визитки – ярко-красная надпись «САМЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ РИЕЛТОР БИРМИНГЕМА» так и лезла в глаза.

По своему обыкновению, Бебс начисто проигнорировала сегодня Мэгги, а всем прочим столь же привычно нагрубила. Мэгги всегда было неуютно в ее присутствии. Трудно находиться рядом с человеком, который тебя ненавидит, особенно если не понимаешь за что. Запирая дом, Мэгги вдруг сообразила: следующий день открытых дверей только в среду. Больше не придется сталкиваться с Бебс Бингингтон, сегодня последний раз – это ли не повод для радости! И вообще, после пятницы она скажет «прощай» бесконечной Саге о Недвижимости, о чем ни капли не жалеет.

Торговля недвижимостью, кроме того, что была физически опасным занятием, еще и выматывала эмоционально. Неизвестно, чего можно ожидать от людей, продающих свое жилье. Некоторые не желали покидать дом и ходили за потенциальными покупателями из комнаты в комнату. И не было никакого руководства в помощь, никакого официального свода правил или этикета для риелторов. Ее поражало, какие жестокие вещи могут говорить люди о чужом доме.

Было около четырех, когда Мэгги поставила машину на стоянке позади конторы. Агентство «Красная гора» располагалось в очаровательном каменном здании в самом центре городка Маунтейн-Брук. Когда Хейзел была жива, все двенадцать столов были оккупированы агентами, телефоны беспрестанно звонили и жизнь в конторе кипела. Теперь же здесь царила тишина, если, конечно, на Этель не нападало настроение поразглагольствовать на тему «В мое время».

Как уже говорилось, Этель была верна своим пристрастиям, но на самом деле ей просто не нравилось, куда катится мир. Сегодня она вещала на «Голливудской волне» (в который раз).

– В мое время кинозвезды одевались шикарно, а теперь они хотят быть как все: выходят на люди, напялив первое попавшееся под руку тряпье. Раньше они не выскакивали в магазин в обрезанных по колено джинсах. В мое время звезды были веселы и беспечны. Теперь же они такие все солидные, куда там, так серьезно к себе относятся, разъезжают по всему миру, приятельствуют с диктаторами и поносят Америку. Но от денег, заработанных на этой земле, не отказываются, нет. Я так скажу – пусть держат рты закрытыми и играют свои роли.

Бренда засмеялась:

– Одновременно–то это будет довольно трудно.

– Да ладно, ты меня поняла. А на фильмы я больше не ходок, все они под копирку: представители власти поголовно коррумпированы, главный герой если не убийца, то вор, наркодилер или еще кто похуже. Если у меня появится настроение провести время среди преступников, я лучше схожу в тюрьму на них поглазеть, притом совершенно бесплатно. Почему не снимают кино о хороших людях? Когда я иду в кино, я хочу выйти оттуда в приподнятом настроении, чувствовать себя лучше, а не хуже. А в наши дни, коли фильм об убийцах, извращенцах или малолетних преступниках, коли демонстрирует он самые худшие стороны человеческой натуры, так ему спешат сразу «Оскара» дать. Раньше я старалась не пропускать «оскаровские» фильмы, но в тот год, когда песню в стиле рэп «Трудно быть сутенером»^[15] предпочли Долли Партон^[16] в номинации «Лучшая песня», я перестала их смотреть. Черт, неудивительно, что западная цивилизация катится под уклон.

Мэгги промолчала, но мысленно согласилась. Если бы в кинотеатре «Алабама» каждую Пасху не повторяли «Звуки музыки», она бы вообще в кино почти не ходила. Было очевидно, что Мэгги потеряла связь с Голливудом. Или же Голливуд потерял связь с Мэгги, она точно не знала, но сильно подозревала, что дело именно в ней. Она безнадежно отстала от жизни. Столько лет прошло, а у нее до сих пор любимая актриса Дорис Дэй, и никто из ее знакомых не любит «музыку лифтов»^[17]. Но это единственная песня, к которой Мэгги знала слова. И не только в музыке дело. За последние десять лет современные технологии внезапно совершили квантовый скачок и оставили Мэгги далеко позади. Она так и не освоила, как программировать новую плиту и пользоваться смартфоном. И даже не пыталась научиться щебетать в «Твиттере».

Еще один неожиданный бонус

Добравшись домой после работы, Мэгги первым делом просмотрела почту. В основном мусор, среди которого и повторное напоминание о ежегодном вечере в честь Хэллоуина, «Страшилки в зоопарке». Когда Хейзел была жива, они не пропустили ни одной вечеринки. Хейзел пользовалась любым поводом натянуть маскарадный костюм, но теперь Мэгги вообще никуда не ходит. Связь с большинством старых друзей она потеряла, причем нарочно. Проще было их не видеть. Они, вероятнее всего, так же разочарованы в ней, как и она в себе, и только по доброте душевной этого не говорят.

В спальне Мэгги переоделась в тренировочный костюм для аэробики – по вторникам она ходила в спортзал, – и тут до нее дошло. Зачем теперь тренироваться–то? К чему поддерживать форму? Чего ради? Она не любила физические нагрузки и, что бы там ни говорили об эндорфинах, никакого удовольствия от спорта не получала, радовалась только, когда занятие подходило к концу. Да ей же больше не надо истязать себя. Какой неожиданный бонус. Не нужно беспокоиться, что обвиснут мышцы на руках и бедрах. Целлюлит? Да ради бога, на здоровье. Она сняла костюм, собрала остальную спортивную одежду – тенниски, футболки, носки и прочее, – бросила все в большой пластиковый пакет для Армии спасения и тут же, не медля, позвонила в спортзал и отменила занятия. Это было приятно, но, к сожалению, как ни старалась Мэгги отвлечься, мысль о «Гребешке» так и торчала колом в голове. А она не могла даже проверить, правда это или нет. Конечно, она знает, кто наверняка в курсе, и, вероятно, этот человек даже мог бы помочь, но нехорошо пользоваться дружбой в личных целях. Господи, зачем только она пошла сегодня к парикмахеру! Надо срочно забыть об этом и закончить с бумагами и фотографиями, решить наконец, какие выкинуть, какие уничтожить.

Она приготовила чай со льдом, пошла в кладовку и, вытаскивая одну за другой сложенные там коробки, принялась просматривать бумаги. И вдруг наткнулась на табель успеваемости за шестой класс. Внизу учительница написала: «Мэгги – тихий, воспитанный, приятный ребенок».

Господи, до чего верно сказано. С шестого класса она ничуть не изменилась. В последнее время она начала подозревать, что под этой приятной наружностью скрывается еще одна приятная наружность. Она стала старше, но не мудрее. Всегда думала, что к этому возрасту она

поумнеет, но нет. Наоборот даже. Она вытащила коробку, набитую родительскими страховками и медицинскими картами, и решила просто выбросить ее, уничтожить незачем.

Потом открыла следующую коробку и наткнулась на открытки и записки от Хейзел. Перечитывая, Мэгги поневоле улыбнулась.

С днем рожденья. Булочка–ватрушка!

Купи себе сегодня безделушку!

Х.

Плюшка–пампушка,

Так держать.

Милая, ты – душка!

Х.

Мисс Мэгги Пирожок,

Поедем странствовать.

Дружок.

Х.

Хейзел была само великодушие. В первую Пасху после смерти родителей Мэгги оказалась в долгах. Хейзел подарила ей большую пасхальную голубку из белого шоколада, вечером Мэгги решила полакомиться подарком и обнаружила внутри голубки пять стодолларовых купюр. Позвонила Хейзел, и та очень натурально удивилась: «Понятия не имею, как они туда попали, не иначе как пасхальное чудо».

После этого каждый год Хейзел дарила ей белую шоколадную голубку с деньгами и всякий раз «не понимала», как деньги туда попали. Без Хейзел Пасха стала бы обычным воскресным днем.

Мэгги вытащила коробку, полную фотографий. Вот единственный снимок Ричарда. Мэгги даже удивилась, почему ей казалось, что он похож на Эдди Фишера. Может, самообман? Ничего ведь общего. Или она принимала желаемое за действительное, или была так влюблена в Эдди Фишера только потому, что Дэбби Рейнольде вышла за Ричарда замуж? Господи, о чем только она думала? В том–то и беда: ни о чем она не думала. Но после Чарльза Ричард был единственным мужчиной, к которому ее потянуло. По сей день она не понимает, как вообще могла такое сделать. Хоть и жила она сейчас далеко от Далласа, ее до сих пор мучил постоянный страх, что кто–нибудь узнает. Сама мысль, что бывшая Мисс Алабама вступила в связь с женатым мужчиной, приводила в ужас – даже ее, – а ведь это как раз про нее! Спроси любого – и каждый скажет,

что Мэгги Фортенбери – последний человек на земле, кого можно заподозрить в подобном поступке, и она бы с этим согласилась. Связываться с женатым само по себе плохо, но как она могла так поступить с другой женщиной! Вот за это она себя никогда не простит.

Ее оправдывает немного то, что, завязав с ней роман, Ричард еще не был женат, он просто забыл упомянуть, что обручен с девушкой, которую выбрали для него (так он объяснил потом) родители. «Это скорее деловое соглашение между двумя богатыми семьями, чем роман», – сказал он. Разумеется, он не сообщал о другой девушке, пока Мэгги не влюбилась в него безнадежно и окончательно. И, надо отдать ему должное, он пытался расторгнуть помолвку. Сказал родителям, что полюбил другую и хочет на ней жениться. В тот вечер, когда он пошел разговаривать с ними, Мэгги сидела у себя дома и ждала, что он вот-вот ворвется в дверь с родительским благословением и обручальным кольцом. Отец Ричарда был владельцем ряда универсальных магазинов на Юге, и Ричард говорил, что, поженившись, они смогут жить в Бирмингеме. Она сидела и представляла себе картины будущей совместной жизни. Сперва шикарная свадьба, потом прекрасный дом на Красной горе, с целым крылом для ее родителей. Она обставит дом мебелью, купит ковры, антиквариат, живопись, посуду и серебро, которые сама выберет в одном из множества магазинчиков в Маунтейн-Брук или Инглиш-Виллидж. Она представляла званые обеды «Лиги Юниоров» или вечеринки в честь Мисс Алабамы, которые будет устраивать, танцевальные вечера для узкого круга друзей под звездами на их чудесной террасе с видом на Бирмингем. Она видела воочию большую, но со вкусом наряженную рождественскую елку, которую поставит перед окном в гостиной, портреты ее детей над камином. Прекрасный сценарий биографии Мисс Алабамы.

Мэгги просидела всю ночь, но так и не дождалась Ричарда. Он пришел на следующий день (выглядел ужасно) и рассказал, что, когда признался, отец пригрозил отказаться от него, мать с воплем рухнула на пол, а сестра бросилась на колени рядом с матерью, крича: «Ты убиваешь наших родителей!»

Поэтому, как бы ни любил он Мэгги, как бы ни хотел на ней жениться, огорчить семью он не мог. Слезное прощание, дни в отчаянии, ночи без сна.

Год спустя – она только-только начала забывать его – посреди ночи звонит несчастный Ричард.

– Женильба была ужасной ошибкой, – сказал он. – Я люблю тебя, не могу без тебя. Я должен тебя увидеть.

Несколько месяцев он умолял ее, уговаривал, и наконец она сдалась:

– Хорошо. Но обещаю, что не втянешь меня в стереотипный тайный роман с женатым мужчиной, где он обещает бросить жену, но так и не бросает.

– Нет, нет, – сказал он. – Ни за что.

Конечно, надо было уехать раньше. Не то чтобы она не пыталась. Через три года таких отношений, поняв, что ничего не изменится, она сказала, что уходит. Он запаниковал и во всем признался жене. Та заявила, что ей нет дела до его любовных связей, но, поскольку они заключили деловое соглашение, никакого развода. И что было делать Мэгги? Он остался в несчастливом браке, а она осталась с ним. Она испытывала унижение, прячась все эти годы, но, по крайней мере, содержанкой никогда не была. Настояла на том, чтобы за все платить самой. Он пытался покупать ей вещи. В первый год в качестве подарка на день рождения оплатил половину взноса за квартиру, но она вносила ежемесячную плату, и всю мебель сама покупала. Сейчас – с расстояния прожитых лет – она видела, что этот отрезок жизни напоминал сюжет дешевого фильма: жена не любит мужа, но не дает развода. В то время их с Ричардом любовь казалась великой романтической трагедией, но на самом-то деле она была просто очередной дурой, втянутой в обыкновенную грошовую внебрачную связь. И теперь, потратив впустую годы, когда она могла бы завести ребенка, годы, которые не вернуть, она читает в своей биографии Мисс Алабамы: «Маргарет не была замужем, и в настоящее время у нее роман с недвижимостью». Боже правый, до чего жалкая судьба.

Хотя, учитывая ее неспособность к садоводству, сомнительно, что из нее получилась бы хорошая мать. Ей очень нравились цветы, но вырастить их никогда не удавалось. Каждую весну Хейзел присылала луковицы белой лилии, и она каждую весну их сажала, поливала и ждала. И каждый год Пасха приходила и уходила, но никаких лилий не вырастало. Она не понимала. Хейзел сажала абсолютно такие же луковицы, и пасхальным утром у нее по всему саду расцветали сотни лилий. Мэгги хотела прекратить попытки, но Хейзел была непреклонна: нет, не смей. Она говорила: «Просто подожди, Мэгс, когда-нибудь, когда ты меньше всего ждешь, они расцветут». Когда погиб посаженный ею кактус (как вообще можно убить кактус?), она сдалась и украсила весь дворик декоративными камнями, а в центре поставила купальню для птиц. Бренда, которая работает еще и в системе регулирования деторождения, говорит, что каждый, не родивший ребенка, в конечном счете оказывает планете большую услугу. Бренда утверждает, что не ядерная война убьет

цивилизацию, а перенаселение, и, возможно, она права, но Мэгги все равно интересно: что она пропустила? По сей день она не может спокойно пройти мимо магазина детской одежды, мысленно не выбрав платье для девочки, которая могла бы у нее родиться.

Политические устремления

Мэгги не ошиблась насчет Бренды. У той таки имелось желание баллотироваться на пост мэра. Бренда полагала, что пора уже Бирмингему избрать в мэры женщину, хватит с города мужиков. И, когда последнего из них посадили на двадцать семь лет за взятки, многие согласились с ее заявлением. А имя Бренды Пиплс сделалось довольно известным в местных политических кругах. Она состояла во множестве различных общественных организаций города, самостоятельно проводила в жизнь программу «Молодежь под ударом», была президентом местного филиала женского общества «Альфа Каппа Альфа», куда попала еще в студенческие годы. Бренда знала, что для успеха в любом деле нужно завести как можно больше знакомств. Этому она научилась у Хейзел.

В 1979-м Хейзел завершила большое выступление на обеде, посвященном «Женщине в бизнесе», такими словами: «Итак, девочки, оставляю вам напоследок три слова в качестве напутствия: связи, связи, связи». Это было кредо Хейзел, и Бренда, следуя ее завету, из всех сил налаживала связи. Недавно Мэгги с Брендой ходили на концерт, так Бренда отправилась за кулисы и представилась всем музыкантам, а заодно и работникам сцены. «Все голосуют», – сказала она потом Мэгги. А к делу голосования Бренда относилась как нельзя более серьезно.

Пока Мэгги обучалась игре на арфе и мечтала стать Мисс Алабамой, Бренда на другом конце города пыталась разобраться в обстановке в стране. Она знала, что белые люди живут в одной части города, а ее семья – в другой. Родители иносказательно объяснили ей, что некоторые белые люди хорошие, а некоторые нехорошие, но на Бренду это не произвело должного впечатления. Ее родные вели бурную социальную жизнь. Отец был деканом колледжа для цветных, а мама – учительницей английского в старших классах. Они жили в красивом доме, с приличными соседями. Но когда ей было около десяти лет. Бренда начала замечать, что взрослые шепчутся о чем-то невеселом.

Позже, когда в Бирмингеме начались волнения, ее родители, как и многие их друзья и соседи, не одобрили привлечение к маршам протеста детей. Они боялись. Бренду, Робби и их младшего брата не пускали в школу в дни маршей. Но их старшей сестре, Тонье, в том году исполнилось тринадцать, и ее школьная подруга сказала: пошли на демонстрацию, это же так весело. В центре будет столько народу, сказала она, да никто дома и

не узнает. Кто же откажется повеселиться? Только не Тонья. Она тайком выскользнула из дома, и они встретились на углу Четвертой Северной авеню. Было и в самом деле весело, они бежали и хохотали как ненормальные – потому что не пошли в школу и теперь направляются в центр города, не предупредив родителей. Так они бежали и хохотали, пока не завернули за угол.

Тонья до сих пор помнит, как это было: холодная вода, словно огромная круглая кувалда, ударила ее в грудь и сбила с ног. Она до сих пор помнит, как хохот сменился криком ужаса; а еще помнит лай собак, и бегущих людей, и воду, много воды. Тонья навсегда запомнит тот миг, когда мир перестал быть веселым.

Когда на следующий день на первых полосах газет появились фотографии, город был в ужасе. Как могло такое случиться? Неоправданная, непростительная жестокость. Начальник пожарной службы немедленно заверил городские власти, что его люди «больше никогда» не станут применять брандспойты против человеческих существ. Но было слишком поздно.

Не только Тонью ошеломил внезапный поворот событий, Мэгги испытывала то же самое. Это был не тот Бирмингем, который она знала. Она никогда не слышала, чтобы ее родители или знакомые сказали хоть одно недоброе слово в адрес цветных. До сих пор Мэгги не предполагала, что они так несчастливы. У них в школе не было цветных ребят. Ей объясняли, что они предпочитают учиться со своими. Когда оркестры чернокожих старшеклассников выходили на городские парады, они казались такими довольными. Всегда смеялись, и, судя по виду, им было весело. Какой-то частью сознания Мэгги понимала, что в этом мире лучше быть белым, но всерьез над этим никогда не задумывалась. В ее юности подростки не интересовались политикой, по крайней мере, девочки из ее окружения. Они были слишком озабочены мальчиками, нарядами и прыщиками, чтобы думать о завтрашнем дне, а уж тем более о социальной несправедливости. Грустно, но цветные жили в одном мире, а они в другом, и не замечали этого. Она-то уж точно не замечала. Но история, к сожалению, не смотрит, молодой ты или старый, и спрашивает со всех одинаково.

А затем в церковном подвале нашли тела четырех маленьких чернокожих девочек. И город был в таком шоке, что отказывался верить. Столь неожиданный и столь мерзостный поступок! Многие жители Бирмингема предпочитали считать, что девочек убили радикалы с Севера, пытаясь привлечь к себе внимание прессы, или, скажем, это какой-то

кошмарный несчастный случай. Было слишком страшно поверить, что вокруг столько жестокости и ненависти, – нет, только не в нашем городе. Но много лет спустя, когда белых, совершивших это преступление, наконец арестовали и предали суду, городу ничего не оставалось, как признать факты, и это оказалось болезненно для всех.

Что ее держало?

Пообедав покупным размороженным обедом, Мэгги вернулась к делам, и вечером, к половине одиннадцатого, все бумаги были рассортированы на две стопки – на выброс и на уничтожение. Копаясь в старых вещах, разглядывая фото Ричарда, Мэгги все вспоминала и вспоминала. Что удерживало ее с ним многие годы?

У Ричарда были черные вьющиеся волосы и добрая душа, но сейчас она поняла (слишком поздно), что был он слаб характером и глуповат. Умным был его отец, но в бизнесе он нарушал все правила, а Мэгги этого не одобряла. Честно говоря, познакомься она прежде с его семейкой, она бы дважды подумала, поддерживать ли вообще какие-либо отношения с Ричардом.

На том благотворительном обеде в Далласе она была как модель, и две женщины громкими голосами потребовали, чтобы она подошла к их столику, дабы они могли пощупать, из какого материала сшит костюм, и, пока они сетовали, что материальчик-то дешевенький (а был он вовсе не дешевый), Мэгги бросила взгляд на табличку с именами на столе и поняла, что это мать и сестра Ричарда. О боже. Да эти две дамы не просто грубиянки. Более неприятных особ ей в жизни не доводилось встречать. Они напоминали двух жаб с выпученными глазами. Видно, генетика совершила взбрык, и в семействе троллей уродился принц – Ричард, но поди угадай, когда эти гены снова взбрыкнут.

Ричард так и не развелся. Он умер от инсульта в возрасте 46 лет. Для Мэгги это был шок, но еще больший шок она испытала, когда ей вручили решение суда о выселении. Семья Ричарда (вооруженная копией старого чека на оплату залога) заявила, что он купил ей квартиру на деньги компании. Теперь они хотели получить обратно не только квартиру, но и всю мебель, посуду, серебро, живопись, телевизор и все прочее, за что она платила сама. С ними можно было побороться, но, чтобы избежать скандала, Мэгги уехала на следующее утро, взяв лишь кое-какую одежду.

Уехав из Далласа, Мэгги нашла работу на круизном пароходе, давала уроки по завязыванию шарфиков и складыванию столовых салфеток. На бумаге это смотрелось неплохо, но круизный пароход, на который она устроилась, был далеко не «Королева Елизавета» или «Кристалл». Она мечтала учить желающих красиво сервировать стол, но на занятия в основном приводили детей, чьим родителям на часок понадобилась няня.

Поэтому, когда пришла весть о болезни родителей, она вернулась в Бирмингем, и это стало для нее спасением. Живя в Далласе и появляясь дома лишь изредка – навестить родных и поучаствовать в ежегодном собрании бывших Мисс Алабам, – было гораздо легче делать вид, что все прекрасно. Дома знали только, что она работает моделью в главном универмаге Далласа, а потом – на круизных катерах. С виду обе профессии казались чарующими (в детали она никого не посвящала), но теперь, когда она вернулась, стало гораздо труднее поддерживать хоть в половину столь же роскошный имидж. Медицинские расходы росли, и ей пришлось искать работу, а это было нелегко. Она уже вышла из возраста модели, печатать на машинке не умела, по алгебре провалилась (дважды), так что бухгалтерия исключалась. Не служить же Мисс Алабаме официанткой. Ей было почти 42 – поздновато, чтобы начинать новую карьеру.

После нескольких недель поисков она была готова согласиться на низкооплачиваемую, обидную (в некотором роде) работу администратором в отеле «Шератон». Ее обязанности будут заключаться в том, чтобы встречать людей, дарить карту города участникам конференций, назначать их женам время в парикмахерской, организовывать походы по магазинам и посещение Музея Гражданских прав и статуи Вулкана. Но судьба сжалилась над ней и спасла в последнюю минуту.

В то утро Мэгги шла после собеседования через холл отеля к выходу и вдруг услышала знакомый голос:

– Мэгги! Мэгги Фортенбери... Привет, Мисс Алабама!

Она оглянулась, но никого не заметила. Потом откуда-то снизу раздался женский голос:

– Мэгги! Это Хейзел... Хейзел Уизенкнот.

Мэгги опустила глаза и увидела широко улыбающуюся Хейзел.

– Помнишь меня? Ты в детстве приходила к нам со своей матерью на примерки.

Мэгги сразу ее вспомнила (много ли в жизни встречаешь людей ростом меньше 3 футов 4 дюймов?).

– Конечно, помню. Как поживаешь?

– Отлично, фантастически, лучше не бывает. А ты как?

– Хорошо, спасибо, – соврала она.

– Выглядишь как всегда блестяще. Ты, говорят, сейчас в Далласе живешь?

– Жила, да, но теперь вернулась домой, у мамы со здоровьем неважно.

– Ох, правда, очень жаль. Она такая чудная женщина. У меня до сих

пор сохранился тот костюм зайца, который она для меня сшила, – помнишь его? С большими стоячими ушами?

Мэгги рассмеялась:

– Да, я помогала ей запихивать в эти уши ершики, чтобы они торчали, и сшивала ватные шарики для хвоста.

– Ты отлично потрудилась, я до сих пор его ношу. – Тут Хейзел склонила набок голову и посмотрела на нее: – Слушай, детка, ты занята? Можно я тебя угощу чашкой кофе? Так хочется поболтать.

Мэгги глянула на часы. Спешить некуда.

– С удовольствием.

Хейзел говорила не умолкая, пока они поднимались на лифте в ресторанчик на верхнем этаже, рассказывала, что Бирмингем возвращается к жизни, что многие старые компании, закрывшиеся в шестидесятые, снова открываются, и появляются новые. Метрдотель в ресторане, разумеется, знал Хейзел и сразу усадил их.

Заказав кофе. Хейзел сказала:

– Я только что произносила речь на званом завтраке в клубе «Лайнс». А ты что делаешь в отеле? Остановилась здесь?

– Нет, была на встрече.

Хейзел смотрела на нее с любопытством.

– М–м... на встрече?

Мэгги хоть и смутилась, но чувствовала, что объяснения необходимы. Она не хотела, чтобы Хейзел думала, будто она какая-нибудь девушка по вызову.

– Они ищут администратора и хотели поговорить со мной.

– Ясно. Так ты, может, останешься в городе?

– Ну, еще не уверена, но, пока я здесь, неплохо бы подыскать какое-нибудь дело...

Хейзел от удивления вытаращила глаза:

– В смысле, работу?

– Ну... да. Может быть.

Хейзел захлопала в крошечные ладошки:

– Ууух тыыы, когда я нашла утром этот пенни, я была уверена, что мне сегодня повезет. – Она махнула рукой официанту: – Эй, Билли, к черту кофе, неси нам два martini! – И снова обратила на Мэгги сияющие глаза. – Дорогуша, – сказала она, подняв палец, – я как раз ищу кого-нибудь вроде тебя. Мне нужна девчонка с внешностью, с классом и стилем, чтобы возглавила мой офис в Маунтейн-Брук, кто-то, кто знает район, понимает качественный рынок, в общем, ты – воплощение моей мечты. Забудь, что

они тут тебе предложили. Я дам тебе вдвое больше. Нет, втрое. Ну, что скажешь?

Мэгги поневоле рассмеялась.

– Ой, спасибо тебе. Хейзел, ты так добра, но я ведь ничего не смыслю в недвижимости.

Хейзел сделала удивленный вид:

– А чего там смыслить–то?

– Много, думаю. Я, например, не представляю, как заключать контракты.

– Ну и что? В агентстве недвижимости не только контракты заключают. Здесь нужен инстинкт, нужны эмоции, нужна представительность, а при твоих внешних данных и подготовке ты будешь очень естественна на этом месте.

– Что ж, спасибо, но я не настолько умна, чтобы разобраться во всех тонкостях и деталях.

– В общем, так, детка, тонкости и детали оставь мне. На меня работают умнейшие девчонки, которые в этих деталях знают толк, а твое дело – выглядеть красиво и общаться с людьми. В этом ты профи, я уверена. Что скажешь?

– Пожалуй, мне нужно подумать. Я ничего подобного раньше не делала и не хотела бы тебя подводить.

– Подводить меня? Да ты что! Ты не можешь ошибиться. Ой, ну не разбивай мне сердце, скажи «да».

– А что, если это ты во мне ошибаешься?

Хейзел всплеснула ручками и засмеялась:

– Я? Ошибаюсь? Я, дорогуша, никогда не ошибаюсь. Поверь, тебе это понравится. Это лучший бизнес в мире.

Официант принес бокалы, и Хейзел поблагодарила:

– Спасибо, Билли.

– Хейзел, я правда очень польщена, но я не умею продавать дома.

– Ладно. Позволь тебя спросить. Ты любопытная?

– В смысле?

– Когда ты проезжаешь мимо какого–то дома, тебе хочется заглянуть в окно и подсмотреть, как там и что?

Мэгги задумалась.

– Ну да, наверное, мне любопытно посмотреть, как люди устроились.

– Так я и знала! У меня интуиция. Я только глянула на тебя сегодня одним глазком и сразу подумала: «Эта женщина – прирожденный агент по торговле недвижимостью, если такие люди вообще бывают». И не какой–

нибудь заурядный агент. Ты Мисс Алабама!

Мэгги медлила.

– Видишь ли, я бы не хотела этим... пользоваться.

Хейзел вскинула брови.

– Вот еще! Почему? Это же огромное преимущество. Слушай, детка, у нас в этой жизни так мало преимуществ, особенно у женщин, что ежели тебе есть чем воспользоваться для достижения цели, пользуйся даже не думая. Твое преимущество тебе Господом дано, и в этом нет ничего предосудительного. Взять хотя бы меня. Когда я была маленькая... – Она расхохоталась. – В смысле, меньше, чем я сейчас, так вот я себе сказала: «Хейзел, врач говорит, что тебе не вырасти больше трех футов четырех дюймов, поэтому у тебя два пути: первый – жалеть себя, а второй – использовать это как преимущество». Выбрала я второй. – Она сделала глоток martinis. – Я с раннего детства заметила, что люди мною интересуются. Почему? А потому что я незаурядный человек. Стоит им один раз меня увидеть – и все, никогда не забудут.

– Да уж. Хейзел, забыть тебя трудно.

– Вот именно. Я другая. И это наша визитная карточка, детка. В нас обеих есть что-то привлекающее внимание. Хейзел Уизенкнот, смешная лилипутка. Маргарет Фортенбери, прекрасная Мисс Алабама...

– С этой стороны я как-то не думала. И все же...

Хейзел подалась вперед:

– Слушай, Мэгги, я понимаю, у тебя есть определенные жизненные стандарты, ты не можешь согласиться на первую попавшуюся работу. Тебе нужно, чтобы она была престижной, на высшем уровне, а у меня ты сразу начнешь с самого верха, будешь иметь дело с лучшей клиентурой. Если пойдешь ко мне работать, гарантирую, что ты никогда об этом не пожалеешь. – Хейзел посмотрела на часы: – Ты сейчас чем-то занята?

– Прямо сейчас? Нет, ничем.

– Хорошо. Я хочу, чтобы ты пошла со мной вниз. Мне нужно произнести еще одну речь на торжественном обеде «Женщины в агентстве недвижимости», а потом еще поговорим. Я тебя, юная леди, не отпущу, пока не согласишься.

Энергия, заключенная в этой маленькой женщине, поражала, и Мэгги как-то незаметно для себя подчинилась и пошла за Хейзел в лифт, точно большая собака за Пестрым дудочником^[18]. Ей приходилось принимать столько решений! Какое облегчение – позволить кому-то взять ответственность на себя и говорить, что тебе делать дальше. Еще не было полудня, а Хейзел ее уже напоила, и Мэгги подумала: хорошо, что Хейзел

не мужчина. С ее–то силой убеждения, Мэгги, возможно, к этому часу была бы уже беременна.

Не успела Мэгги глазом моргнуть, как Хейзел усадила ее в последнем ряду гигантского бального зала, битком набитого сотнями женщин. Хейзел представили, и она вышла на сцену под гром аплодисментов, поднялась на деревянную подставку, озарила зал своей знаменитой улыбкой и начала речь так, как начинала всегда.

– Я очень рада оказаться здесь, чтобы выразить вам, дорогие девочки, мое уважение. (Пауза.) Впрочем, я на всех смотрю уважительно – снизу вверх. (Пауза в ожидании, когда стихнет смех.) Знаете, обедала я на днях с Сюсси, она работает в моем офисе, и тут к нашему столику подходит ее подруга, с которой они давно не виделись, и спрашивает ее, как дела, и Сюсси так тяжело вздыхает и говорит: «Да так, ничего особенного, я всего лишь агент по торговле недвижимостью». Когда подруга ушла, я спрашиваю, почему она сказала «всего лишь агент»? А она мне: «Ой, да потому что у нее такая важная работа». Так что на случай, если среди нас есть такие Сюсси, которые не считают нашу работу важной, я хочу вам напомнить, насколько она важна.

Право владения собственным домом – не только основа, хребет нашей страны, но и секрет успешного общества. Имея дом в собственности, человек вкладывает средства не только в самого себя, но и в свою страну, в свой штат, город, в свой район. Как домовладелец, он будет интересоваться всем и всеми, кто его окружает. Вот почему люди стекаются в Америку со всего света, не имея ничего кроме страстного желания работать изо всех сил и мечты обзавестись однажды собственным домом. Не забывайте, частное домовладение – все еще довольно свежая идея для мира, так что, помогая семье купить дом, вы, возможно, исполняете мечту многих поколений этого рода, чтобы когда–нибудь их потомок смог сказать: «Это мой дом, я его владелец». – Она помолчала, улыбнулась. – Вы должны понимать, я ничего не имею против арендаторов. Служба аренды тоже очень важна. Я и сама снимала когда–то жилье, но при скидке в десять процентов и сорокалетней выплате залога я смогла купить дом, и по сей день мне не забыть, как агент по продаже недвижимости вручила мне ключ и сказала: «Добро пожаловать в ваш новый дом». Я почувствовала себя по меньшей мере на десять футов выше, а для меня это все равно что двадцать. (Смех в зале.) Так что помните: помочь семье купить дом – это не просто напечатать договор. Вы помогаете обрести воспоминания на много лет. Если не верите, спросите людей: каждый День благодарения, каждое Рождество что они делают? И они ответят: «Еду домой». И в этом зале

наверняка каждый может закрыть сейчас глаза и вспомнить дом детства. Сколько раз мы слышали фразу: «Здесь прошли мои самые счастливые годы, здесь я воспитывал моих детей». Дом – это особое место, которое навсегда остается в сердцах людей.

Я знаю, наш бизнес нелегок, и нас иногда до смерти достает куча мелочей, которые нужно сделать и учесть, но не забывайте, что вы – составная часть самой важной в жизни человека сделки, самого большого вложения в будущее. Вы не *все* *лишь* агент по торговле недвижимостью, вы продавец мечты. Так что идите на улицы, девчонки, и продолжайте продавать эти мечты!

Едва она закончила говорить, весь зал встал и закричал одобрительно, и Мэгги, даже не будучи никаким агентом, тоже вскочила и завопила вместе со всеми. Она была готова выскочить за двери и сегодня же начать продавать дома. Но позже, проведя с Хейзел столько лет бок о бок, Мэгги выяснила, что аудитория на любую речь Хейзел откликалась подобным образом. Дело в том, что она навсегда так и осталась капитаном команды болельщиц. Только теперь Хейзел воодушевляла болеть за саму жизнь.

Пройдя в Далласе через ужасное испытание семьей Ричарда, Мэгги была подавлена. Видимо, поэтому в тот день, когда Хейзел вновь появилась на ее пути, Мэгги почувствовала себя пробкой от шампанского. Хейзел, повторимся, была человеком, способным изменить твой взгляд на человеческую расу.

Встреча с другом

1989

Мэгги, которая всего несколько недель как работала на Хейзел, обедала в «Горле чайки», когда туда вошла Мици Колдуэлл, ее старинная школьная подруга времен школы «Брук–Хилл». Увидев Мэгги, она ринулась к ее столу.

– Мэгги! Как я рада тебя видеть, мне кто-то говорил, что ты вернулась из Далласа. Можно я к тебе подсяду?

– Конечно, Мици. Очень здорово, садись, пожалуйста.

Мици была все такая же рыжеволосая симпатяга с короткой стрижкой и челкой.

– Сяду, только, чур, не смотри на меня. Я знаю, что выгляжу на сто восемь лет, но ты-то! Ты со школы так и не изменилась.

Мэгги засмеялась:

– Ну уж это вряд ли.

– Ой, Мэгги, правда, нам было тогда весело? Ты не скучаешь по старым добрым временам юности?

– Скучаю, даже очень.

– Какая удача, что я на тебя наткнулась. Я всего на несколько дней домой вернулась. Папа упал, играя в гольф, второй инфаркт, пришлось ехать домой помогать маме.

– Мне очень жаль.

– Да. Дэвид говорит, нам с нашими родителями – моими и его – впору собственную клинику открывать. Старость, дорогая моя, это такая дрянь.

– Знаю. А как Дэвид?

– Хорошо. Слишком много работает. Не могу дожждаться дня, когда мы сможем вернуться домой. Нью Йорк – это, конечно, неплохо, но это не Бирмингем. Я говорю Дэвиду: «Дождешься, что твои дети заговорят как янки». Но ты-то как? Надолго вернулась? До сих пор моделью работаешь? Расскажи все как есть.

– Да, я поживу здесь, нет, моделью больше не работаю. Вообще-то я теперь торгую недвижимостью.

У Мици от удивления расширились глаза и рот открылся.

– ПОВЕРИТЬ НЕ МОГУ! *ТЫ ТОРГУЕШЬ НЕДВИЖИМОСТЬЮ?*

Мэгги почувствовала, что краснеет.

– Ну ладно, мне, пожалуй, пора...

– Нет! В смысле, просто не верится! Это же настоящий дар судьбы, что я тебя сегодня встретила. Я пытаюсь заставить маму и папу продать дом, но они меня не слушают. Уже агента притащила, нет, ни в какую. Но тебя они всегда любили! Не хотелось бы пользоваться нашей дружбой, но помоги мне, а?! Они вдвоем кукуют в этом большом старом доме, и я чувую, что с твоей помощью мне удастся уговорить их продать его и переехать в «Св. Иоанн в соснах», чтобы я не волновалась за них день и ночь. Прошу тебя, поговори с ними.

Мэгги повезло. После разговора с ней Колдуэллы согласились продать дом, и Мэгги получила свой первый дом на продажу: большой, двухэтажный, из серого известняка и на горе.

В тот уик-энд, когда предстоял первый показ, мистер и миссис Колдуэлл уехали из города на три дня, оставив дом в ее распоряжении. На день открытых дверей пришло немыслимое количество народу, кое-кто с детьми, которые носились без присмотра по этажам, и, учитывая, что повсюду было множество дорогостоящих предметов искусства, Мэгги слегка нервничала. Но в конце дня прошла по дому и убедилась, что все вроде бы на месте. Бренда уехала первой, а Мэгги лишь в шестом часу заперла дверь и направилась домой, довольная и уставшая до предела.

В воскресенье утром Мэгги приехала, чтобы открыть дом для следующего показа, и уже на крыльце услышала странный шум. Зайдя в холл, она не поверила своим глазам. Вода каскадом падала с балкона второго этажа, разбиваясь о пол прихожей, и лилась по ступеням лестницы прямо в гостиную. Мэгги помчалась наверх, пропитанные водой ковры хлюпали под ногами. Из ванной на втором этаже вытекала река. Мэгги закрутила кран. Холл второго этажа и весь первый этаж были залиты на дюйм. Все ковры, шторы снизу, красивый паркет – все было мокрое.

– Господи помилуй... что стряслось? – спросила появившаяся следом Бренда.

Часом позже, когда Хейзел вошла в офис «Красная гора», там ее ждала Мэгги, вся в слезах.

– Привет, милая, – сказала Хейзел, бросая на стол сумку и запрыгивая на стул.

– Ой, Хейзел, мне *так* жаль! Это я виновата, надо было все проверить перед уходом. Колдуэллы завтра возвращаются, а я погубила их дом.

Хейзел отмахнулась:

– Да ну, не глупи! «Погубила». Ничего ты не погубила, это всего–навсего вода. Не бери ничего в свою красивую головку, такое бывает. Во сколько они возвращаются?

– Около полудня.

Тут вошла Этель, не успевшая снять лиловый церковный наряд, и в знак приветствия помахала рукой. Хейзел улыбнулась Мэгги.

– Расслабься, мы все сделаем, – сказала она и со стуком открыла большую картотеку «Ролодекс». На столе у Хейзел стояло шесть больших черных телефонных аппаратов, на каждом по пять линий. Мэгги слышала, что Хейзел – мастер вести телефонные разговоры, но никогда не видела ее в действии. Она в изумлении наблюдала, как Хейзел принялась набирать номера, переключаясь щелчком с линии на линию с легкостью и изяществом пианиста.

ЩЕЛК.

– Джон! Хейзел. Привет, детка, прости, что беспокою тебя дома в воскресенье, но как быстро ты сможешь доставить вентиляторы на Крест–Роуд? У нас приключился небольшой потопчик. Я знаю, но скажи, я ведь могу на тебя рассчитывать, рыбонька? Если бы ты смог, я была бы тебе страшно благодарна. Ох, спасибо, Джон. Ты мой герой. Этель перезвонит, объяснит в деталях.

ЩЕЛК.

– Здравствуйте, а Эл дома? Скажите, это Хейзел. Я подожду.

ЩЕЛК.

– Билли? Хейзел. Слушай, зая, мне нужна команда уборщиков, срочно. Я знаю, что беру за горло, но мне нужна твоя помощь, понимаешь? Ты же знаешь, за мной не заржавеет. Ой... Спасибо, Билли. Этель перезвонит, посвятит тебя в детали.

ЩЕЛК.

– Пит? Хейзел. Слушай, дружок, мне к завтрашнему утру, к десяти, нужно натереть полы. Можешь мне это устроить? К десяти? Я знала, что могу на тебя рассчитывать. Подожди, соединю с Этель.

ЩЕЛК.

– Джун? Хейзел. Дорогуша, мне нужна помощь, нужно постирать и высушить шторы к утру. Ты знаешь, за мной не заржавеет... Ага, к десяти? Ой, спасибо, детка, я за это станцую на твоей свадьбе. И передай от меня привет этому своему красавчику–мужу. Хорошо. С тобой Этель поговорит, не вешай трубку.

ЩЕЛК.

– Алло? А, да, думаю, шести вентиляторов будет достаточно. Хорошо, детка.

ЩЕЛК.

– Эл. это Хейзел. У нас тут маленькая катастрофка, и мне очень нужна твоя помощь. Если я сегодня подвезу к тебе несколько ковров, мы можем получить их обратно чистыми к утру? Подожди–ка, зайка.

ЩЕЛК.

– Миссис Уилмер? Это Хейзел Уизенкнот. Можете попросить Тома срочно позвонить мне в офис? Он мне понадобится, чтобы снять шторы и отвезти их к Джун, и еще надо будет отвезти несколько ковров к Элли. Хорошо... Как ваша внученька? Отлично, рада, что ей понравилось. Подождите, Этель с вами переговорит, расскажет все подробно.

ЩЕЛК.

– Эл. спасибо, что подождал. Слушай, детка, я жду, что мне перезвонит Том, и тут же попрошу его связаться с тобой, и ты дашь ему адрес, куда их закинуть. Тебе спасибо, ты оказываешь мне неоценимую услугу.

Хейзел посмотрела на Мэгги и улыбнулась:

– Видишь, дорогуша, все будет хорошо. Это ерунда. Я поговорю с Колдуэллами и объясню, что случилось, так что ни о чем не переживай, милая. Иди себе домой, выпей, расслабься, а завтра приходи.

ЩЕЛК.

– Привет, Том. Тебе передали? Все верно, сперва к Элли, затем к Джун. О'кей? Подожди, свяжу тебя с Этель.

Назавтра к десяти утра все ковры, все шторы были водворены на места, чистые и сухие. Натертые полы блестели. Свежие цветы стояли на столике в холле в ожидании Колдуэллов. Мэгги вошла в контору и уставилась на Хейзел в изумлении:

– Как тебе это удалось?

– Что?

– Убрать дом.

– Ах, это... Да ерунда. Я же говорила, не о чем беспокоиться. Надо сделать – сделаем.

Хейзел оказалась права насчет Мэгги. Катастрофа с потопом была первой и последней, а из Мэгги получился прекрасный агент по продаже недвижимости, она лучше всех умела подать дом в самом выгодном свете. Хейзел всегда говорила: «Сам по себе хороший вкус гроша не стоит, но, если его нет, ты его и за миллион долларов не купишь». А у Мэгги вкус был отменный. Бренда и Этель до сих пор удивлялись ее способности так

мягко и терпеливо ладить с самыми сложными клиентами.

Как необходимо сказать хозяевам, что лучше убрать из дома все их любимые мелочи, особенно семейные фотографии? Этель, у которой не было ни капли терпения, так бы прямо и выложила: «Снимки ваших уродливых внуков с оттопыренными ушами надо убрать», но Мэгги всегда удавалось сделать это, не ранив ничьих чувств. Вот как она однажды сказала паре из Уэст-Энд: «Эти золотистые косматые ковры в каждой комнате очень красивы сами по себе, но их слишком много, и от этого блекнет красота остальных вещей в доме».

Но хотя Мэгги любила дома, она никогда не имела собственного. Однако *место*, где она жила, значило для нее очень много. Она не понимала людей, которые, не успев приехать в город, сразу же покупали первый приглянувшийся дом. Или тех, кто говорил, что место для них не важно, мол, лишь бы «просто где-нибудь жить». Мэгги была не из таких. Вернувшись в Бирмингем, она не один месяц потратила, чтобы выбрать правильное место, и, едва очутившись на Эйвон-Террас, сразу поняла, что должна здесь жить. Стоя на заднем крыльце, она видела «Гребешок», венчающий вершину Красной горы.

Почему Бебс ненавидела Мэгги

Говорят, зависть – уголек. Раскаленный и шипящий, он попадает в тебя прямо из ада. Коли так, то он должен был прожечь дыру в Бебс Бингингтон в тот момент, когда Хейзел Уизенкнот представила Мэгги как своего нового агента. Бебс возненавидела Мэгги с первого взгляда. Эта бывшая королева красоты со всеми своими дутыми манерами вошла в бизнес легко, будто танцуя, опираясь на свою смазливую внешность и так называемые контакты «на горе». Ее тошнило при взгляде на агентов–мужчин, которые рядом с Мэгги теряли мозги, распушали хвосты, чистили перья и ворковали точно полные идиоты. Мало того, что приходилось конкурировать с проклятой карлицей, так теперь еще и это.

Через три недели, узнав, что Мэгги достался контракт Колдуэллов, Бебс впала в ярость. Дом как нельзя лучше соответствовал требованиям ее клиентов. Бебс связывалась с Колдуэллами месяц назад, и они сказали, что продавать дом не намерены. И тут нате вам пожалуйста, эта стерва, чертова королева красоты, у нее за спиной крадет ее дом. Что еще хуже – она подъехала в понедельник днем к дому Колдуэллов, готовясь увидеть повсюду уборщиков с тележками, глядь – вокруг никакой суеты, будто и не было никакого потопа. Видно, пацан, которого она наняла, чтобы оставить на втором этаже кран открытым, что–то напорточил. Мелкий говнюк. Она–то надеялась, что девицу уволят, и тогда дом достанется ей. И, прежде чем она успела придумать новый план, дом продали, что ее вдвойне разозлило.

Никогда ничего не доставалось ей легко. Бебс не была красавицей от природы, красота стоила ей целого состояния. Она выдержала две подтяжки, пластику носа, имплантацию подбородка, да еще линию волос пришлось поднимать, а ей тогда и сорока не исполнилось. Люди с самого начала старались ей навредить. В Ньюарке разозленный работодатель ее вытурил. Потеряв в Нью–Джерси лицензию на торговлю недвижимостью, Бебс изменила имя и переехала в Бирмингем, где в университете изучал медицину ее сын. И это тоже было далеко не просто. Ей приходилось пробиваться, проталкиваться на рынок недвижимости дюйм за дюймом. Южные девушки держались обособленно и, хотя в лицо улыбались, считали себя лучше нее, она–то знала. Но ничего, она отомстит этой ханже. Мисс Золушке, мерзкой Маргарет Фортенбери. Сейчас она просто ждет своего часа, но не бездействует. Кое–что уже задумано, кое–что весьма грандиозное. И, если верить шпионам, это может случиться со дня на день.

Приготовления

Проснувшись на следующее утро, Мэгги поняла, что день для задуманного выбрала удачней некуда. Третье ноября – канун президентских выборов – прямо–таки идеальная дата для ухода. Теперь, когда конкурс «Мисс Америка» перестали транслировать по центральному телевидению, титул бывшей Мисс Алабама уже не так престижен. Но кто знает. Если бы она наметила это на день раньше, когда новостей мало, какой–нибудь скучающий репортер подцепил бы эту новость, и в очередном ночном телешоу ее бы выставили в анекдотичном свете. Встречаются ведь очень недобрые люди, и довольно часто. Они думают, что быть королевой красоты легко. Они не понимают, какое невыносимое давление и ответственность несет с собой этот титул, как мучительно быть всегда примером для подражания. И она не хотела повторно совершить свою старую ошибку – СЛИШКОМ ДОЛГО ЖДАТЬ, ПОКА НЕ СТАНЕТ ПОЗДНО.

По крайней мере, она покидает мир еще не совсем уродиной. Кожа у нее до сих пор хорошая благодаря тому, что она всегда пряталась от солнца, а небольшую работу по саду выполняла по вечерам, при свете фонаря. Хотя то, что когда–то было веснушками на руках, начало постепенно напоминать старческие пятна. Есть немного и седины, но Гленн осветляет ей волосы, так что выглядит все вполне натурально. И все равно, обратного–то пути нет. Она как пакет молока, у которого истекает срок годности.

Конечно, Мэгги грустно покидать мир таким образом, и можно было бы и дожить отпущенное ей время, пребывая в отчаянии и жалея себя, но есть в раннем уходе и светлая сторона. Только сегодня она составила новый список «за» и «против» и сама подивилась результатам.

16 ВЕСОМЫХ ПРИЧИН ПРЫГНУТЬ В РЕКУ

ЗА

1. Никакой старости (никаких подтяжек лица, замены коленного или тазобедренного сустава и прочего)
2. Не надо больше красить волосы
3. Не надо больше принимать решений
4. Никаких больше невкусных ужинов перед телевизором
5. Никаких походов к дантисту, врачам и т. д.
6. Никаких больше неприятных сюрпризов

7. Не надо отвечать на письма
8. Никакой больше Бебс Бинггтон
9. Никаких больше бессонных ночей
10. Не придется зарабатывать на жизнь
11. Не надо оплачивать счета и штрафы
12. Не надо ездить по улицам в часы пик
13. Никаких больше сожалений
14. Не придется видеть по ТВ плохих новостей
15. Никакой больше полосы неудач
16. Никаких больше переживаний

ПРОТИВ

1. Пропущу весну в Маунтейн–Брук
2. Пропущу осень в Маунтейн–Брук

Увидев все это написанным черным по белому Мэгги была вынуждена признать полную победу столбца «ЗА». Один пункт 16 дорогого стоит. Вчера она опять потеряла два часа сна, переживая за судьбу «Гребешка». Ни из–за чего не переживать – вот ее давняя мечта.

Мэгги спустилась в кладовку, вытащила последнюю коробку с бумагами родителей и принялась раскладывать их по кучкам. Наверное, их все можно выкинуть, зачем вообще уничтожать в бумагорезке. Вряд ли кому–то понадобятся их документы.

Вскоре она наткнулась на свидетельства о смерти, и до нее вдруг кое–что дошло. Раз она не собирается воспользоваться купленным местом на кладбище, может, отдать его какому–нибудь бедняку? Оттуда открывается хороший вид. Но родители не пожалели денег и специально зарезервировали этот участок, чтобы семья была вместе. Что они подумают, если рядом окажется совершенно чужой человек? Мэгги не знала, верит ли в загробную жизнь, но решила: если есть хоть малейший шанс, что они про все узнают, лучше оставить место рядом с ними пустым. Кстати! Поскольку она их единственный живой родственник, нужно распорядиться, чтобы на могилы приносили цветы, поэтому она достала еще один лист бумаги и начала новый список.

ЕЖЕГОДНАЯ ДОСТАВКА ЦВЕТОВ МАМЕ И ПАПЕ

1. Рождество
2. Пасха
3. День рождения матери

4. День рождения отца
5. День матери
6. День отца
7. День поминовения

Единственное, что можно отсюда исключить с чистой совестью, это дни рождения. Но даже без двух дней рождения это будет стоить ей порядка 375 долларов в год. Мэгги поразмыслила, сколько предположительно лет могла бы еще прожить. Учла, что она сравнительно здорова, вспомнила, в каком возрасте умерли родители, и подсчитала, что, когда ей исполнится восемьдесят пять, можно прекратить носить цветы. Итак, 25 на 350, получается... Боже правый, уйма денег! Но нельзя же на праздники не подать им знак, что о них помнят.

Она поискала в телефонной книге цветочника на другом конце города. Не звонить же знакомым, Биллу например, в «Парк-лейн». Или в тот же «Дан Мартин флауэрс», они наверняка что-то заподозрят. Мэгги полистала «Желтые страницы», нашла цветочный магазин, о котором никогда не слышала, и позвонила. Ответил женский голос:

– «Бонтон флауэрс», чем могу помочь?

По акценту Мэгги поняла, что женщина не с Юга, и это хорошо. Может, она не знает, кто такая Мэгги, а если и знает, то, может, ей все равно.

– Да, здравствуйте. Меня не будет в городе на Рождество, вы не могли бы доставить цветы на могилу моих родителей? Вы обслуживаете кладбища?

– Да, мэм, конечно, буду рада организовать доставку. Это кладбище «Форрест-Лоун»?

– «Форрест-Лоун». Номер места 7, секция 196, их зовут Анна Грейс и Уильям Герберт Фортен-бери.

– Анна Грейс и Уильям Герберт Фортенбери?

– Да.

– И на какую сумму вы рассчитываете, дорогая?

– Ну... порядка семидесяти пяти?

– Семьдесят пять... Хорошо, на эту сумму можем подобрать очень хороший букет, если вы не хотите воздушных шаров. С воздушными шарами это еще пятнадцать долларов.

– Нет, только цветы. Наверное.

– Хорошо... А какую надпись хотите на открытке?

– На открытке? – Мэгги вдруг растерялась, об открытке она не

подумала. – Э-э... м-м... Ох, господи... просто, наверное, так: «С любовью, Маргарет».

– Хорошо, дорогая. Мы отправим их отсюда рано утром на Рождество. Как вы будете платить?

– «Мастеркард».

– Можно номер вашей карточки?

– Да, но я еще хочу попросить вас делать такую же доставку на Пасху, День матери. День отца и День поминовения. Сколько это будет стоить все вместе?

Женщина удивленно спросила:

– А сколько вас не будет в городе?

Повисло молчание. Потом Мэгги сказала:

– Лет двадцать пять.

После этого разговор шел не слишком гладко, но в конце концов Мэгги удалось убедить женщину, что это не шутка, и та взяла номер кредитки, чтобы начать процесс перевода денег. Прежде чем она покинет этот мир, нужно послать чек в офис «Мастеркард», чтобы покрыть эту сумму и другие возможные траты.

Несколько минут спустя миссис Тельма Шелнат, работница «Бонтон флауэрс», вошла в комнату позади магазина и сказала мужу:

– Ты не представляешь, Отис, на какие ухищрения готовы пойти люди, лишь бы не ходить на кладбище.

Отис оторвался от статьи в «Ридерс дайджест».

– И на какие?

– Одна женщина мне тут сказки рассказывала, мол, она собирается путешествовать и потому заказывает доставку цветов к могиле родителей на двадцать пять лет вперед. Путешествовать, ага, как же. Просто ленится сходить на кладбище, если хотите знать мое мнение.

Честно говоря, родственники у Мэгги все же были, один родственник. А именно Гектор Смут, дальний кузен ее отца, проживающий в Вестерн-Мейн в большом трейлере, который они с женой.

Мертой, именовали «Валгалла»^[19]. Мэгги пыталась поддерживать с ним связь после смерти родителей из какого-то чувства долга, но всякий раз, как она звонила, Гектор так ее оскорблял, что она давно не возобновляла попыток. Однако при данных обстоятельствах посчитала, что нужно постараться закончить отношения на доброй ноте. Мэгги набрала номер:

– Гектор, это Мэгги из Бирмингема.

Он, как обычно, начал ерничать.

– Надо же, кто прорезался, наша старая милашка, медовая булочка... Как же тебе живется–может там, в деревенском захолустье?

– Хорошо, спасибо.

– Ай молодец, моя маленькая деревенская кузина. А ты до сих пор смотришь по телику шоу «Хи–хо»?

Мэгги изобразила смешок.

– Нет. В последнее время не смотрю. В наши дни телевизор лучше не включать. В общем, я просто поздороваться звоню. Жаль, что мы так давно не виделись.

– Да, и мне жаль. А что, может, переедешь из этой своей дыры к нам, а? Тут, конечно, не ахти условия, но по крайней мере вода из крана течет.

– Не сомневаюсь, что у вас очень хорошо, но...

– Слышь, Мэгги, а у вас до сих пор там в янки стреляют?

– О да. Мы вот с тобой разговариваем, а на улице все прибывает трупов. Ну ладно... Я просто звонила поздороваться.

– Я рад, что ты прорезалась, в следующий раз не жди так долго, звони почаще. Слышь?

– Хорошо. Ну, передай привет Мерте. Пока.

Мэгги повесила трубку. Бесполезно. Она подумывала оставить свою корону Мисс Алабамы, ленту и кубок Гектору с Мертой, но убедилась: не стоит.

Если в Мэгги еще осталась хоть капля пылкости, то относилась эта пылкость к Бирмингему и Алабаме. Может, она слишком тонкокожа и растеряла чувство юмора, но шутки о родном доме для нее – соль на раны.

Мэгги слышала, как некоторые говорят о своем штате, что «ждут не дождутся сменить место». Она же, уехав, с первой же минуты начала мечтать о возвращении и, если бы не Ричард, вернулась бы гораздо раньше.

Как это – родиться не в Алабаме? Что, если бы она была Мисс не Алабама, а какой-то другой штат? Остальные девушки прибыли в Атлантик–Сити на конкурс «Мисс Америка» кто на самолете, кто на машине или автобусе, она же – на частном поезде, на прекрасной «Серебряной комете», для поездки переименованной в «Мисс Алабама». Ей устроили грандиозные проводы на вокзале, с оркестром и развешенными повсюду транспарантами: УДАЧИ! И ее, в отличие от остальных конкурсанток, сопровождала целая делегация помощников, готовых исполнить любую прихоть. Она страшно удивилась, услышав, что в других штатах титул этот мало что значил. В Алабаме было по-другому. В Алабаме это был КОНКУРС КРАСОТЫ, второй после конкурса «Мисс

Америка», и победительница получала на нем самый большой в стране денежный приз и стипендию.

На конкурс она пошла ради того, чтобы выиграть стипендию на обучение в школе моделей. Она участвовала в молодежном показе мод в универмаге «Лавмэн», и работавший там друг ее матери Эндрю уговорил Мэгги попытать счастья. Мэгги вовсе не рассчитывала на победу и в тот вечер удивилась больше всех присутствующих в зале. Для такой бедной девушки, как она, победить на конкурсе красоты было невероятно важным событием. Десять тысяч долларов призовых помогли родителям приобрести первый в их жизни собственный дом. Ей подарили набор дорогих украшений и полный комплект шикарной одежды от «Лавмэн», сшитой специально для нее, и норковое манто из магазина «Меха Карлтона», – все это до сих пор у нее хранится.

Мэгги снова спустилась в кладовку и достала манто. Надела, посмотрелась в зеркало. Жаль, что норковые манто вышли из моды. Но теперь какой мех ни надень, кто–нибудь непременно оскорбится. Вот о чем еще не придется больше беспокоиться: как бы кого не обидеть. Потому–то так удобно с Брендой. Она не из обидчивых, и, если даже ляпнешь что–то случайно, не станет припоминать тебе до конца жизни. Нет, нарочно Мэгги, конечно, никого не обижала. Она не понаслышке знала, как это неприятно.

Намек

Этель была старейшим членом «Колокольцев» – хора с колокольчиками, выступавшего в городе по праздникам, и в обеденный перерыв позвала Бренду и Мэгги на генеральную репетицию новогоднего выступления. Бренда предложила поехать на ее машине, и Мэгги обрадовалась возможности прокатиться с ней. Может, попробует снова намекнуть.

Бренда и Мэгги сидели в обеденном зале, ели и наслаждались концертом. Этель была истинным виртуозом игры на колокольчиках и исполняла соло в песне «Рэндольф Красноносый олень». У всех «Колокольцев» были мигающие красные носы, и это эффектное зрелище зрители отблагодарили аплодисментами. Мэгги была рада, что посмотрела репетицию, учитывая, что сам праздник она не застанет.

По дороге на работу Мэгги, следуя плану, сказала:

– Не знаю. Бренда, заметила ты или нет, но... в последнее время я немного подавленна.

Бренда закатила глаза:

– Понятное дело, Мэгги, у тебя есть причины для депрессии. Ты же *такая* уродина. Наверное, ужасно – просыпаться и каждое утро видеть себя в зеркале. Да мне б твою внешность, я бы просто летала. Это я должна быть подавленна, а не ты. Клянусь, я дошла до того, что не могу глядеть на свое отражение.

– Почему?

– Да потому что похожа на жирный пончик в парике, вот почему!

– Ты что! Бренда, как ты можешь говорить про себя такие ужасные вещи!

– Потому что это правда. Я уродина.

– Ничего подобного! Ты симпатяга. То и дело слышу: «Где наша милая Бренда?»

– Кто спрашивает?

– Все. Все считают тебя невероятно симпатичной.

– Правда?

– Да, глупышка, так что прекрати себя обзывать.

Бренда, казалось, на секунду обрадовалась, но тут же спросила:

– А что во мне такого симпатичного?

– Да много чего... Характер твой, улыбка. У тебя великолепные зубы.

Бренда посмотрела на нее:

– Зубы?

– Да. И очень красивая улыбка.

– Ой, вранье. Теперь ясно: все ты выдумываешь. Зубы у меня кривые, а между передними щель.

– Чушь. У тебя славное, открытое лицо и прекрасное чувство юмора. Все это говорят.

– Правда?

– Да. Хейзел всегда ведь повторяла, что у тебя мордашка на миллион долларов.

– Неужто?

– Да ты сама тысячу раз слышала.

– Господи, как мне не хватает Хейзел.

Они немного проехали молча, потом Бренда спросила:

– А меня не считают слишком мужеподобной?

– Что? Бренда, человек, который носит пятьдесят четвертый размер, не может выглядеть мужеподобным. Почему ты об этом спрашиваешь?

– Ну не знаю... Просто беспокоюсь. С тех пор как располнела, я, по моему, стала похожа на мужика.

– Не говори глупостей. Опра Уинфри похожа на мужика, скажи?

– Она сейчас худышка.

– А раньше, когда была толстушкой?

– Нет.

– Ну вот видишь.

Они еще помолчали, потом Мэгги спросила:

– Как у тебя дела с «Анонимными обжорами»? Еще посещаешь группу?

– Да, мне нравится туда ходить. Вот не есть – не нравится. – Она тяжело вздохнула. – Если я тебе кое-что скажу, клянешься не говорить Робби?

– Конечно.

– Я так злюсь на себя, что готова орать от ярости.

– За что?

– Я снова нарушила. Пончики.

– Ой... Ну, милая, постарайся забыть и жить дальше. Что нам еще остается.

– Ты права. Что еще остается. – Бренда улыбнулась, повернула зеркало заднего вида и посмотрела на свое отражение. – Ты правда считаешь, что у меня красивые зубы?

– Да.

Бренда еще разок улыбнулась. – Знаешь, Мэгги, как поговорю с тобой, так сразу легче становится.

Ох. Нет, момент явно неподходящий. Придется отложить намеки до другого раза.

Что волнует Бренду

На последней встрече «Анонимных обжор» руководитель сказала:

– Проблема не в том, что вы едите, а в том, что ест вас!

В отличие от остальных членов группы. Бренда прекрасно знала, что ее ест много лет подряд.

В те дни, когда Хейзел взяла ее к себе на работу, чернокожий агент в фирме, где все белые, был в диковинку. Впрочем, Бренде подобная ситуация была хорошо знакома. Но из года в год и изо дня в день сталкиваясь с «расовыми проблемами», она вдруг почувствовала, что устала. Устала от того, что все ходят вокруг да около, умалчивая о том, что думают на самом деле, и сама она не лучше. Приходится постоянно быть настороже, чтобы среди своих не вести себя «слишком по-белому», а среди белых – «слишком по-черному».

Во времена ее родителей расовый вопрос был большой проблемой, вопиющее нарушение прав человека бросалось в глаза на каждом углу: для черных и отдельные районы, и отдельные фонтанчики с питьевой водой, и школы, и туалеты. Но сейчас все свелось к едва заметным оттенкам в отношении, и вот это страшно утомляло. Она постоянно чувствовала, как рядом с ней белые точно по яичной скорлупе ходят, боясь оскорбить ненароком. Вели бы себя нормально, так нет же. Когда она училась в колледже на севере страны, ей были неприятны раболепные заигрывания преподавателей.

Хоть на денек взять бы выходной от этой расовой принадлежности. Но нет, раса всегда при ней. В последнее время средства массовой информации то и дело натравливают одну сторону на другую, и кончится это не скоро. У всех, похоже, с расовым вопросом связана своя программа действий. Одни стараются возбудить к этому интерес окружающих, другие притворяются безразличными.

Вот за что она любила Мэгги. Та вообще не думала об этом, она была одинаково со всеми мила. Порою слишком мила и слишком доверчива. Однажды шесть недель возила по всему городу некую пожилую особу, показывая ей дома в радиусе двадцати миль, чтобы в конце концов выяснить, что старушке просто одиноко и она любит покататься на машине. По словам Этель, если бы старушка не померла, Мэгги катала бы ее по сей день. Да наверняка. Мэгги ухаживала за родителями много лет подряд, а когда их пришлось все же поместить в приют, моталась к ним

дважды в день, семь дней в неделю, и ни слова жалобы.

Бренда восхищалась Мэгги, но для нее самой жизнь была бессмысленной, если она не могла всласть пожаловаться на домашних. Еще Мэгги совершала добрые дела и никому о них не рассказывала. Бренда же, стоило ей сделать что-то хорошее, бросалась трезвонить о том всем и каждому. Наверное, поэтому она так увлеклась политикой и собирается баллотироваться в мэры города. Политик *обязан* трубить о том, какой он хороший. Иначе—то как голоса наберешь.

Единственный человек в колледже, который *на самом деле* ее любил, — это ее преподаватель английского языка на первом курсе. Работая вместе над проектом, они влюбились друг в друга, завязался роман, но закончился он плохо, и она осталась с разбитым сердцем. Теперь ее может завоевать только крайне необычный человек. Она несколько раз пыталась влюбиться, но тщетно. К тому же вовремя сообразила, что если хочет стать мэром, то лучше оставаться незамужней. Насколько она поняла, мужья чаще бывают помехой, нежели помощниками. Она прекрасно обойдется и без роли жены. Даже Этель говорит, что уж лучше кошку завести, чем мужа. «Кошка хоть в чистоте себя содержит и своими делами занимается, а не висит у тебя над душой».

Репетиция

В тот день Мэгги собралась на реку – проверить, все ли в порядке, чтобы в последнюю минуту третьего числа не произошло никаких неожиданностей. Она хотела убедиться, что по пути не ведется никаких дорожных работ, не будет никаких объездов и прочего. Она предусмотрительно надела темные очки и шарф, дабы никто не запомнил ее. Лучше бы, конечно, для таких дел иметь менее известную в городе физиономию. После смерти Хейзел она часто выступала в передаче «С добрым утром, Алабама», предлагая выгодные условия людям, желающим продать дом. И теперь молодежь, которая не знала ее как бывшую Мисс Алабаму, узнавала ее как Риелтора из телевизора. Вот она, ирония судьбы: поначалу жаждешь известности, а в конце эта известность выходит тебе боком.

К счастью, Мэгги точно знала, куда ехать. Именно сюда папа ездил рыбачить, и, насколько она помнит, это идеальное место для намеченной цели. Она вела машину и поглядывала в лежащий на пассажирском сиденье листок.

ЧТО ВЗЯТЬ С СОБОЙ НА РЕКУ

1. Груз на лодыжки
2. Клей
3. Лодку и весло
4. Инструкцию к лодке
5. Очки для чтения
6. Дешевые наручные часы

У нее было с собой все, кроме часов. Прыгать в воду в дорогих часах она не собиралась, однако нужно было засечь время, чтобы клей схватился. На следующей неделе пойдет в универмаг и купит «Тимекс», а утром третьего положит свои хорошие часы в конверт для Люп, уборщицы, вместе с платой за неделю. Она хотела хорошо попрощаться с Люп (что весьма затруднительно, когда ты не знаешь гватемальского языка), но решила, что золотые часы заменят слова благодарности на любом наречии.

Она адресовала письмо «Тому, кого это может касаться», а не Люп именно потому, что Люп не читает и не говорит по-английски, но ей так всегда хочется вас порадовать. С чем бы к ней ни обращались, она всегда

отвечала: «Да» – единственное знакомое ей слово. К сожалению, домработница из нее не ахти. Переколотила почти всю посуду, и кончилось тем, что Мэгги в основном делала всю уборку сама, но Люп была такой милой, что Мэгги не хватало духу ее уволить.

Мэгги много лет не ездила этой дорогой и удивилась, увидев, что вокруг повыврасталось много типовых построек фирмы «Дома Джима Уолтера», но в остальном район почти не изменился. На крышах немногочисленных амбаров до сих пор виднелись выцветшие надписи: ПОСМОТРИТЕ НА РОК–СИТИ. Она ехала уже добрых полчаса, и наконец, через десять минут после старого лагеря рыболовов Рейфорда, свернула на искомую, красноватого цвета, просеку и медленно повела машину к просвету среди деревьев. С шоссе место это было совершенно не заметно. Мэгги вылезла из машины и переобулась. Тропинка, ведущая к реке, хоть и заросла травой, все же просматривалась. Шла она минуты три – дольше, чем ей помнилось. Хорошо, что эта часть реки осталась такой же заброшенной и безлюдной, как прежде, и несколько пивных банок, валяющихся на берегу, были древними и ржавыми. Вряд ли кто-то в наши дни пьет «Шлиц» или «Пабст Блю Рибон».

Мэгги поняла, что придется сделать две ходки от машины – за грузом для ног, а потом за лодкой. Сегодня она просто проверит все и осмотрится. А в следующий приезд спрячет реквизит в кустах.

Придумать план было довольно трудно, но организовать материально–техническое обеспечение оказалось, как ни странно, еще труднее. Третьего ноября она не могла просто приехать к реке и бросить машину на произвол судьбы, ведь Мэгги несла за нее ответственность перед фирмой, не дай бог кто-то ее попортит или украдет. Записку оставить с указанием, где машина, тоже нельзя, тогда наверняка начнут искать тело, а вот этого Мэгги как раз хотела избежать. Автобусы сюда не ходят, пешком не добраться. В общем, выход только один – взять такси, хотя последний раз, когда она вызывала такси, машина опоздала на час. Придется надеяться на лучшее.

Но и это еще не все, теперь нужно решить, куда звонить – в «Городское такси», «Желтое такси» или «Такси для ветеранов»? Звонить надо из телефона–автомата, чтобы звонок не отобразился на ее телефонных счетах. Итак, закажет такси за несколько дней, назовется фальшивым именем и сядет в машину в квартале от дома. Подумав, Мэгги сообразила, что безопасней вызвать какого–нибудь частного таксиста, такие возят пассажиров на собственных машинах. Обычную машину никто не запомнит. Как все сложно. Каждую мелочь приходится учитывать.

Вернувшись домой, Мэгги просмотрела почту. Сплошная реклама и

очередная листовка Общества пенсионеров «Уиллоу лэйкс», но, прежде чем выбросить листовку, она скользнула по ней взглядом и обрадовалась. Большими буквами поверху шла надпись: ОДНИ СПОЛЗАЮТ В ПЕНСИОННЫЙ ВОЗРАСТ, ДРУГИЕ ПРЫГАЮТ В НЕГО. Если это не знак небес, что она поступает верно, то что же тогда считать знаком.

Расправляясь перед телевизором с очередным готовым обедом из морозилки, она поняла, что нет надобности покупать часы. Она просто возьмет свой таймер в виде куриного яйца с петушиной головой. Несколько часов до вечера она потратила на упаковку вещей для театра и Армии спасения, и только закончив свои труды, вдруг сообразила, что на реку же нужно одеться во что-то приличное. Ройся, значит, в мешках по новой. В конце концов она выудила красивый бирюзовый костюм и положила его рядом с таймером-петухом.

В два часа ночи Мэгги вдруг села в кровати. Ну надо же! О чем она думает! Прыгать в реку в дорогом костюме! Жители Алабамы серьезно подходят к рыбалке. Они не пойдут ловить рыбу в сшитом на заказ наряде, и если ее кто-нибудь заметит, непременно заподозрит неладное. Надо быть осмотрительней. Чтобы сбить со следа, требуется маскировочный костюм. После часа изнурительных раздумий Мэгги посетила просто блестящая идея. Как все-таки хорошо, что она в свое время столько смотрела шоу «Английская мистерия Агаты Кристи».

Наутро перед работой она пробежалась по спортивным магазинам в поисках подходящей мужской футболки или фуфайки. В «Мире спортсмена» ей повезло. Там была целая россыпь футболок рыболовной тематики:

РЫБАЧУ ПО ЖЕЛАНИЮ,
РАБОТАЮ ПО НЕОБХОДИМОСТИ
РЕАЛЬНЫЕ ПАЦАНЫ ЕДЯТ ФОРЕЛЬ
ДЕВЧОНКИ МЕНЯ ГОНЯТ,
ЗАТО РЫБА БОИТСЯ
ПОЦЕЛУЙ МЕНЯ В СЕЛЕДКУ

Мэгги не знала, какую выбрать, и ходила между рядами, пока на последней вешалке не наткнулась на нужную одежду. Настолько кричащую, настолько безвкусную, что ни один знакомый не заподозрит, что она позволит себе умереть в футболке с надписью:

РЫБАКИ ЭТО ДЕЛАЮТ

БОЛЬШОЙ ПАЛКОЙ

Она взяла размер XXL. Теперь надо умудриться заплатить за нее так, чтобы никто не заметил, но Мэгги и тут нашла выход: сунула футболку между футболками ЖЕНЩИНЫ ТОЖЕ РЫБАЧАТ, СМИРИСЬ. Девушка на кассе рассматривать ничего не стала. Мэгги пришлось признать, что бывают моменты, когда хочется, чтобы деньги принимал автомат, а не человек. На полпути к выходу до нее вдруг еще кое-что дошло. Во что, интересно, она обуется? Не в городские же туфли. Может, купить пару дешевых шлепок? Нет, там камней полно, поскользнешься, пока спускаться будешь. Она развернулась и направилась в глубь магазина. Купит большие мужские ботинки, вот как она поступит. Отличная маскировка, любого следопыта собьет, коли обнаружат ее следы.

Вот, оказывается, какая она мудрая, просто удивительно, как она раньше этого за собой не замечала. Впрочем, детективные истории про Нэнси Дрю ей всегда нравились. Теперь, конечно, поздно, но, может, ей стоило выбрать профессию детектива? Она бы стала неплохим специалистом, не требуя эта работа бумажной волокиты.

Красавица и чудовище

На работу Мэгги пришла в приподнятом настроении, но Этель ее быстро привела в чувство, сообщив:

– Звонило Чудовище, сказало, что собирается прийти к тебе в одиннадцать. Поздравляю с Хэллоуином.

– Что? Ко мне?

– Да. Везет же некоторым.

Мэгги взвыла:

– О нет!

Кого-кого, а Бебс ей сейчас меньше всего хотелось видеть, но она знала, что Бебс несколько дней назад показывала ее дом в Эйвон-Террас, и, возможно, везет предложение на такой же, как у Мэгги, двухуровневый дом, что хорошо, поскольку им перепадут комиссионные. Плохо то, что Бренда улизнала на очередной политический митинг, значит, Мэгги предстоит общаться с Бебс один на один. А Бебс будет насмерть биться за каждый шиллинг.

Ровно в одиннадцать явилась Бебс и, как всегда опуская все положенные правилами хорошего тона «здравствуйте» и «как поживаете», плюхнулась на стул, вытащила бумаги и шваркнула их на стол:

– Это хорошее предложение, никаких расходов и неожиданностей.

Мэгги просмотрела документы. Бебс права, предложение хорошее. Но, прочитав имена покупателей, Мэгги сообразила, что это та самая супружеская пара, которой Дотти показывала этот самый дом несколько недель назад. У Бебс была отвратительная привычка воровать клиентов, не назначая комиссионных, и она явно снова намерена это проделать. Ох, как же не хочется вступать с ней в препирательство, но придется. И Мэгги спросила насколько возможно вежливо:

– Они не только ваши клиенты? Были у них другие агенты?

Бебс, глядя ей прямо в глаза, не моргнув ответила:

– Нет.

– Хм. А как же... Дотти Фигг?

– А что с ней?

– Разве это не ее клиенты?

– Нет.

– Ну что ж, не знаю, говорили они вам нет, но она показывала им этот дом по меньшей мере два или три раза.

– И что?

– Она потратила на них много времени и, вероятно, рассчитывает на комиссионные.

– Это не моя проблема, милочка.

– Я понимаю, но справедливости ради, Бебс, она ведь первая предложила им этот дом.

– И что теперь?

– Может, вы найдете возможность выделить ей хотя бы два процента?

Бебс смотрела прямо на нее:

– Ты что, милочка, будешь меня учить, как вести дела?

– Нет, конечно, я просто подумала...

– Слушай, мне некогда. Не хочешь оформлять – не надо, пойду прямиком к хозяевам и скажу, что их агент пытается препятствовать продаже.

– Я не препятствую продаже, Бебс. Я просто считаю, что это неправильно – совсем ее вычеркивать.

– Почему? Это не твоего ума дело. Свои комиссионные вы получите.

– Я понимаю, но вы ставите меня в очень неловкое положение. Дотти моя подруга, мы вместе были на конкурсе «Мисс Алабама» и...

Бебс взорвалась:

– Ой, да брось! Дотти Фигг идиотка, и все эти рассюсюкивания с дурацким конкурсом красоты никого не трогают! Проснись и пой, милочка, мир давно ушел вперед. Проводишь сделку или нет?

Потеряв дар речи, Мэгги молча смотрела на Бебс. Та помахала ладонью перед ее носом и грубо сказала:

– Эй, Мисс Алабама, кто-нибудь дома? Мне некогда. Да или нет?

Внезапно Мэгги почувствовала, как внутри медленно поднимается что-то горячее, как горят щеки. Потом она услышала, как незнакомый голос произносит:

– Про меня можешь говорить что заблагорассудится, но еще одно слово про конкурс, и я... оторву тебе голову!

В этот момент Мэгги заметила, что показывает Бебс кулак. Наваждение какое-то. Что это было? Она в жизни кулак не показывала. Бебс смотрела на нее, словно впервые видела.

– Психопатка.

Она сгребла документы и вышла, хлопнув дверью.

Мэгги сидела с горящим лицом, потрясенная тем, что накричала на человека. Неужели она в самом деле сказала «Оторву тебе голову»? Позорище. Она никогда в жизни ничего подобного не произносила. Откуда

это вообще взялось? Из ка-кого-то дешевого вестерна, которых она насмотрелась в детстве, наверное.

Тут в дверь просунулась голова Этель:

– Что за шум? Мадам Чудовище выскочила за дверь как ошпаренная. В чем дело?

Мэгги подняла глаза и сказала:

– Не знаю.

Она в самом деле не знала, что на нее нашло. Может, все оттого, что Бебс назвала Дотти идиоткой? Или эта снисходительная «милочка» ее так зацепила? Или презрительное «Мисс Алабама»? Вот теперь она забеспокоилась по-настоящему. Она потрясала кулаком, и Бебс вполне может написать в полицию жалобу, что Мэгги угрожала ей физической расправой, и это будет правда. Боже! Только заявления в полицию ей не хватало. Теперь придется звонить Бебс извиняться, чтобы в тюрьму не угодить. Ох, и зачем только она пообещала Бренде пойти на крутящихся дервишей? Прыгни она в реку когда задумывала, ничего этого не случилось бы. Господи, что еще ее ждет?

Спустя кошмарный час Бебс наконец ответила по рабочему телефону:

– Да!

– Бебс, это вы?

– Кто это? – рывкнула она, как всегда ласково.

– Это Мэгги.

Долгое молчание, потом еще более холодным тоном, если это вообще возможно:

– Что?

– Бебс, мне очень жаль, что я так разговаривала. Примите, пожалуйста, мои извинения. Могу в свое оправдание сказать только, что в последнее время я находилась в таком стрессе...

– Избавь меня от деталей. Вы принимаете предложение или нет?

– Да, конечно.

Повесив трубку, Мэгги решила просто отдать Дотти комиссионные и сказать, что это от Бебс.

Забравшись в постель, Мэгги подумала: хорошо, что удалось уладить конфликт с Бебс, и хорошо, что она не переехала ее тогда, на перекрестке. Она уже закрыла глаза, когда ее посетила еще одна мысль. С другой стороны, раз она собирается покинуть этот мир, она же вполне может в эти несколько оставшихся дней «случайно» задавить Бебс Бингингтон. Это не будет убийством. Это будет, наоборот, благим делом. Она просто окажет небольшую услугу всем прочим агентам по продаже недвижимости в

городе – своего рода прощальный подарок. И, как говорит Бренда, полиция, вероятно, никогда не найдет виновного, а если и найдет, ее к тому времени давно уже не будет на этом свете. Да, надо обдумать. Ах, какое же наслаждение лежать и представлять, что можно сделать, если нет надобности в будущем мучиться угрызениями совести. Безграничная свобода, бесконечные возможности. Мэгги вдруг почувствовала такую бесшабашность! Это не входило в ее планы. Кто знал, что прыжок в реку так подстегнет ее мысли.

Этель сердится

В отличие от Мэгги, которую вечно мучила бессонница, Этель заснуть могла. Но не стала. Она была слишком сердита, чтобы спать, и сидела, переключаясь с канала на канал и потягивая бурбон. Какая наглость – припереться в офис и расстроить Мэгги. Мэгги слишком интеллигентна, чтобы выслушивать всякие мерзости, и тем паче от Бебс Бинггтон.

Но таков теперь мир. На хорошие манеры все плюют. Никакого уважения друг к другу благодаря этим умникам комедиантам, которые издеваются над всем и вся. Никакого страха.

Никакого больше благородства по телевидению. Дрянные реалити-шоу, и между ними, как сыр в сэндвиче, реклама таблеток для повышения потенции и улучшения работы мочевого пузыря. Когда-то все функции человеческого организма были темой приватной, а теперь – пожалуйста, говори вслух о чем пожелаешь. Это никого уже не смутит. Стыда вообще не осталось. Сегодня политика уличают в сексуальном насилии, а завтра он на параде – улыбается народу и машет ручкой, словно ничего не случилось. Она на секунду задержалась на сериале «Секс в большом городе», но тут же в ужасе переключила обратно на «Фокс ньюс».

А где, скажите на милость, шоу «Конкурс Пилсбури на лучший пирог», сериал «Станция Юбочкино» и шоу Кэрол Бернет? До чего смешная девчушка была. А теперь они соревнуются, кто кого грубей. Какие там еще высокие моральные принципы?! Зачем? Это не приветствуется. Наоборот, им нужно всех в сточную канаву макнуть. Никто не застрахован. Даже имя бедняжки Элизабет, королевы английской, измарали в бульварных газетенках. Да, у нее есть определенные проблемы с детьми, а у кого их нет? У Этель тоже внучка заявила домой с татуировкой на заднице.

Мэгги – единственный человек, обладающий подлинно высокими моральными качествами. Вот дьявол, а!

– Где же времена, когда люди вели себя как леди и джентльмены? – обратилась Этель к кошкам.

У кошек не было ответа на этот вопрос.

А в голову все лезли раздражающие мысли. Почему теперь в общественных туалетах нет на стенках крючков? Куда прикажете женщинам девать сумочки? На грязный пол ставить? И почему в машинах не предусмотрено место, куда женщина клала бы сумку? И почему повсюду

стало так шумно? Машины, автобусы, мотоциклы, самолеты, агрегаты чудовищные, сдувающие листву, и чья была гениальная идея, что грузовики повсюду в Америке, день на дворе или ночь, давая задний ход, нажимают на эти ужасные гудки? Особенно мусоровозы. Раньше она любила ходить по магазинам, но в последнее время шопинг превратился в сущее мучение: в каждом магазине на тебя из динамиков во всю мощь обрушивается музыка. Она помнит времена, когда музыка была успокаивающая, приятная для слуха. Нынче певцы фальшиво орут со всей мочи или бормочут рэп, где ни мелодии, ни смысла. Мальчишки разъезжают по городу, а из окон их машин громыкает эта дребедень, да так, что Этель чуть с тротуара не сносит. Бренда обещает, что, если станет мэром, выпустит закон, запрещающий включать музыку на полную громкость, когда окна твоей машины открыты. Этель уже отдала свой голос Бренде – за один только этот пункт программы.

Все же она надеялась, что Бренда не бросит работу до того, как Мэгги уйдет на пенсию. Она беспокоилась за Мэгги: куда ей тягаться с Бебс Бингингтон. В этом мире, где человек человеку волк, хорошие люди всегда приходят последними. Вон чего эта Бебс сделала с Хейзел.

Что сделала Бебс

Через полгода после открытия своего офиса Бебс Бингингтон узнала, что агентство «Красная гора» получает большой контракт от новой страховой компании, которая переезжает в город. Такой контракт мог возродить или прикончить любую фирму. Переселить целую компанию из Филадельфии означало найти жилье для сотен человек, и она не позволит какой-то захудалой конторе с коротышкой во главе и чокнутыми агентами выдвинуть ее из бизнеса. Она помчалась в Филадельфию и, позвонив директору страховой компании, объяснила секретарю, что является представителем Бирмингемского правления риелторов и что для их компании это вопрос жизненно важный. Когда секретарь передал ему сообщение, директор решил, что это очередная встреча с общественностью. Гостеприимный город Бирмингем уже вконец замучил его восторженными приветствиями, но он хотел сохранить со всеми хорошие отношения, и на следующее утро Бебс проводили в кабинет директора.

Старательно имитируя южный акцент, она проворковала:

– Ой, мистер Джексон, спасибо, что согласились встретиться. Не представляете, как мне это тяжело, я просто вся изнервничалась, но... мы все... мы так рады, так горды, что ваша компания переезжает в Бирмингем, и страшно боимся, как бы чего не вышло непредвиденного.

Мистер Джексон внезапно проявил интерес:

– Да?

– Боюсь, фирма по торговле недвижимостью, которую вы наняли...
Разговор конфиденциальный, не возражаете?

– Разумеется.

– Мы считаем, что вы должны знать: агентство «Красная гора» – не те, с кем вам нужно иметь дело в данный момент.

– Правда? Почему же?

Бебс скривилась, как от боли.

– Понимаете, мистер Джексон... Меня как члена совета агентств по торговле недвижимостью выбрали, чтобы предупредить вас, что федеральное большое жюри со дня на день привлечет Хейзел Уизенкнот за присвоение чужого имущества и мошенничество, и когда это случится... ну, мы решили, что вы захотите подумать о возможных последствиях для вашей компании. Я знаю, насколько важна для вас репутация.

Бекс полезла в сумочку, достала кружевной платочек и пару раз моргнула в попытке изобразить растерянность и испуг.

– О, так неприятно, что именно мне выпало сообщить вам, но мы, все жители Бирмингема, очень беспокоимся о вашем добром имени. Мы бы просто умерли, коли что-то пойдет не так. Вообще-то я посчитала бы за честь лично заняться вашим делом... и взять всего пять процентов, оказать вам такую любезность. Вот как высоко мы ценим вашу компанию, мистер Джексон. – Она толкнула к нему через стол визитку. – Разумеется, решение зависит от вас. Поступайте как считаете нужным, но теперь, по крайней мере, вы владеете всей информацией.

Бекс удалилась, а мистер Джексон задумался над ее словами. Ему понравилась та маленькая женщина из другого агентства, но и эта права. Даже если обвинение снимут, ее будет судить гражданский суд. А он окажется посреди заварухи. Нет, в новом городе нельзя начинать со скандала. Так зачем рисковать? Он попросит кого-нибудь позвонить и сказать, что они передумали.

Он взял визитную карточку Бекс. Да, нелегко ей было решиться на этот шаг – прилететь в такую даль, чтобы его предупредить. Да и этот один лишний процент в его пользу тоже весьма кстати.

Бекс была великолепной актрисой. А поскольку имела дело в основном с мужчинами (их-то, как известно, легко одурачить женщине, умеющей плакать по заказу), в большинстве случаев трюк удавался.

Хейзел, которая думала про людей только лучшее, не могла понять, почему ее компания по количеству контрактов вдруг стала стремительно проигрывать Бекс. Но Хейзел сказала только: «Что ж, снимаю перед ней шляпу, она чертовски хороший продавец».

Первым делом в пятницу утром Мэгги пришлось ехать в центр города в главный офис Алабамского банка, чтобы закрыть счет и снять те немногие деньги, что там оставались. Она надеялась, что внезапное закрытие счета не вызовет подозрений. Проезжая мимо пустыря, где прежде стоял театр «Мельба», она заметила большой белый знак:

СНЕСЕНО ВО ИМЯ ПРОГРЕССА

Кружа по кварталу в поисках места для парковки, она снова и снова натыкалась на этот знак. Гадкий, ненавистный. Слишком часто он появлялся вместо любимых зданий. В конце шестидесятых люди стали переселяться из центра на окраины. Медленно, один за другим, закрывались огромные универсамы, пока не остались от них одни картонные имитации, стыдливо прикрывающие от глаз уродливые пустыри. Канули в вечность сверкающие серебром эскалаторы, ведущие на восьмые и девятые этажи, где торговали красивой одеждой, и на вторые этажи с чайными комнатами, где маленькие сэндвичи с куриным салатом, огурцом и легким сыром подавались на мягчайшем, испеченном с утра белом хлебе. Исчезло очарование центральной части города, здесь больше не погуляешь вечерами, глаза на витрины, особенно украшенные к Рождеству. К семидесятым даже Санта переехал в пригород.

Для Мэгги это было все равно что смотреть, как умирает старый друг. Закрывались чудные места, знакомые ей с детства. Элегантные здания с невероятной красоты фасадами стояли брошенные и безлюдные. Осталась от них пустая оболочка с заколоченными окнами, и серебряные блески в асфальте покрыла грязь и глубоко въевшаяся угольная пыль. «Упадок городов» – так это называлось. «Такое творится повсюду», – говорили ей. Но когда разрушили прекрасный старинный вокзал в центре города и сняли огромный неоновый знак ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В БИРМИНГЕМ, ее сердце было разбито. Она так любила этот вокзал с большим куполом, любила волнение и суету, сопутствующие приезду и отъезду. Это отсюда, с 19-й платформы, она уезжала в Нью-Йорк, чтобы стать знаменитой. И здесь в последний раз видела Чарльза.

После того как Мэгги шестнадцать раз объехала вокруг квартала, освободилось два места и она смогла припарковать машину. Через двадцать

минут, когда она почти закончила с делами и собиралась уходить, кассир, видимо, нажал на кнопку, потому что к ней подошел взволнованный менеджер.

– Мисс Фортенбери, вы недовольны нашим обслуживанием? Нам очень жаль терять такого клиента. Мы можем что-нибудь сделать?

– Ой, нет, мне все очень нравится. Я просто переезжаю.

– Понятно. Что ж, мы будем более чем рады открыть вам электронный счет.

Господи помилуй. Думай быстро.

– Спасибо вам огромное, но я как-то не в ладах с компьютерами. Уверяю вас, ничего личного.

Она практически бегом покинула банк. Но она ведь не солгала. Она *в самом деле* переезжала и действительно совершенно не представляла, как пользоваться электронным счетом.

Мэгги покончила с утренними заботами, а на работе ей раньше одиннадцати делать было нечего. Надо постараться как можно меньше дел оставить на выходные. Вернувшись домой, она села и написала новый список.

НУЖНО СДЕЛАТЬ:

1. Заплатить за газ, электричество, воду, «Мастеркард»
2. Намекнуть Бренде
3. Второго числа позвонить Армии спасения, чтобы забрали вещи
4. Вызвать такси на утро третьего
5. Позвонить и отменить все записи к врачам (ура!)

Ее врач как раз недавно звонил и сообщил, что он настоятельно рекомендует всем своим пациентам старше пятидесяти пяти пройти колоноскопию. Еще одна вещь, которую она с удовольствием пропустит.

Совершив все звонки, Мэгги взялась за медицинский шкафчик, который надо было вычистить, и снова вспомнила о «Гребешке». По дороге из банка она, конечно же, сделала крюк и проехала мимо него, наверное, чтобы лишний раз себя помучить. Глупо, конечно. Вешая свежие полотенца в гостевую ванную комнату, она уверила себя, что беспокоится понапрасну. Миссис Далтон никогда не продаст «Гребешок». Надо упаковать еще белье из шкафа. Да нет же, совершенно не о чем волноваться. И все же... Даже малейшая вероятность, что «Гребешок» попадет в лапы Бебс Бингингтон, приводила ее в ужас. Бебс нельзя верить ни на йоту. В прошлом эта женщина каким-то образом ухитрилась изменить районное зонирование.

Теперь в некогда красивых жилых кварталах торчат закусочные типа «Пучеглазые цыплята» или «Чертик в коробочке» прямо по соседству с прекрасными домами. Кто знает, вдруг Бебс превратит «Гребешок» в стоматологическую клинику. Боже мой, он может окончить свои дни как дом доктора Живаго, и в его комнатах будут шнырять чужие люди. Возьмут еще повырубят сад, чтобы устроить автостоянку. Чем больше Мэгги об этом думала, тем сильнее злилась. ЧЕРТ БЫ ЕЕ ПОБРАЛ! Следовало задавить эту скотину, когда был шанс. Ну вот, поглядите, она уже сквернословит. А ведь клялась, что с ней такого никогда не случится.

Мэгги упаковала покрывала, простыни и полотенца и запихнула в стиральную машину резиновый коврик из ванной, но, как ни старалась, не могла выбросить «Гребешок» из головы. Она не хотела покидать сей мир, не убедившись, что это всего-навсего слухи. Надо хотя бы *попытаться* вызнать, правда ли это.

Расставляя ловушки для муравьев под раковиной, она крутила эту мысль и так и сяк. Хейзел советовала использовать любое преимущество, и в этом смысле небольшое преимущество у нее было: она знала нью-йоркского адвоката, который ведет дела семьи Далтон. Она ведь может позвонить ему. Просто спросить. Выяснить раз и навсегда, а потом со спокойной душой прыгнуть в реку. Это, конечно, не слишком этично, даже, пожалуй, весьма грубо и бесцеремонно. В любом другом случае ей бы такое и в голову не пришло. Но если вдруг это правда, можно, по крайней мере, попытаться раздобыть этот контракт для Бренды. Передать невозможно, как им нужны контракты, и при сложившихся обстоятельствах она хоть что-то должна для них сделать, правда? Мэгги взглянула на часы. На один телефонный звонок время еще есть. Итак, она собрала в кулак все имевшееся в наличии мужество и позвонила в справочную. Затем набрала нужный номер, и секретарша соединила ее с Дэвидом Клейборном, братом Пеки и мужем Мици, ее подруг в юные годы.

— Здравствуй, Дэвид. Это Маргарет Фортен-бери из Бирмингема. Помнишь меня? Я когда-то дружила с твоей сестрой Пеки.

Мужчина на другом конце провода воскликнул:

— Ого! Конечно, я тебя помню. Бог ты мой, как поживаешь, Мэгги?

— Хорошо, спасибо.

— С ума сойти! Маргарет Фортенбери. Последний раз я тебя видел на выпускном балу Пеки.

— Как у нее дела?

— Отлично, они с Баком еще в Новой Зеландии.

— Я слышала. А Мици как?

Он засмеялся:

– Такая же, как всегда, ждет не дождется, чтобы я вышел на пенсию и мы бы вернулись домой. Ой, боже ж ты мой, как я рад тебя слышать. Чем обязан такому удовольствию?

– Мне так неловко тебя беспокоить. Знаю, как ты занят, но до меня дошел слух, что миссис Далтон собралась продать «Гребешок», вот я и подумала, может, ты знаешь, правда это или нет.

– Вообще-то, я ничего не слышал, этим другой отдел занимается, но могу для тебя выяснить. Ты что, хочешь купить этот старинный дом?

Мэгги подмывало соврать: да, но она не стала.

– Хорошо бы, конечно, Дэвид, но нет. Но звоню я от лица агентства «Красная гора». Если дом выставляется на продажу, мне было бы просто любопытно, не связалась ли еще хозяйка с каким-нибудь агентом.

– А-а, ясно, хорошо. Подождешь минутку? Может, я застану кого-нибудь этажом ниже. Не вешай трубку.

Мэгги чувствовала, как лицо заливает краска, оттого что она звонит человеку, которого полжизни не видела, и бессовестным образом выуживает у него закрытую информацию. Но это была ее единственная надежда. Спустя несколько минут Дэвид спросил:

– Мэгги, ты еще тут?

– Да.

– Прости, что заставил ждать. Алекс говорит – да, через несколько недель его выставят на торги, и агента зовут Бебс Бингинг... что-то в этом роде. Ты знаешь, кто это такая?

Сердце у Мэгги упало. Она опоздала. Чудовище уже схватило добычу. Помолчав, Мэгги сказала:

– О да. Гм... Что ж, все равно спасибо тебе, Дэвид. Была очень рада поговорить.

– Да, я тоже был очень рад.

Мэгги быстро дала отбой, чтобы не разрыдаться в трубку. Надо было догадаться, что ей не суждено покинуть этот мир, прежде чем Бебс Бингингтон не нанесет ей удар и не направит в нокаут еще раз. И хуже всего то, что виновата она сама. Она потеряла связь с друзьями «с горы» и много месяцев не играла в бридж в клубе. Держала бы она ушки на макушки, а не жалела себя, как законченная эгоистка, – узнала бы раньше. А теперь поздно. Ох и ужасно же чувствовала себя Мэгги, хуже не придумаешь.

Положив трубку, Дэвид улыбнулся. Конечно, он помнит Мэгги. А вот она, вероятно, забыла, что благодаря Пеки он попал на конкурс красоты в

тот вечер, когда Мэгги вручили корону Мисс Алабамы. Разве кто забудет, как эта красавица сидела в перекрестье прожекторов в белом платье и играла на арфе, с буйной копной волос, зачесанных на одну сторону. Да бог с вами! Ни один представитель мужского пола штата Алабама, видевший ее в тот вечер, вовек не забудет Мисс Алабаму. Она не пыталась выглядеть сексуальной. Она просто была. Такая сильная, такая серьезная, а что она творила с этой чертовой арфой! Боже всемогущий. Помнит ли он ее? О да, он ее помнит! Как она жила все это время, интересно? Почему так и не вышла замуж? Он знал, что его друг Чарльз предлагал ей руку и сердце, но она по какой-то причине предложение отклонила. Едва он и его друзья узнали об этом, все тут же захотели немедленно бежать к ней и звать замуж, но Чарльз был его другом, а с друзьями так не поступают. Дэвид знал, что она жила в Нью-Йорке, потом в Далласе, но почему переехала в Бирмингем – не знал. Мэгги была загадкой. Все считали, что она станет известной или, по крайней мере, выйдет замуж за человека известного. Интересно, что же случилось.

Дэвид также знал, что Чарльз отступился от Мэгги, женился на девушке, с которой познакомился в Европе, и перебрался жить в Швейцарию. Сам Дэвид уехал в Иель и взял в жены Мици, свою возлюбленную из родного города, и они любили друг друга без памяти. Но все парни из его компании в то лето были немного влюблены в Мэгги. Все отправились на вокзал ее провожать, все встречали с розами, когда она возвращалась из Атлантик-Сити. Дело в том, что Мэгги была очень хорошим человеком, без тени высокомерия и тщеславия. Дэвиду казалось, она даже не догадывается, насколько красива. Вот черт. Она должна была в тот год стать Мисс Америкой. Победившая девушка и вполтину не была так красива, как Мэгги. Судьи, видать, просто ослепли.

Столько надежд

В тот год, когда Мэгги стала Мисс Алабамой, конкурс «Мисс Америка» наряду с «Оскаром» был самым популярным среди телезрителей. Каждый сентябрь миллионы людей включали телевизор, чтобы посмотреть, кому достанется корона, какая из девушек пройдет по ковровой дорожке, прижимая к себе букет роз и плача от радости, пока Берт Парке, ведущий церемонии, поет «Вот она, мисс Америка». Конечно, конкурс смотрела и вся Алабама, скрестив пальцы за то, чтобы их избранница победила. Перед отъездом Мэгги в Атлантик–Сити сотни девочек со всего штата засыпали ее письмами со словами поддержки, и мэр каждого города Алабамы официально пожелал ей удачи в письменном виде.

В тот год Алабаму то и дело ругали в прессе, и потому их штату просто необходимо было чем–то гордиться. Мэгги ужасало, сколько народу рассчитывают на нее, она так боялась их подвести! Но боялась она зря. В первый же вечер конкурса Мэгги покорила судей игрой на арфе и внешностью. На второй день все радиостанции прочили ей победу. Даже Джимми Грек, принимавший ставки на таких конкурсах, считал ее претенденткой номер один, а репортеры уже начали называть ее в номер, требуя интервью. Репортер Джо Эллен О'Хара, освещавший конкурс «Мисс Америка» в «Бирмингем ньюс», ежевечерне отсылал пресс–релизы, которые наутро становились заголовками.

МИСС АЛАБАМА ПОБЕЖДАЕТ В КОНКУРСЕ ВЕЧЕРНЕГО ПЛАТЬЯ!

Вчера вечером Маргарет Фортенбери появилась в элегантном белом платье из универмага «Лавмэн» и сделала еще один шаг к победе.

В частных разговорах судьи признавались, что девушка из Алабамы произвела на них большое впечатление. Хотя на конкурс приехало немало талантливых и красивых девушек из других штатов, алабамская претендентка обладала именно той красотой, именно той манерой держаться, на которую смогут равняться все девочки Америки.

В Алабаме люди из всех сил старались не высказывать слишком большого оптимизма, но, поскольку хорошие новости продолжали

поступать, по всему штату началось планирование праздничных шествий. К третьему дню конкурса они знали, что если не случится никаких непредвиденных сюрпризов, то Мисс Алабама станет новой Мисс Америкой.

Мэгги понимала, что если вдруг она победит, то впереди приз в несколько тысяч долларов и бесчисленные передачи на телевидении. За один вечер она станет национальной знаменитостью, и ее жизнь изменится навсегда. Но самым важным для Мэгги было другое. Она сможет объехать всю страну и рассказать о том, как прекрасен их штат, какие прекрасные люди в нем живут. Однако произошло нечто непредвиденное, и шанса ей не представилось.

Мэгги была подавлена сообщением Дэвида, но хотя бы узнала наверняка, и больше можно об этом не думать. А если случится худшее и «Гребешок» разрушат, то, слава богу, она этого не увидит.

Она посмотрела на часы. Пора на работу. Желания не было никакого, но как-никак это ее последний рабочий день. Она не скажет Этель и Бренде, что Бебс получила контракт. Зачем портить им выходные. Сами скоро узнают.

Этель не было, она еще не вернулась из салона красоты. По пятницам она делала прическу и выщипывала брови. Бренда с Мэгги сидели вдвоем, и Мэгги воспользовалась случаем и попробовала снова намекнуть на скорую разлуку. Она достала из ящика пилочку для ногтей и принялась полировать ногти, дабы выглядеть легкомысленно.

– Слушай, Бренда, – сказала она, разглядывая свои руки, – тебе никогда не хотелось все это бросить?

Бренда посмотрела на нее удивленно:

– В смысле, торговлю недвижимостью? Каждый день хочется.

– Нет, я имею в виду вообще... все, понимаешь?

Бренда молчала. Мэгги продолжала:

– Я не считаю, что это говорит о слабости или трусости человека. Просто иногда можно до того устать, что продолжать нет сил. Что ты об этом думаешь?

Не ответив. Бренда встала и плотно закрыла дверь. Затем села на место и уставилась прямо в глаза Мэгги.

– Мэгги, могу я спросить тебя как друг?

Мэгги вдруг занервничала и подумала, не слишком ли далеко она зашла. Но сказала:

– Да.

– И ты мне ответишь правдиво?

– Если смогу. Бренда, то да.

– Ты думаешь, мне нужно сделать операцию по уменьшению желудка?

– Что?

– Ты думаешь, мне нужно сделать операцию по уменьшению желудка?

Мэгги ощутила облегчение, но вместе с тем разочарование.

– А–а... Даже не знаю, дорогая. А что Робби думает?

– Говорит, я еще не настолько толстая, чтобы делать операцию. Что мне нужно только захотеть, и я похудею. Но это не так. Похудеть я могу. Только потом снова разьедаюсь. Я собираюсь тайком пойти в больницу и вырезать себе желудок, а ей не говорить, пока все не закончится, но если мне повезет, то я умру на операционном столе. Вот тогда она действительно разозлится. – Бренда вздохнула. – А умру, так умру... кому до этого дело? Меня достало питаться как кролик.

– О господи. Бренда, не надо так. Тебя столько людей любит, всем будет тебя страшно не хватать. Вот я – другое дело. Меня никто не любит как тебя.

Бренда отмахнулась:

– Ну да, Мэгги, тебя никто не любит, конечно. Каждый мужик в городе будет биться в истерике, коли с тобой что случится.

– Неправда, Бренда. Не понимаю, почему ты так говоришь.

– Потому что это правда! Ты можешь заполучить любого – только пальчиком помани. Робби рассказывала, что доктор Томейхилл мечтает поужинать с тобой. А он ведущий хирург. Знаешь, сколько они получают? Хватай его, пока не поздно.

– Бренда, не увиливай от темы. Ты же не станешь делать операцию, не сказав Робби, правда?

– Да нет, конечно, но я об этом думала, так и знай. Я пыталась ей объяснить, что ем вовсе не много. Просто у меня более медленный обмен веществ, чем у нее. Да разве Робби переубедишь. Она медсестра, а медсестрам кажется, что они умнее всех.

Она помолчала, глядя на Мэгги.

– Впрочем, забудь о докторе Томейхилле. Держись подальше от профессиональных медиков, они хуже, чем гвоздь в заднице. Уж поверь мне.

Мэгги вздохнула. Ясно, с Брендой разговаривать бессмысленно. Невозможно ни на что намекнуть. Жаль, но, увы. Брендю ждет такой же сюрприз, как и всех прочих.

Тут дверь с грохотом распахнулась и в комнату, что-то яростно

выкрикивая, ввалилась Этель. Мэгги с Брендой вскочили. Долго гадать, по какому поводу крик, не пришлось. Волосы у Этель были не привычного приятного светло-лилово-го оттенка, а скорее цвета варенья из черного винограда.

– Что случилось? – спросила Бренда.

– Что случилось? Я тебе скажу, что случилось. Новенькая, которую наняла Люсиль, не сумела прочитать, что написано на коробке, вот что случилось. Я говорю: «Господи, Люсиль, мне плевать, нелегалы на тебя работают или наши, но должна же ты убедиться, что они понимают по-английски, прежде чем подпускать их к людям». Надеюсь, хоть ко Дню благодарения краска сойдет.

– Этель, не так уж это кошмарно смотрится, – попыталась утешить ее Мэгги.

Однако смотрелось кошмарно.

В это время в Нью-Йорке

День подходил к концу, а Дэвид думал о разговоре с Мэгги и все сильнее хмурился. Он не знал, в чем дело, но чувствовал: что-то тут не так. Мэгги ни словом не обмолвилась о той женщине из другого агентства, но тон, которым были сказаны последние слова, был красноречивее самих слов. Около половины четвертого он поднял трубку и позвонил адвокату с нижнего этажа.

– Привет, Алекс. Мы подписали контракт с женщиной из агентства по торговле недвижимостью в Бирмингеме?

– Как раз готовлю, а что?

– Не подписывай.

– Почему? Все говорят, она лучший агент в городе.

– Может, и так... но не надо. Я хочу, чтобы ты заключил контракт кое с кем другим. Давай воспользуемся услугами Маргарет Фортенбери из агентства «Красная гора». Она знает и дом, и окружение и наверняка не подведет. Хорошо?

– Ну... хорошо. Ты босс. Как угодно, но скажу тебе прямо, эта Бингингтон будет недовольна. Она только что прислала нам прекрасное предложение, она урезает свои комиссионные и дает нам большую скидку.

Дэвид продолжил:

– И еще. Будешь говорить с Маргарет, скажи, что ты навел о ней справки и слышал, что она лучший агент в Бирмингеме. И скажи – мы хотим, чтобы она лично занялась продажей. Хорошо?

Алекс вздохнул:

– Ладно, позвоню, но говорю тебе, Бингингтона не обрадуется.

После звонка Дэвида Алекс достал контракт с Бебс Бингингтон по дому Далтонов в Бирмингеме. Звонить этой особе он побаивался. Может, ограничиться электронным письмом? Боссу он этого не сказал, но в последней телефонной беседе Бебс весьма определенно пообещала, что он «хорошо проведет время», коли наведается в Бирмингем. Так что сообщить по телефону будет все-таки более по-джентльменски, и Алекс неохотно набрал номер, но механический голос объяснил, что абонент недоступен, однако можно оставить сообщение. Алекс не хотел оставлять плохие вести на автоответчике, тем более под выходные, и повесил трубку. Сегодня дозваниваться уже бесполезно, к тому же ему нужно уйти пораньше, чтобы повести детей калядовать. Ладно, позвонит обоим – Бебс и Маргарет – в

понедельник. Один день погоды не сделает.

Бибс давно положила глаз на «Гребешок». Одна строительная компания хотела заполучить это место под строительство, и последние несколько месяцев Бибс обрабатывала нью-йоркского адвоката комбинацией из сладких речей, обещаний и непрерывного давления, пока не добилась желаемого. У нее уже была наготове супружеская пара, которая разыграет спектакль с покупкой.

Конечно, Бибс знала, что, как только дом снесут, снобы, кичащиеся своим историческим зданием «на горе», тотчас поднимут вой, но ей было наплевать. Подумаешь, какая-то горстка старых докучливых динозавров, цепляющихся за прошлое. Они думают, эти дома что-то значат как памятники... Обветшавшая, вышедшая из моды груда кирпичей, которую нужно снести, вот что такое эти дома. Так к черту старикашек.

Одри и колготки

Суббота, 1 ноября

К полудню субботы Мэгги упаковала все кастрюли и сковородки в одну коробку а посуду в другую. Оставалось решить, что надеть завтра на крутящихся дервишей, чтобы все прочее сложить для любительского театра. Мэгги минут десять гоняла туда–сюда вешалки в платяном шкафу, пока не выбрала черный парчовый костюм от Армани с зеленым шарфом «Гермес», простые жемчужные серьги и черные замшевые туфли от Стюарта Вейсмана. Потом порылась в верхнем ящике в поисках черных колготок – вроде была новая пара, – но, найдя упаковку, с раздражением увидела, что ошиблась с размером. Наверное, схватила, не поглядев. «А» ей будет мал. Жалко на один раз покупать новые, но что делать. Нельзя же надеть колготки телесного цвета со строгим черным вечерним костюмом.

Мэгги испытала искушение выскочить в магазин без макияжа. Всего несколько дней назад сама мысль о том, чтобы появиться на людях не накрашенной, даже не возникла бы у нее. Хорошо, что скоро она отправится в мир иной, а то превращается бог знает в кого. Еще немного, и начнет плевать на улице.

Она прыгнула в машину и поехала на Бруквуд–Мол. Думала: сейчас заскочу, куплю колготки – и домой, но, прокатившись по кварталу раз шестнадцать, потеряла терпение. После двадцать третьего круга она сказала: «А, какого черта!» – и поставила машину на место парковки для инвалидов.

Она не любила нарушать закон, но остальные восемь мест для инвалидов были свободны, и шансы, что за эти пять минут к магазину подъедут больше восьми инвалидов, очень слабы. Но на случай, если за ней наблюдают, она с трудом выкарабкалась из машины и похромала к дверям.

Еще с порога Мэгги углядела Одри за стойкой в отделе бижутерии и понадеялась, что та ее не заметит. Но не тут–то было. Одри закричала через весь магазин:

– Мэгги! Это я! Я теперь тут работаю!

Одри протопала за ней в отдел женского белья и отпихнула кассиршу – мол, я сама обслужу. Ей хотелось поболтать, повспоминать былое, и если

бы Мэгги не оставила машину на месте для инвалидов, то непременно задержалась бы и поговорила, но стоило Одри пробить колготки, как Мэгги схватила покупку и буквально выскочила из магазина, крикнув, что опаздывает на встречу, что было бессовестной ложью. Не проехав и ста метров, она осознала, как грубо поступила с бедной Одри, и, остановив машину напротив магазина «Миллион книг» за углом, расплакалась. Она не видела Одри двадцать лет. Она обязана была поговорить с ней.

Одри была близкой подругой ее матери, и последний раз они виделись на маминых похоронах. А сегодня старая женщина со скрученными артритом пальцами стоит за прилавком – какое грустное зрелище. Прежде Одри была высокой и статной, с красивыми рыжими волосами, и владела целым отделом «Лучшее дамское платье» в большом универмаге «Лавмэн» в центре города. Мэгги помнила даже, как они познакомились. На Одри было темно-синее шерстяное платье с большущими квадратными золотыми пуговицами и брошка с сапфиром, Мэгги она показалась шикарной, как кинозвезда. Много лет подряд, когда они с мамой заходили в магазин, Одри, увидев их, кричала всем продавщицам: «Это мои клиенты!» – и обслуживала их как родных.

Когда у мамы разыгрался артрит и она не могла больше шить, Одри звонила, если на распродажу выставлялось что-то симпатичное, по ее мнению, для Мэгги. Будучи и сама из рабочей семьи, Одри понимала, что денег у них в обрез, и на случай праздника, или торжественной церемонии, или выпускного бала у подруги всегда подбирала для Мэгги какую-нибудь уцененную красивую вещь. Подмигивала Мэгги и говорила: «Мы же не допустим, чтобы наша девочка появлялась на вечеринках в обносках, верно?» А когда Мэгги стала Мисс Алабамой, Одри гордилась так, будто она ее дочь, и всем вокруг сообщала: «Я много лет ее одевала». И вот она работает неполный рабочий день в отделе бижутерии в маленьком магазине на окраине. Мэгги сидела и думала: что она должна была сказать Одри? А что она могла сказать?

Посидев так с минуту, она вышла из машины, пешком прошла два квартала до магазина, направилась прямо к Одри и взяла ее за руку.

– Вы знаете, Одри, – сказала она, – не помню, говорила я вам или нет, но вы не представляете, как много вы для меня значили, как помогли мне в юности. Вы всегда были со мной так милы, благодаря вам я чувствовала себя особенной. Вот, я просто хотела вас поблагодарить.

– Ну, дорогая моя, с тобой очень просто быть милой, – сказала Одри. – Слушай, я знаю, что ты торопишься, но можно я все-таки украду тебя на секундочку?

В следующие полчаса она таскала Мэгги по всему магазину, от одной секции к другой, представляла ее всем работникам, а также покупателям, стоявшим в очереди в кассу.

– Это Маргарет Фортенбери, – провозглашала она, сияя лучезарной улыбкой, будто представляла английскую королеву ее подданным. – В тот день, когда она стала Мисс Алабамой, я лежала дома с простудой и не могла пойти на шествие, но первым человеком, которому она позвонила после церемонии, была я! Я знаю ее с десяти лет, она была прелестнейшей малышкой, такой воспитанной!

Людям, которым Одри это рассказывала, наверняка не было никакого дела до победительницы ветхозаветного конкурса красоты, но они вежливо слушали. Мэгги было неловко, но, понимая, что для Одри это очень много значит, она торчала посреди магазина и пожимала руки незнакомцам. Позже, по дороге домой, Мэгги с удивлением отметила, что чувствует себя немного лучше. Одри действительно была первой, кому Мэгги позвонила в тот вечер. Странно, почему она до сих пор работает? Где ее дочь? В пристойном ли месте она живет? Мэгги застонала. Бог мой, не начинай, а! Ты не в силах помочь Одри, ты себе–то помочь не можешь. И зачем тебе обязательно колготки размера 6–9, почему не купить безразмерные? И почему ты поехала именно туда? Неужто нельзя было заскочить в простой магазин и взять что–то подешевле, так нет же, порулила в дорогой универмаг. Подъезжая к дому, Мэгги приняла решение: свою корону, ленту и кубок она оставит Одри.

Последние приготовления

Бренда шуровала среди вешалок в отсеке «Жирная как боров», искала, что надеть завтра в театр. Парик она уже выбрала. Что-нибудь простенькое и стильное, но с изюминкой. Мэгги, как обычно, будет убийственно великолепна, но Бренда планировала начать политическую карьеру и собиралась с этого момента производить впечатление уверенного в себе человека. Кричаще уверенного в себе. Она остановилась на красивом темно-зеленом платье с пуговицами, которое купила в магазине одежды в отделе для крупных женщин.

Мэгги на другом краю города упаковывала последние драгоценности и вдруг обнаружила монетку, которую Хейзел подарила ей много лет назад. И поневоле улыбнулась, вспомнив тот день.

Хейзел только что получила награду «Женщина года из Бирмингема» от Торговой палаты. Они с Мэгги выехали со стоянки Центрального клуба, и тут Хейзел говорит:

– Знаешь, Мэгс, я чертовски умна и дьявольски хорошо веду бизнес.

Мэгги засмеялась:

– Что ж, спорить не стану, хоть ты хвастушка.

Теперь засмеялась Хейзел.

– Ну, я другое имела в виду. Я имела в виду, что кроме природного ума и работоспособности у меня есть еще одна причина, почему мне в жизни сопутствует успех. Эту причину я еще никому не открывала.

– И что же это за причина?

– Везение.

– Правда? Везение?

– Ага. Знаешь, милая моя, когда я дергала сорняки, зарабатывая на жизнь, мне то и дело попадался клевер с четырьмя листками. За годы борьбы с сорняками я не меньше тысячи их нашла. Представь, сколько в них везения!

– Немало, наверное.

– Вот именно. Прибавь к этому все счастливые пенни, что я нашла, и тебе придется признать, что я самая счастливая особа из всех, кого ты знаешь. Удивительно, что большинство людей даже не ищут счастливые пенни. Я ищу всюду, где бываю, и нахожу, между прочим. Они никогда не подводят. Если я нахожу счастливый пенни, на следующий день – клянусь! – вынимаю из почтового ящика счет на какую-нибудь сумму.

– Хейзел, а ты не думала, что все равно получила бы чек, не найди ты монету?

– Нет, это все из-за счастливых пенни. А ты не ищешь?

– Я думала, если случайно найти, то тогда он счастливый. Не знала, что их нужно искать.

– Как же, конечно, нужно! Слушай, детка, приятно, когда везение само тебе в руки падает, но я всегда ищу. В прошлом году нашла на улице три новеньких пенни, орлом вверх, и тут же, на следующий день, мы получили контракт на «Парк Тауэре». Самая крупная продажа за год!

– А что ты делаешь со всеми этими монетами?

– Сохраняю, а потом кладу в пасхальные яйца для детей. Это хорошо – раздавать свою удачу, и она всегда возвращается. Вот, я хочу тебе кое-что дать. – Она порылась в сумке и вручила Мэгги блестящий пенни: – Это тебе, засунь за лифчик – и случится что-нибудь хорошее.

– Ты думаешь?

Хейзел подняла на нее озорной взгляд и похлопала по руке:

– Сохрани этот пенни, и гарантирую тебе, что когда-нибудь, когда ты этого меньше всего ждешь, случится что-нибудь хорошее. А когда оно случится... подумай о своей счастливой монетке и вспомни, что я тебе сказала.

– А что должно случиться? Скажи сейчас.

– Ну уж нет, – покачала головой Хейзел с невинным видом. – Я-то знаю, а тебе предстоит узнать. Сунь за лифчик и не задавай вопросов.

– Хейзел, какая же ты чудачка.

Хейзел улыбнулась от уха до уха.

– Ага. Иногда сама себе удивляюсь. Не знаю, чего от себя ждать в следующий миг. Малыш Гарри говорит, что я самый интересный человек в мире. А я ведь даже не стараюсь. Такая уж уродилась. – И она втиснула свою огромную машину на такое крошечное место, где Мэгги не уместила бы свою малышку, будь это даже вопрос жизни и смерти.

Мэгги и права-то получила только благодаря Хейзел. Ее двоюродный брат, Джимми, работал в дорожной инспекции, и на экзамен Хейзел подсела к ним в машину. Когда Мэгги припарковалась, не доехав по меньшей мере фута три до края тротуара. Хейзел открыла заднюю дверь, глянула вниз и провозгласила: «Ладно, пойдет». Джимми, вероятно, с ней согласился, потому что Мэгги экзамен сдала.

Динь–динь

Упаковав украшения и норковое манто и тем самым покончив с подготовкой, Мэгги позвонила Бутс и сообщила, что хочет пожертвовать вещи для костюмерной. Бутс пришла в восторг и пообещала прислать ребят в понедельник с утра пораньше. Повесив трубку, Мэгги ощутила радость. Хейзел была бы довольна. Она обожала театр.

Пятилетнюю Хейзел мама с папой повели смотреть «Питера Пэна», и, хотя она выросла в деловую женщину, часть ее души так и не повзрослела и навсегда осталась пятилетней девочкой, уверенной, что спасает жизнь Динь–Динь^[21], если верит в существование фей. Где бы в Бирмингеме ни поднимался театральный занавес, они с Малышом Гарри были там. Особенно Хейзел любила мюзиклы, да и сама прекрасно пела. Когда «Саммерфест» впервые поставил «Энни»^[22], она сыграла шестилетнюю Энни, а пять лет спустя, когда его снова ставили. Хейзел исполнила роль мисс Хэнниган, злой хозяйки сиротского приюта, и было очень смешно смотреть, как эта крошечная женщина, ростом не выше самих сирот, жестоко командует ими и издевается. В обзорах говорилось, что сыграла Хейзел блестяще, но Этель не согласилась: мол, где тут игра, все то же самое Хейзел каждый день проделывает на работе.

Хейзел ничего и никогда не огорчало, по ее словам, у нее не бывало депрессии. Но Мэгги что–то не верила. Не верила, что Хейзел так уж легко живет. Однажды она спросила Этель, как она думает, правда ли Хейзел так счастлива, как всем кажется. Этель откинулась на спинке стула, подумала и сказала:

– Честно говоря, я считаю, что Хейзел не просто счастлива именно так, как всем кажется, она еще и кичится этим. На самом деле я не знаю ни одного человека – мужчины, женщины или ребенка, – который был бы о себе столь высокого мнения. Хейзел Уизенкнот считает, что это она повесила на небо луну. – Этель пожала плечами: – А что, может, так оно и есть, кто знает. Главное, не вздумай ее жалеть, – она себя не жалеет.

И правда. Сколько лет Этель на нее работала, она никогда не слышала, чтобы Хейзел жаловалась или огорчалась по какому–то поводу... Кроме одного случая, за несколько лет до своей смерти.

Хейзел готовила продажу дома: несколько месяцев сложной работы, одна презентация за другой, полеты в Чикаго и обратно посреди зимы, и за несколько дней до окончания сделки компания вдруг звонит и с извинением

сообщает, что они решили иметь дело с другой фирмой. Неделю спустя выясняется, что это Бебс Бингингтон. Снова.

Спустя неделю Хейзел слегла с простудой (потом окажется, что это была пневмония) и вызвала Этель к себе домой. Попросила закрыть дверь спальни и взволнованным шепотом спросила:

– Этель, скажи мне правду. Я устарела? Теряю хватку?

– Нет, ты не теряешь хватку. Сделку ты упустила из-за Бебс Бингингтон, а не из-за того, что теряешь хватку.

– Ты думаешь?

– Уверена. Не знаю, что она сделала. Может, переспала со всем советом директоров.

– А может, она просто лучше разбирается в бизнесе, чем я?

– Послушай, Хейзел, я на тебя почти сорок лет работаю и врать тебе не стану. Хватку ты не потеряла.

– Правда?

– Абсолютная. Клянусь своими лиловыми волосами.

Хейзел засмеялась и больше об этом не заикалась. Но по сей день Этель винит Бебс Бингингтон за то, что она подорвала здоровье Хейзел. Врач потом сказал, что та пневмония ослабила ее маленькое сердце.

Этель, конечно же, была права. Когда Бебс узнала, что Хейзел собирается завершать сделку, она снова добилась правдами и неправдами встречи с тремя главами компании и использовала тот же самый трюк – сказала, что у нее есть частная информация, мол, да, как ни печально. Хейзел кажется таким замечательным человеком, но ее вот-вот привлекут за мошенничество, подкупы и за то, что брала взятки от строительных компаний. И говорила Бебс весьма убедительно. Немудрено. Ей самой то и дело приходилось сталкиваться с подобными обвинениями. Напоследок со слезами в голосе она посоветовала:

– Ради вашего же блага и ради чести вашей компании отмените сделку немедленно, пока вас не втянули в грязную историю.

После ухода Бебс мужчины посмотрели друг на друга. Может, ее слова и вызывают некоторые сомнения, но все согласились, что в таком нездоровом климате и в нестабильной обстановке лучше дело с Хейзел не иметь – вдруг чего случится. Очень жаль. Им всем запала в душу маленькая леди из Бирмингема.

Если для Хейзел секрет удачи заключался в счастливых монетках, то секретом Бебс был страх. В самом начале карьеры она обнаружила, насколько мощное оружие – угроза судебного разбирательства. У нее в помощниках были два мелких злобных адвоката – как раз для подобных

случаев. Она выяснила, что люди на что угодно пойдут, пусть им даже померещится, что есть угроза предстать перед судом.

Этель так и не узнала, каким образом Бебс украла сделку, но продолжала винить Бебс в болезни Хейзел. Для нее Хейзел была больше чем работодатель. Когда они познакомились, Эрл, муж Этель, потерял работу на сталеплавильном заводе, а у них было двое маленьких детей. Благодаря тому, что Хейзел взяла ее, им удалось избежать биржи труда, в отличие от многих. В общем, Этель считала, что Бебс помогла убить ее лучшую подругу. И – верьте или нет – Бебс имела наглость прийти на похороны и после окончания церемонии раздавать там свои визитки.

Вечер крутящихся дервишей

2 ноября

К воскресенью Мэгги в две ходки перетащила на берег реки и довольно ловко запрятала весь свой инструментарий: лодку грузики на лодыжки и таймер–петушок. Пока все складывалось как нельзя лучше, и до утра третьего ноября не предвиделось никаких неожиданных помех. Выбранное место было все так же безлюдно, и осень просто идеально подходила, чтобы прятать вещи в лесу: забросала листвой и хвоей – и готово.

Скарб весь тоже был упакован. Ей удалось по–тихому прибрать стол на работе и уничтожить все бумаги и фотографии. Бренда и Этель ничего не заметили. После стольких лет она наконец разобралась, как работает машина, измельчающая бумагу. Удивительно, чему способен выучиться человек, стоит только приложить мозги.

Все шло по плану: с утра она сбегала к телефону–автомату перед супермаркетом «Вестерн» и заказала на понедельник такси на 9 утра. Настоящим именем она, разумеется, назваться не могла. У сидящего на телефоне человека был иностранный акцент, так что она назвалась Дорис Дэй. Ей всегда нравилась Дорис Дэй. Затем Мэгги свозила машину на мойку, залила бензин, подкачала шины, проверила масло и воду, чтобы автомобиль вернули компании в том же состоянии, в каком брали, чистеньким и аккуратным, со всеми документами в отделении для перчаток. Осталось только посмотреть крутящихся дервишей.

Бренда заехала за ней ровно в семь. Почему Бренда обожает приходить куда бы то ни было за час до начала, Мэгги хоть убей не понимала, но тем не менее была одета и готова к выходу. Зачем нервировать Бренду, пусть этот вечер порадует ее. Бренда мигом домчалась до центра и припарковала машину на стоянке, и в 7.15 они уже стояли в вестибюле театра, ожидая, когда откроют двери. Верный своему слову Сесил оставил для них два билета в кассе. Открыв конверт. Бренда пришла в восторг:

– Мэгги, не поверишь, у нас два билета в первый ряд! Здорово, правда? Я принесла бинокли, но они, наверно, не понадобятся.

– Да уж, вряд ли.

Мэгги оглядывала вестибюль театра «Алабама» с привычными

гордостью и удивлением. Слава небесам, в последнюю минуту театр спасли от чугунного шара экскаватора и полностью восстановили – и все благодаря сотням взволнованных горожан. Хейзел пожертвовала пять тысяч долларов. Мэгги до сих пор помнит, как, попав сюда в первый раз, была потрясена четырехэтажным вестибюлем с гигантской хрустальной люстрой, нависающей над великолепной лестницей, швейцарами в белых перчатках. Здание было изначально построено как оперный театр, с шикарными красными бархатными креслами и пятью полукруглыми балконами, что поднимались до самого потолка. Она видела театр не только из зрительного зала, но и со сцены. На этой сцене на нее надели корону. Она ждала Бренду, забежавшую в дамскую комнату, и вспоминала тот вечер: нервное возбуждение выстроившихся в шеренгу конкурсанток, готовых выйти на красную дорожку когда назовут их имена; запах лака для волос, впивающиеся в ребра косточки бюстгальтера без бретелек; четырехдюймовые каблуки; блеск брильянтовых сережек; ослепительный свет мощных прожекторов из-под купола; громоподобные аплодисменты, когда орган «Хаммонд» за миллион долларов исторг первые ноты «Звезды падают на Алабаму»; за кулисами беготня и суета, переодевания из купальника в костюм для исполнения номера и снова в вечернее платье; визг и крики радости, когда провозгласили победителя. Да, провести последний вечер именно здесь – очень правильно.

В 7.45 двери зала открылись, они пошли вниз по проходу к первому ряду, нашли места, сели... И тут Мэгги поняла, что, хотя ряд и первый, места-то не очень хорошие. Прямо скажем, кошмарные места. Ей пришлось откинуться назад и задрать голову, чтобы видеть хотя бы краешек сцены. Но Бренда ничего не замечала. Она просто радовалась тому, что сидит в зале. Обернувшись, она махала рукой и знакомым, и незнакомым людям, сидящим на балконе. Зал был полон. Мэгги с удовлетворением отметила, что одеты все великолепно. Когда она была в последний раз в Нью-Йорке, народ пожаловал на бродвейский спектакль в джинсах и трикотажных фуфайках, но старый добрый Бирмингем в этот вечер ее не подвел. Когда занавес наконец поехал вверх, публика примолкла, сцена открылась, и Мэгги увидела, что кроме ряда деревянных складных стульев на сцене ничего нет. Она ожидала экзотических, ярких декораций. Две минуты напряженного ожидания – и вдруг Бренда пихнула ее в бок и прошептала:

– Гляди, вон они.

Мэгги повернула голову направо и увидела за кулисами семь или восемь мужчин в белых рубашках и блестящих черных шароварах. Потом

безо всяких фанфар и прочих церемоний мужчины просто вышли на сцену и, не улыбнувшись, даже не кивнув публике, сели и принялись играть на странно звучащих флейтах и еще каких-то странных инструментах странные мелодии, похожие одна на другую как две капли воды. А потом, по меньшей мере час спустя (или так показалось), опять же безо всякой улыбки встали и покинули сцену так же равнодушно, и за сим наступил антракт.

У Мэгги уже шея разболелась от того, что целый час пришлось просидеть, задрав голову, а она еще не видела дервишей. После длинного двадцатиминутного перерыва вышли те же самые мужчины и давай играть по новой. Зрители не знали, что делать, они были слишком воспитанны, чтобы свистеть, топать ногами и кричать: «Где дервиши?» – тем не менее по залу побежал шелест. Слава богу, после четырех или пяти музыкальных номеров Бренда снова ткнула ее локтем в бок и кивнула на правое крыло кулис. На этот раз Мэгги увидела мужчин в длинных черных плащах и высоких шапках. Наконец, после очередного бесконечного музыкального этюда, один из них вышел к краю сцены и разложил что-то наподобие двух больших ковриков для ванной комнаты, а затем снова удалился.

Нечего и говорить, более странного представления Мэгги видеть еще не доводилось. Но по крайней мере, что-то начало происходить. Через некоторое время двое самых старших в высоких конусообразных шапках вышли и опустили колени на коврики. Посидели. Время шло. Но вот один за другим на сцену вышли дервиши помоложе, без улыбки подошли к первой парочке и тоже сели на колени – в ровный ряд с ними. Все так обрадовались им после столь изнурительного ожидания, что с удовольствием бы похлопали, но у мужчин был до того серьезный вид, что публика не решилась. Непонятно, что они там делали, сидя на коленях, но делали они это довольно долго, потом внезапно вскочили и сбросили на пол плащи, дабы явить публике свой наряд: белая рубашка с маленькой белой жилеткой, широкая белая юбка и полуботинки из коричневой кожи. Потом очень медленно, друг за дружкой, начали кружиться, все быстрее и быстрее. Поначалу Мэгги сказала бы, что зрелище и в самом деле красивое: высокие, приятные лицом, грациозные мужчины вращаются в едином ритме, юбки взлетают и опадают, как волны в океане. К сожалению, Бренда и Мэгги видели только ту часть дервишей, что находилась под юбками, – свободные белые штаны и коричневые ботинки. И чем стремительнее они вращались, чем сильнее взвихрялись и опадали юбки, тем больше пыли летело на сидящих в первом ряду. Но даже та малая толика вращения, доступная их взглядам, была волнующе прекрасна. Но кружение длилось и

длилось, и теперь Мэгги не могла дожидаться, когда же это закончится. Шея зверски болела, глаза жгло от того, что она смотрела все время вверх, на ramпы, а от пыли, летящей в лицо, першило в горле. Мэгги прикинула, что если бы дервиши вращались не по кругу, а по прямой, то оказались бы уже в Атланте. Она с надеждой ждала, что, возможно, следующий круг уже будет последним, а потом вдруг начала понимать логику их движений. После каждого круга каждый из дервишей возвращался ровно в то место, с которого начинал. В какой-то мере это походило на ее жизнь. Крутишься, крутишься и в результате никуда не приходишь.

Спустя еще сорок мучительных минут вращение все же иссякло, дервиши надели свои черные плащи и так же медленно и беззвучно покинули сцену, в сопровождении музыкантов, оставив шесть пустых деревянных стульев и благодарную, но недоумевающую аудиторию. Зрители хотели было похлопать, но побоялись, что это неуместно. Это явно был мрачный религиозный обряд, а не развеселое шоу, которого они ждали.

Бренда была глубоко разочарована.

– Я думала, будет весело, – шепнула она.

Мэгги кивнула, с трудом ворочая затекшей шеей:

– Я тоже. Ну ладно, кто ж знал.

Увидев в фойе Кэти Гилмор, Бренда спросила:

– Фуршет для актеров будет?

– Нет. Они уезжают сразу после представления.

– Черт, ну что за фигня. Ты хоть встречалась с ними до выступления?

– Я встретила автобус.

– Во что они были одеты? – спросила Бренда.

– Одеты? Обыкновенно, как все. А что?

Бренда бросила взгляд на Мэгги.

– Да так, просто любопытно.

По дороге домой Мэгги потихоньку открыла сумку Бренды и сунула туда счастливую монетку Хейзел – прощальный подарок. Высаживая ее возле дома. Бренда сказала со смехом:

– Да, бинокли я брала зря, верно?

– Что верно, то верно.

– Несколько неожиданное, надо сказать, представление.

– Да... В любом случае, я рада, что мы сходили.

– Я тоже. По крайней мере, теперь не надо ехать в Турцию.

– Точно, не надо.

– Ну ладно, утром увидимся.

– Вообще-то не увидимся. Я беру завтра отгул, помнишь?

– А, точно. Забыла. А что у тебя за дела–то такие завтра?
– Так, кое–чем нужно заняться.
– А–а... Ну ладно, развлекайся. Тогда до вторника.
Бренда уже тронулась с места, когда Мэгги сказала:
– Подожди.
Бренда остановилась:
– Что?
Мэгги долго молча смотрела на нее, потом проговорила:
– Ладно, ничего, наверное. Я просто хотела... еще раз пожелать спокойной ночи.
Бренда улыбнулась:
– Ну, спокойной ночи. – И крикнула, отъезжая: – Чтоб тебя клопы не закусали!
Мэгги смотрела ей вслед, пока машина не скрылась из виду. Грустно, что представление не оправдало ее ожиданий, но хорошо, что последний вечер она провела с Брендой.
Дома она разделась, положила платье и туфли в коробку и уже в постели просмотрела последний список на завтра.

НУЖНО СДЕЛАТЬ

3 ноября, в понедельник

1. Отказаться от подписки на «Бирмингем ньюс»
2. Освободить холодильник и морозилку
3. Вынести мусор
4. – Позвонить Дотти Фигг и сказать о квартире
5. Позвонить в телефонную компанию, чтобы отключили телефон
6. Оставить деньги и часы для Люп
7. Постелить постель, постирать
8. Проверить под раковиной, нет ли муравьев
9. Подмести задний двор, почистить птичьи кормушки
10. Не забыть оставить письмо на стойке
11. Оставить запасные ключи под ковриком, когда буду уходить

Лежа в постели, она удивилась: а с чего это ей так хорошо на душе? Как–то неправильно это. Господи. При данных обстоятельствах ей должно быть сейчас очень и очень паршиво. Ан нет. Она заметила, что чем ближе намеченный день, тем лучше она себя чувствует. Может, оттого, что больше не смотрит новостей? Она давно не спала так крепко. Удивительно, до чего

приятно не беспокоиться о будущем. Только подумать – собралась умирать, и тут–то ей стало как никогда хорошо жить. Ну, что поделать.

Время «Ч»

Понедельник, 3 ноября

Мэгги проснулась рано, сняла постель и сунула в машинку, собралась было в душ, да вдруг поняла, что незачем без необходимости тратить воду. Поставила кофе, кинула в тостер пару кусков хлеба, совершила первый звонок – Дотти, оставила на автоответчике сообщение, что скоро освобождается дом с одной спальней. Она не хотела, чтобы Бебс ухватила еще одну сделку, прежде чем Дотти покажет жилье своим клиентам. Потом позвонила в «Бирмингем ньюс» и отказалась от подписки. Потом в телефонную компанию, чтобы отключили телефон. У телефонной дамы был разобиженный голос, но что тут поделаешь. Потом сполоснула посуду и кофеварку и поставила в посудомоечную машину.

В ожидании, пока досохнут простыни, положила прощальное письмо на стойку рядом с часами и конвертом для Люп, помыла холодильник, вынесла мусор, и ровно в 9.30 позвонили в дверь мальчики из театра Бутс и забрали коробки. Пока все шло по плану. Мэгги подмела задний дворик, вынула простыни из сушилки, застелила постель.

Прошла по квартире, кинула последний взгляд – все ли в порядке? Все было в порядке. Шагнула к двери... и тут зазвонил телефон на кухне. Наверное, телефонная компания проверяет номер, ну и пусть звонят. Заперла дверь черного хода в кухне, надела шарф и темные очки, взяла сумку и вышла. Положила запасной ключ под коврик. Пошла на угол соседней улицы ждать такси, надеясь, что не наткнется на каких-нибудь знакомых. Ей повезло, машина для Дорис Дэй уже подъехала. Она резво запрыгнула на заднее сиденье и захлопнула дверцу. Какое облегчение. Ее никто не видел. Ура-ура. Объяснив водителю, куда ехать, она откинулась на сиденье и едва успела немного расслабиться, как зазвонил телефон в сумке. О господи, она взяла эту глупую штуковину, чтобы выбросить в реку, да отключить-то забыла. Разговаривать ни с кем не хотелось, тем более с Брендой или Этель, и она не стала отвечать. А вдруг это Дотти, вдруг у нее какой-то вопрос по поводу дома на Эйвон-Террас? Может, и домой тоже Дотти звонила. Она достала телефон и посмотрела на номер, но очки уже отправились в мусор, так что на экране она увидела лишь расплывчатое пятно. Нажала «перезвонить» и ожидала услышать голос

Дотти, но, к ее изумлению, ответил человек из Нью-Йорка.

– Здравствуйте, – сказал он.

Через пять минут Мэгги попросила водителя развернуть машину и отвезти ее домой. Ох как ей этого не хотелось, с таким трудом она все подготовила для ухода! Но Алекс, адвокат из конторы Дэвида, который занимался собственностью Далтонов, был очень настойчив. Мэгги уговаривала его передать дело Бренде, мол, она прекрасно справится, но Алекс отказался наотрез, поскольку ему велено организовать все так, чтобы продажей «Гребешка» занялась она *лично*. Ну правда, что она могла поделаться? Скажи она «нет» – договор наверняка уйдет к Бебс. В конце концов, это же она позвонила Дэвиду с вопросом о сделке, так что теперь ей никак нельзя отказываться. Конечно, это означает еще одну отсрочку речных планов, но нельзя быть эгоисткой. Как ни огорчительна эта задержка, но, как сказал Хемфри Богарт в финале фильма «Касабланка», наши планы – ничто по сравнению с вечностью. Дело было важнее чьих-то личных интересов. Бирмингем уже потерял немало исторических ценностей, и если она сможет найти правильного покупателя, то отсрочка будет того стоить.

Сейчас она порадовалась, что оставила ключи снаружи и может попасть в дом. Войдя, первым делом спрятала письмо «Тому, кого это может касаться» на прежнее место, в кабинет. Села, открыла конверт и неохотно замазала корректором сегодняшнюю дату. Пусть пока так полежит, вот продаст «Гребешок», тогда поставит число.

Телефонный звонок застал Мэгги врасплох, и только сейчас она осознала, с какими трудностями столкнулась. Она ведь только что отдала театру всю приличную одежду, не просить же обратно. Не только одежду, она даже косметику выкинула. Мэгги выскочила к мусорному баку, косметика и очки все еще лежали там.

Хорошо, одной проблемой меньше. Адвокат из Нью-Йорка назначил встречу с миссис Далтон на завтра, на 8 утра, а надеть ей абсолютно нечего. Ох, господи, ну что за напасть. Зачем только она закрыла все кредитные карточки и счет в банке? Отослав последние деньги на благотворительность, она осталась на нуле. Потом она вспомнила, что положила 300 долларов в конверт для Люп вместе с часами. Забрала деньги и надела на руку часы. Если хочешь удачно продать элитное жилье, приходится одеваться соответствующим образом.

На одежду хватит! Но разве можно отправиться в приличный магазин в майке с надписью «Рыбаки это делают большой палкой»? Почти все ее знакомые соседи, кроме миссис Саллен-крофт, ушли на работу, так что она

побежала в крайний дом и постучала.

– Простите, что беспокою, – сказала она, когда хозяйка подошла к двери, – но я хотела спросить, не сможете ли вы ненадолго одолжить мне какое-нибудь пальто?

– Ой, конечно, дорогая, сейчас поищу.

Через несколько минут миссис Салленкрофт вернулась с огромным лохматым ярко-розовым шерстяным пальто.

– Вот, пожалуйста. Носите сколько угодно. По-моему, дорогая, цвет вам к лицу, – сказала она.

Мэгги рассыпалась в благодарностях, прыгнула в машину и направилась к торговому центру. Там она вошла в безразмерное розовое пальто и прошествовала в таком виде в магазин «Одежда от Армани». Ей было дико стыдно появиться в таком наряде, да еще в мужских ботинках в придачу, но, к счастью, она сразу нашла простой черный костюм, а в соседнем фирменном магазине «Сакс» подобрала сережки, туфли фирмы «Феррагамо» и красивый шарфик. И притом умудрилась не выйти из бюджета. Что-что, а делать покупки Мэгги умела.

В Нью-Йорке адвокат Алекс только что доложил Дэвиду, что, следуя его инструкциям, нанял Мэгги Фортенбери, а лучший в Бирмингеме агент по торговле недвижимостью получила от ворот поворот. Дэвид был очень доволен. Но Алекса до сих пор потряхивало. Как он и подозревал, Бебс не сильно обрадовалась. В последний раз подобные выражения он слышал в мужской раздевалке в колледже.

Встреча с миссис Далтон

Вторник, 4 ноября

В восемь утра следующего дня Мэгги сидела в красивой библиотеке дома «Св. Иоанн в соснах» и ждала миссис Далтон, чтобы подписать бумаги и получить ключи от «Гребешка». Существует поговорка: как бы далеко ни уезжали бирмингемцы, под конец они всегда возвращаются домой, – и Ди Ди Далтон не была исключением. Родом из старой гвардии потомков железных, угольных и стальных промышленников, к своим восьмидесяти восьми годам она пережила четырех мужей и объехала весь мир, живя то там, то тут, но, вернувшись в Бирмингем, поселилась в фамильном доме и взяла обратно свою девичью фамилию. Так было проще ее друзьям. Для них она всегда будет Ди Ди Далтон, сколько бы ни поменялось у нее мужей.

Мэгги не могла не думать, насколько все-таки жизнь – странная штука. Несколько дней назад она пребывала в таких расстроенных чувствах, а теперь вот сидит и радуется, что все-таки сходила к парикмахеру. И вдруг ей пришло в голову еще кое-что. Раз она звонила Дэвиду в пятницу, а сегодня договор о продаже у нее на руках, значит... постойте-ка... значит, она *укра*ла его у Бебс Бингингтон! Прямо из-под носа! Она никогда в жизни не совершала такого поступка, а ведь это несомненное нарушение ее этических правил. Но... Теперь ничего не попишешь. Дело сделано. И к ее огромному изумлению, никаких отрицательных эмоций она по этому поводу не испытывала!

Мэгги выскочила из дому в такой спешке, что решила проверить, не болтается ли у нее где-нибудь ярлык с ценником, и как раз оглядывала себя, когда в библиотеку вошла миссис Далтон, все еще красивая женщина с ярко-синими глазами. Поставив все необходимые подписи, она вручила Мэгги ключи от «Гребешка» со словами:

– Держите, милая. Простите, что не успела освободить дом, но если вам что-нибудь нужно – посуда, картины, мебель, – берите, не стесняйтесь, а не нужно – выкидывайте. Здесь мне все это некуда девать.

Когда Мэгги спросила, какую цену ставить, та ответила:

– Ох, боже мой, понятия не имею, я думала, вы мне скажете, какие нынче цены на рынке.

– Хорошо, давайте я разведу, в каких пределах дома в этом районе, и вам скажу.

– Не хочется продавать, но дети мои все умерли. Конечно, одно время я планировала подарить его городу, но теперь я никому не доверяю, мало ли что с ним сделают, так что, надеюсь, вы найдете кого-то, кто не разрушит его, по крайней мере, пока я жива.

– Миссис Далтон, обещаю: я приложу все усилия, чтобы найти идеального покупателя.

– Ой, спасибо вам, дорогая, не сомневаюсь. У меня столько радостных воспоминаний о той поре, когда я там жила. – Глаза миссис Далтон вдруг погрузнели. – Мы туда въехали сразу после того, как из Англии пришли сведения, что бедный мистер Крокер утонул. Другой семьи у него не было, кроме сестры, проживающей в Лондоне, но она так и не съездила в Бирмингем, так что после его смерти дом перешел к моему отцу, его деловому партнеру. – Она улыбнулась. – Разумеется, мистер Крокер питал особые чувства к маме, и, полагаю, дом оставил именно ей. Они с мамой были большими друзьями. Мистер Крокер был закоренелым холостяком. Она многие годы помогала ему устраивать увеселительные мероприятия и ухаживать за садом, и, видимо, он рассчитывал, что она будет продолжать заботиться о доме после него. И оказался прав. Я думаю, мама любила «Гребешок» так же, как Крокеры. С отцом Эдварда, Ангусом Крокером, я, конечно, не была знакома, но мама говаривала, что отец и сын друг на друга не похожи, как день и ночь. – Взгляд ее вернулся к Мэгги: – Скажите, а вы вообще знакомы с домом?

Мэгги кивнула:

– О да, мэм. Внутри я никогда не была, но я обожаю его с детства. Честно говоря, я всегда считала, что «Гребешок» – самый красивый дом в Бирмингеме.

– Правда? – Миссис Далтон явно обрадовалась. – Очень приятно это слышать, дорогая. Многие люди вашего возраста не признают старинных домов. А «Гребешок» – сама история, знаете.

Мэгги улыбнулась:

– Да, мэм, знаю.

Начало «Гребешка»

Бирмингем, Алабама 1887

В 1862 году, когда обнаружилось, что красная пыль на горе, поднимаемая колесами повозок, вовсе не пыль, а измельченная в тончайший порошок железная руда, слух быстро распространился, и это положило начало целой промышленной отрасли в этих краях.

Бирмингем был назван в честь города в Англии, где производство металла было на высочайшем уровне. У многих основателей Бирмингема, приехавших в Алабаму, перед глазами стояли блистающие образы таких гигантов, как Лондон, Глазго и Эдинбург. Они мечтали построить в Америке город, подобный им, а то и превосходящий по мощи.

Ангус Крокер был как раз таким человеком. В 1885 году он прибыл из шотландского Эдинбурга на лошади, запряженной повозкой. Заехав наверх, посмотрел с вершины Красной горы на лежавшую под ним равнину и сказал своему сыну Эдварду:

– Когда–нибудь внизу будет воздвигнут великий город.

Был нанят архитектор, и полгода спустя на этом самом месте началось строительство дома Ангуса Крокера. Он послал домой, в Европу, за лучшими каменщиками и рабочими, и все материалы были оттуда: каждый камень, каждый кирпич, каждый кусок дерева вручную погрузили на корабль и доставили из его любимой Шотландии. Хотя был он довольно прижимистым бизнесменом, на строительство дома денег не жалел. И через два года его прораб из Перта гордо вручил Ангусу ключи и провозгласил:

– Он ваш, сэр, прямиком из Шотландии, дом на гребешке горы, с видом, не имеющим себе равных.

С этих самых пор дом зовется «Гребешком», это название было выбито в камне арки над дверью парадного входа. А ниже, буквами поменьше, шла надпись: «Выше некуда».

После того как дом обставили мебелью, разбили сады и площадки, состоялось официальное открытие «Гребешка». Поскольку это был первый дом, построенный на горе, событие попало в газету «Нью эйдж гералд».

ЗАМОК В НЕБЕ

18 июня 1887

Вдоль всей подъездной дорожки играли на своих инструментах шотландские волынщики. Бирмингемский промышленник сэр Ангус Крокер с сыном Эдвардом приветствовал нас у дверей своего только что возведенного замка, словно парящего в небе – на самой вершине Красной горы. После краткой церемонии мэр разрезал ленточку, и толпа с благоговением совершила обзорную экскурсию по дому и парку. Не хочется злоупотреблять и без того заезженным словом «безупречный», однако все прочие выражения покинули голову вашего восхищенного репортера. В наш век неряшливых, кое–как слепленных, разлапистых построек с крышами набекрень, в наш век, когда стиль, мастерство и эстетика уступили место двум братьям–близнецам, хозяевам современной строительной промышленности – дешевизне и скорости, «Гребешок» гордо вознесся над городом как символ красоты и благородства человеческого духа, дань могуществу личности, способной создать красоту из камня и цемента, маяк, путеводная звезда, идеал, к которому все мы должны стремиться.

Может, под воздействием шотландского виски, которым обильно угощали в тот день, репортер изъяснялся чересчур патетично, однако все присутствовавшие на празднестве согласились, что «Гребешок» не только красив, но и прочен. «Простоит тысячу лет», – сказал один понимающий в строительстве человек.

«Гребешок» взлетел над городом, и другие удачливые бизнесмены начали строить себе дома, приглашая лучших архитекторов с пожеланием: «Сделайте мне что–нибудь в английском духе». Были разработаны планы жилых кварталов, посажены деревья, а улицы названы Эссекс, Карлейль. Стерлинг, Гпенвью и Гннновер–Серкл: привезенные из Англии уличные фонари с круглыми желтыми головами стояли вдоль тротуаров. Вскоре были построены сотни огромных домов из красного кирпича, известняка и в стиле эпохи Тюдоров – с длинными подъездными аллеями, и очаровательные маленькие торговые городки – Крестлайн, Маунтейн–Брук, Хоумвуд и Инглиш–Виллидж – с небольшими элегантными магазинчиками, торгующими мебелью, серебром, тканями и фарфором, привезенным из Лондона или Котсуолда.

С тех пор как дом был построен, Ангус Крокер каждый день выходил посидеть на большущей каменной террасе и наблюдал, как в долине под горой прокладывают длинные, широкие авеню центра Бирмингема. Город

вырастал не постепенно, а скачками. Каждый день все выше в небо взмывали небоскребы, и вот уже то, что прежде было сплошным темным лесом, усеяно новыми домами, и улицы протянулись насколько хватало глаз. С террасы он глядел через долину на дымовые трубы сталелитейных и металлургических заводов вокруг города – их густой оранжевый дым долетал до Теннесси и дальше. На его глазах из ничего поднялся волшебный город, чтобы стать великим южным центром современной индустрии.

У Ангуса в доме не было картин. Его любимыми картинами были очертания города на фоне неба, красные и рыжие полосы железной руды в горах и сияющие раскаленные докрасна реки железа и стали, что день и ночь вытекали из его заводов. В гостиной не было пианино. Биение пульса паровых двигателей, удары железа о железо, стали о сталь; свистки паровозов в ночи, приходящих и отходящих от Центрального вокзала, с вагонами, груженными углем и чугуном, – вот какой музыке – и только такой! – любил внимать Ангус Крокер.

В такие вечера Ангус жалел, что его отец и дед не видят, что Крокеру наконец удалось вылезти из холодных и грязных угольных шахт Данфермлина и навеки сбросить медный хомут крепостничества; что Крокер вскарабкался на вершину горы и построил замок в небе, как памятник всем прошедшим годам тяжелого труда, как дань стране, где человек, не владеющий ничем кроме мечты, может достичь успеха, превосходящего его самые безрассудные мечты.

Возможно, в глазах других то, что он сделал ради достижения этого успеха, может быть расценено как ужасное преступление, но, в отличие от своих предков, он оставит после себя Эдварду, своему единственному сыну, нечто осязаемое – огромный, жужжащий город, который он помогал возвести, громадное состояние и гордое имя. Ведь несмотря на угольную пыль и сажу внизу, на Красной горе воздух всегда свеж и чист.

Поздравляем всех

Конечно, Мэгги жалела, что отдала всю свою одежду, но, как выяснилось, это не составило и половину потерь. После встречи с миссис Далтон ей пришлось мчаться в город заново открывать банковский счет и восстанавливать кредитную карту, чтобы купить продукты, зубную пасту и щетку, мыло, шампунь и нижнее белье. Да еще телефонная компания содрала с нее кругленькую сумму за включение телефона.

Прежде чем рассказывать Этель и Бренде хорошие новости о «Гребешке», хотелось убедиться, что все в порядке и договор у нее на руках, чтобы они зря не растравили душу надеждами. Но, забежавшись по магазинам, она начисто забыла, что вчера было 4 ноября – день президентских выборов. Утром по дороге на работу она услышала по радио результаты и поняла, что Бренда будет вне себя от радости: ее кандидат победил.

Когда она прибыла на работу. Бренда еще не появлялась, но Этель сказала:

– Я, конечно, надеюсь, он окажется лучше, чем его предшественник, но что-то сомнительно. Последним хорошим президентом был Трумэн.

И Этель набросилась на свою любимую тему о политиках, обычно это длилось на пять минут дольше, чем о Голливуде. Мэгги терпеливо ждала, когда Этель закончит, а потом как можно небрежнее протянула ей подписанные бумаги.

– Это что? – спросила Этель.

– Да так, ничего, контракт на продажу «Гребешка».

Этель открыла рот:

– *Что?!* Когда ты успела?

Мэгги надеялась, что это не прозвучит как хвастовство, но не смогла удержаться:

– Позвонила другу и украла контракт у Бебс Бингингтон.

– Ты?

– *Я!*

– Поверить не могу! Йо-хоо! Это надо отметить. – Этель достала спрятанную в столе бутылку бурбона и лиловый пластмассовый складной стаканчик и налила себе. – За тебя, Мэгги, чертовка! – провозгласила она и опрокинула в себя бурбон.

Через несколько минут влетела запыхавшаяся Бренда, измотанная, но

страшно довольная результатами выборов. Мэгги встала и обняла ее:

– Ой, Бренда, как здорово, я *так* за тебя рада. Твой кандидат победил.

– Спасибо. Ты не представляешь, каково это – так долго к этому идти и наконец дожждаться, причем при жизни.

– Не представляю, но могу вообразить.

Мэгги ждала сколько могла, но через секунду не выдержала:

– Бренда, у меня тоже хорошие новости. У нас новый контракт на горе.

Бренда глянула на нее недоверчиво:

– Не может быть.

– Может! И не просто контракт, а контракт, который я украла у Бебс.

Бренда взвизгнула:

– Ну, девчонка, врешь!

– Не вру!

– Не врет! – сказала Этель и налила себе еще стаканчик. И, несмотря на то что пресвитерианка, добавила: – К черту тебя, Бебс!

Изложив Бренде все детали, Мэгги сказала:

– И угадай, что еще.

– Что?

– У меня ключи!

– Врешь!

– Не вру. Поехали. Этель, если кто-нибудь позвонит, скажи, что мы на новом объекте.

– Бальзам для слуха, – сказала Этель.

Когда они выходили из офиса. Бренда посмотрела на Мэгги и сказала:

– Это у тебя новый костюм?

– Да, новый. Решила кое-что прикупить.

– Можешь себе позволить, дорогуша. Когда мы продадим этот дом, мы разбогатеем.

Бренда болтала без умолку, пока они ехали через весь город.

– Поверить не могу, что ты перехватила этот контракт у Бебс.

Она повторяла это снова и снова, до самого «Гребешка». Дело в том, что Мэгги и сама никак не могла в это поверить.

Очень многие дома снаружи выглядят фантастически, а внутри – сплошное разочарование. Она надеялась, что в этот раз будет не так. Сердце у нее колотилось как бешеное, когда она поворачивала ключ в замке. Они вошли в холл. В воздухе витал сладковатый аромат дерева, а вовсе не тот запах времени и плесени, который ощущался почти во всех старых домах, где они бывали. Вспыхнул свет. Черно-белый мрамор под ногами – от лестницы до кухни. А лестница! Все как рассказывала миссис

Роберте много лет назад: ступени, грациозно взбегающие на второй этаж, были сработаны из самого красивого белого мрамора в мире.

– Ух ты! – выдохнула Бренда.

Направо от холла – огромная гостиная с огромными застекленными раздвижными дверями, ведущими в кабинет. Налево – торжественный обеденный зал и библиотека. Мэгги едва сдержала слезы. Внутри дом выглядел точно так, как она себе представляла. Нет, он был даже прекрасней, если такое вообще возможно.

Ангус Крокер не пожалел денег на свой дом. Дверные ручки из лучшего хрусталя, и до сих пор каждая петля, каждый замок работали исправно и надежно.

Бренда заметила:

– Да, сейчас так не строят.

Они бродили по дому, включали свет, раздвигали шторы. Мэгги радовалась, что в отличие от других больших домов, где зачастую недостает уюта, здесь угаданы очень верные пропорции комнат, а стены, обитые деревом медового цвета, наполняют помещения живым теплом. Она такого не ожидала.

Выйдя через большие стеклянные двери в задней части дома на огромную каменную террасу, откуда открывался вид на город. Бренда сказала:

– Боже милосердный, а это зрелище на сколько тысяч потянет? Представляешь, каково сидеть тут вечером?

– Представляю.

Причем не раз.

Бренда оглянулась:

– Правда, не хватает Хейзел?

– Как всегда, – сказала Мэгги.

Кухня была большая, в старом духе, с полукруглыми стойками из нержавеющей стали и шкафчиками до потолка с дверцами из граненого стекла. Рядом – комнаты для слуг и лестница, ведущая в спальни на втором и третьем этажах. Как агент по торговле недвижимостью, Мэгги знала, что такие кухни и ванные комнаты из белого мрамора некоторым могут показаться слишком уж старомодными, и заранее паниковала при мысли, что кто-то начнет что-то здесь менять. Она бы не стала. Для нее побывать в этом доме – все равно что оказаться в прошлом. Было в этом какое-то волшебство. Как будто она попала в прелестный старый английский фильм. И не нужно думать, как представить этот дом в лучшем свете. Он и так идеален.

Поскольку «Гребешок» никогда не выставлялся на продажу и никакой статистики по нему не было, они приступили к обычной процедуре – подсчету и замеру комнат. Помимо помещения для слуг они насчитали, пять ванных комнат, гостиную, библиотеку, столовую и шесть спален. От комнаты к комнате Мэгги все больше влюблялась в дом. Ковры, обои, простая и прочная, но изящная мебель, сдержанные краски, диванчики, обитые ситцем в цветочек, – все подобрано со вкусом. Даже книги на полках. Их не декоратор какой-нибудь покупал ради обложек, эти книги читались. Закончив со спальнями на третьем этаже, они собрались спускаться, и тут Бренда заметила в конце коридора дверь. Узкая, темного дерева лестница вела наверх, на чердак. Мэгги поискала выключатель, но не нашла.

– Что наверху?

– Не знаю, но вдруг там летучие мыши поселились. Давай подождем, завтра туда ходит инспектор.

– Разве тебе не охота увидеть весь дом целиком?

– Охота, но быть покусанной вампирами не слишком приятно.

– Да брось, никто тебя не покусает, топай за мной. – Бренда выхватила из сумки фонарик и пошла по узкой лестнице.

– Бренда, давай подождем.

Но Бренда рвалась увидеть все.

– Не бойся, трусиха.

– Хорошо, но если на нас нападут летучие мыши, виновата будешь ты.

Лестница упиралась еще в одну дверь. Бренда попыталась открыть ее, но, к облегчению Мэгги, дверь была заперта.

– Все, Бренда, пошли вниз.

Но Бренда сунула Мэгги фонарь и сказала:

– Подержи-ка.

– О господи...

Мэгги стояла и держала фонарь, пока Бренда не перепробовала все ключи из связки миссис Далтон. К счастью, ни один не подошел. Но радовалась Мэгги рано. Бренда выудила из сумки отвертку и принялась ковыряться в замке.

– Не ломай дверь, подожди до завтра.

Но Бренду разве остановишь.

– Отойди! – И она со всей силы двинула по двери бедром.

Раздался громкий хруст.

Мэгги спросила:

– Что это было?

Бренда не шевелилась, потом сказала:

– Не знаю. Надеюсь, не моя кость. Не хотелось бы угрожать все сбережения на новый сустав.

– О боже. Больно где-нибудь?

Бренда прислушалась к себе.

– Нет, нигде не больно.

И, повернувшись другим боком, снова долбанула по двери. На этот раз шурупы в ржавом замке поддались и дверь со скрежетом открылась ровно настолько, чтобы Бренда смогла просунуть туда руку. Попыталась нащупать выключатель, но тщетно. Тогда она отобрала фонарик у Мэгги, велев:

– Стой здесь.

Мэгги не особо хотелось торчать одной в темноте.

– Бренда, лучше не ходи туда.

Но Бренда уже протиснулась в дверь. Оглядевшись, она увидела большое занавешенное окно. Потянула за шнур – и шторы вместе с карнизом рухнули на пол, подняв облако пыли и страшный грохот.

– Ух ты! – воскликнула Бренда.

Мэгги крикнула из-за двери:

– Что случилось? Ты цела?

– Да, цела и невредима. Шторы только упали.

Когда пыль осела. Бренда огляделась. Комната оказалась почти пустой, лишь простенький стул, столик у окна и два гигантских, в человеческий рост, чемодана в углу. Бренда посветила вверх и по углам, после чего крикнула Мэгги:

– Никаких летучих мышей. Входи.

– Приятная комната. – Мэгги подошла к окну и выглянула в сад. – Ох, отсюда весь двор виден. Я бы сделала здесь кабинет, а ты? Назвала бы бонусной комнатой.

Бренда не ответила, она разглядывала чемоданищи.

– Ты только погляди на *размеры* этих монстров. Высотой с меня. Представь, как с такими в самолет попытаться войти. Гляди-ка, на них еще адрес сохранился. – Бренда вынула из сумки небольшую метелку из перьев и смела с чемоданов пыль, чтобы прочитать большую, выцветшую желтую наклейку.

КОМУ:

Мистеру Эдварду Крокеру,

Поместье «Гребешок»,

1800 Крест-роуд, вершина Красной горы,
Бирмингем, штат Алабама

ОТ КОГО:

Мисс Эдвина Крокер,
1785 Уайтхолл, Лондон, Великобритания
ПРОСЬБА НЕ ОТКРЫВАТЬ ДО ПРИЕЗДА
2 июня 1946

Мэгги подошла к чемоданам.

– Боже правый, интересно, что в них.

– Как раз собираюсь выяснить. – Бренда снова полезла за отверткой. – Говоришь, миссис Далтон ничего из вещей не нужно? Если найдем что-нибудь стоящее, всегда можем продать, а деньги отдать на благотворительность, правда?

– Ну... да, в общем, но все-таки не стоило бы открывать, пока не спросим разрешения.

– Да не волнуйся, ей на это плевать. – Бренде удалось вскрыть все четыре замка, и чемоданы-шкафы открылись. Один из них был заполнен женскими вечерними платьями, а второй – мужскими костюмами для деловых встреч.

– А-а, ерунда, просто тряпки, – сказала Бренда.

Но Мэгги с интересом перебирала платья в чемодане с женской одеждой.

– Боже, какая красота! Большинство наверняка прямиком из Парижа!

Бренда сняла одно с плечиков. Увы, вещи были не по размеру обеим, слишком маленькие. Потом Мэгги открыла один из небольших ящичков сбоку и нашла пару черных тапочек с бисером и такие же туфли.

– Надо же. Отличные костюмы для театра, раз они не нужны миссис Далтон.

– Прекрасно, – сказала Бренда. – Но прежде чем ты все раздаришь, давай поглядим, нет ли там чего-нибудь еще.

Пока Мэгги разглядывала платья. Бренда перебирала мужские костюмы. И вдруг отпрыгнула:

– Ой!

Мэгги оглянулась:

– Что? Нашла что-нибудь?

Бренда только молча таращила глаза и тыкала пальцем.

– Ой, – только и могла сказать она.

– Да что такое?

Мэгги подошла взглянуть, на что показывает Бренда. В этот самый миг луч золотистого полуденного солнца ударил в окно и будто прожектором высветил то, что находилось внутри чемодана. Увиденное испугало Мэгги чуть не до смерти. Среди мужских костюмов на вешалке аккуратно висел человеческий скелет, облаченный в шотландский парадный костюм – клетчатая юбка и лента. Одна рука, вернее, кости одной руки не принужденно засунуты в карман черного бархатного пиджака.

Мэгги вцепилась в руку Бренды:

– Господи, он что, настоящий? Не может быть!

– Вот уж не знаю, но сейчас выясню. Отойди. – Бренда шагнула к чемодану и ткнула скелет отверткой, сталь явственно стукнула о твердую кость. Бренда с воплем выронила сумку. – Чееерт, да, настоящий. Бежим!

И они с грохотом скатились по узкой лестнице. На первом этаже Мэгги, отдышавшись, сказала:

– Надо присесть.

– Я думала, меня удар хватит. – Бренда тяжело дышала. Она вытянула руку: – Ты глянь, аж мурашки, я вся трясусь. Если не съем кусок пирога или еще чего, грохнусь в обморок. А шоколадка скорой помощи наверху осталась, в сумке. Сгоняешь за ней?

Мэгги поежилась:

– Я? Нет, спасибо, я туда не вернусь. Какая еще шоколадка скорой помощи?

– Неважно. – Бренда шлепнулась на диван и принялась обмахиваться подушкой. Мэгги рухнула на стул напротив.

– Я же говорила, не надо туда подниматься. И почему ты никогда не слушаешься.

– Откуда мне было знать, что там мертвец?

– Хотя бы чемоданы не надо было... – Внезапно Мэгги умолкла на середине фразы и прижала ладони ко рту. – Боже мой.

– Ага, конечно, «боже мой». Эта хрень смотрела прямо на меня.

– Нет, Бренда. Я серьезно.

– О чем ты?

Тогда Мэгги произнесла страшное слово:

– СКАНДАЛ.

Бренда перестала обмахиваться. Все их мечты о больших, жирных комиссионных растаяли в воздухе. Обе достаточно долго работали в торговле недвижимостью, чтобы знать: народ не слишком стремится покупать дома, где обнаружены мертвые тела. И уж не передать, насколько

крепко это отразится на цене.

– Ну все. Прощай, мечта моя, телевизор, – взвыла Бренда.

Мэгги затрясла головой:

– Просто поверить не могу. Ну почему именно в этом доме?

– Что же теперь делать?

– Не знаю, – вздохнула Мэгги. – Наверное, прежде всего – звонить в полицию. Ох, какой кошмар, оказаться замешанными в таком деле! Газеты раздуют бог весть что. Кто станет посылать кому-то мертвое тело?

– Ты меня спрашиваешь? Откуда мне знать.

– И что вообще оно делало в чемодане?

– Может, зайцем ехало?

– Без билета?

– Ну да. Может, беднягу просто забыли выпустить из чемодана.

Мэгги рылась в сумке.

– Где же телефон... а, вот. Бренда, позвони сама. Я слишком нервничаю. Только постарайся не называть наших имен, если получится.

– Ладно, постараюсь. – Бренда неохотно взяла телефон. – А что сказать-то?

– Скажи, что мы, два агента по торговле недвижимостью, осматривали, так сказать, старые чемоданы... нет, этого не говори, подумают еще, что мы хотели украсть вещи. Не говори, что ты взломала их отверткой. Нет, погоди! Не выйдет. Они увидят, что чемоданы вскрыты. Господи, наверное, придется сказать правду. А то еще посадят. – Мэгги уткнулась в ладони: – О нет, теперь нас привлекут к следствию. Наверное, отпечатки пальцев станут брать и все такое. Но что теперь ныть-то. Ничего не изменишь. Давай, звони. А потом, конечно, нужно будет все рассказать миссис Далтон.

Бренда начала набирать номер полиции, но остановилась:

– Подожди-ка! Прежде чем звонить, давай подумаем. Никто ведь не в курсе, что мы нашли мертвеца, верно?

– Да. И что?

– Так, может, и не надо никуда звонить.

– Как не надо, надо. Мы должны сообщить.

– Зачем?

– Потому что когда находишь труп, нужно сообщать.

– Почему? Он умер давным-давно, это другое дело.

– Так все равно же умер.

– Да, но не так, как та женщина, которую Джуди Спирс нашла в морозильной камере. У той сохранилось целиком тело. Джуди говорила, на

ней были сережки и корсет. Муж зарезал ее ножом для колки льда.

Мэгги поморщилась:

– Избавь меня, пожалуйста, от подробностей. К чему ты клонишь?

– К тому, что Джуди-то нашла целое мертвое тело, а мы – одни кости.

– Целиком или нет, но человек же. Придется звонить... Господи! Я не учла. Мы же не знаем, как он умер. Мы можем оказаться причастными к расследованию убийства!

– Вот именно. Учти, что дом, в подвале которого Джуди нашла труп, так и не продан.

В конце концов его снесли и построили на его месте магазин «Джиффи Люб».

– Я все понимаю. Бренда, но как добропорядочные агенты мы должны сообщить.

– Зачем? Мы не давали клятву Гиппократу. Ты же не хочешь, чтобы этот дом снесли с лица земли из-за каких-то старых костей?

– Не хочу, конечно, но также не хочу, чтобы меня арестовали за сокрытие улик. А если обнаружится, что мы не сообщили, это расценят как неэтичное поведение. Нас могут лишить лицензии.

Бренда сказала:

– Слушай, тебе не кажется, что Бебс Бингингтон делала вещи и похуже? Думаешь, женить на себе двух мужиков, чтобы заполучить контракт, этично? А красть клиентов направо и налево этично? И ее не лишили лицензии. К тому же скелет никакой угрозы здоровью покупателя не несет, это тебе не плесень, не асбест, не слабый фундамент, а всего-то навсего горстка старых костей, убрать их – и все дела, никому они не повредят.

– Может, оно и так, но если кто-нибудь когда-ни... – Мэгги вдруг оборвала себя на полуслове и уставилась на Бренду: – В каком смысле – «убрать»?

– В прямом.

– Бренда, да что с тобой такое? Нельзя просто взять и убрать труп. Это не набор тарелок, не картина. У нас обязательства перед моралью и законом – выяснить, кто он, вернее, кем он был, не говоря уж о христианском долге известить семью и удостовериться, что его похоронят должным образом.

– Мы все сделаем, но не обязательно же делать это сейчас, правда? Надо и о бизнесе подумать. Нам нужно продать дом, а этот человек ждал похорон с 1946 года, так подождет еще немного, пока мы не закроем контракт и я не получу свой телевизор. Бедняга мертвее мертвого. Какая

ему разница.

Мэгги понимала, что в словах Бренды есть зерно истины.

– Подумай, пока я не вернусь, – сказала Бренда, вставая.

– Ты куда?

– За сумкой. А то без сладкого тоже скоро копыта откину.

Бренда ушла, а Мэгги задумалась. Она ведь отложила свои речные планы, только чтобы продать «Гребешок» и спасти его от Бебс и бульдозеров. Искушение соврать велико, но она, как всегда, разрывалась и не знала, что делать. Надо же не забывать и о своей репутации. В конце концов, она ведь бывшая Мисс Алабама. Бренда вернулась через несколько минут, жуя шоколадный батончик «Херши», и спросила:

– Ну, что надумала?

Мэгги мрачно смотрела на нее.

– Когда ты говорила «убрать», что именно ты имела в виду?

– Очень просто. Мы уберем его из чемодана.

– Мы? Я до него не дотронусь. Я боюсь. Ты не знаешь, от чего он умер. Может, от бубонной чумы или еще чего-нибудь в этом роде.

– Ой, если боишься, у Робби целый ящик забит медицинскими перчатками, я тебе принесу парочку. Идет?

– Ну... если... просто гипотетически... *Если* бы мы его решили убрать, то делать бы это пришлось ночью.

– Почему?

– Потому что нельзя посреди бела дня разгуливать со скелетом по улицам.

– Давай весь чемодан унесем.

– Что? Нам вдвоем его не поднять, он тонну весит. А сообщников нам точно уж не нужно.

– Ты права, они всегда в конце тебя предают, – покивала Бренда. – Мы сами вытащим его из чемодана и унесем.

– Но звучит это так... Так незаконно! Вряд ли я смогу.

Бренда прищурилась:

– Трисишь?

Аргумент был убедительный.

– Ладно... Скажем так, *если* бы мы его решили убрать, куда бы мы его дели?

Бренда подумала секунду.

– А может, к тебе?

– Ко мне? Куда?

– Может, под кровать?

– Бренда, ты в своем уме? Я что, буду спать со скелетом под кроватью? К тому же ко мне постоянно люди приходят смотреть дом, и Люп каждую неделю моет полы.

– О, придумала. Можно сдать его на хранение. У нас с Робби есть секция в «Веставиа мини-склад». Робби туда и не навещается никогда, в основном там мое барахло хранится.

– Уверена, что Робби туда не заглядывает?

– Да, уверена.

– Хорошо, допустим, продали мы дом, а дальше что? Как мы объясним, каким образом он... оно... он добрался отсюда до «Веставиа мини-склад»? Пешком дошел?

– Нет. Найдем кого-нибудь, чтобы доставили чемоданы на склад, потом сунем его на место, а когда продадим дом, скажем, мол, только что открыли чемоданы и обнаружили его.

– Ага, а как ты объяснишь, почему мы увезли чемоданы?

– Очень просто. Готовили дом для показа и убрали старый хлам. Это не вызовет вопросов.

– В общем, да. – Мэгги почти капитулировала. Ей и раньше доводилось отдавать чужие вещи на хранение. – Но прежде чем что-то решать, я должна позвонить.

Бренда протянула ей телефон, Мэгги набрала номер и закрыла глаза, готовясь к разговору.

– Здравствуйте, миссис Далтон, это Мэгги Фортенбери. Простите, что беспокою вас, но мы с моим партнером Брендой сейчас в доме, и оказалось, что у нас не все ключи. Я хотела узнать... есть ли у вас ключ от чердака?

– От чердака? – спросила миссис Далтон.

– Да, мэм, на четвертом этаже – туда ведет узкая лестенка.

На том конце провода долго молчали.

– А-а! Поняла, о чем вы. Нет, увы, ключа у меня нет. Нас туда никогда не пускали. Мама сказала, чтобы мы туда не смели ходить, а в те времена мамино слово было закон.

– Ага... А может, вы тогда знаете, у кого могут быть ключи?

– Нет.

– Понятно. Значит, вы не в курсе, что там наверху?

– Нет, к сожалению, не имею ни малейшего представления.

– Ну что ж. Тогда все, спасибо.

– Я же объясняю – когда я была ребенком, мамино слово было закон, не то что теперь. А тогда, если мама говорила: «Ешь овощи», ты ела овощи.

Мэгги повесила трубку, чувствуя себя немного лучше. Последний

оставшийся в живых обитатель дома не знал, что на чердаке в чемодане спрятан труп. Это хорошая новость. Плохая же новость в том, что если уж им придется перевозить скелет, то сделать это нужно сегодня ночью. Она так горела желанием продать «Гребешок», что поспешила позвонить и вызвать инспектора на завтрашнее утро, а раз уж Бренда взломала дверь, он непременно зайдет туда с проверкой. Так что сейчас ей придется принять решение и молиться, чтобы оно оказалось верным.

На дело

5 ноября

Вечером испуганная Мэгги дважды посигналила у дверей Бренды. Подруга вышла, облаченная до самых ушей в черное, в руках она держала одеяло. Забравшись в машину, она сунула Мэгги пару хирургических перчаток:

– На, надевай. – И скорчила рожу: – Где ты раздобыла это розовое пальтишко?

– Новое.

Бренда удивилась: обычно Мэгги одевалась более элегантно, но ничего не сказала. Подъезжая к «Гребешку», Мэгги выключила фары и в темноте припарковала машину. С помощью фонарика Бренды они отыскиали путь наверх. На чердаке разложили на полу одеяло, и Бренда попыталась вытянуть вешалку со скелетом, но та застряла.

– Не получается. Придется тебе помогать.

Мэгги закрыла глаза, пошуровала внутри чемодана–шкафа и раздвинула одежду вокруг, чтобы стало просторнее. Бренда дернула вешалку, что-то упало, сткунув о дно чемодана.

– Что это? – спросила Мэгги.

– Не знаю.

Бренда аккуратно уложила скелет на одеяло. Скелет жутковато бряцал костями. Мэгги была на грани обморока. Бренда завернула скелет в одеяло, подняла и закинула на плечо. На улицу Мэгги выскочила первая, открыла заднюю дверцу машины, и Бренда положила ношу на сиденье.

По дороге в «Веставиа» Бренда то и дело оглядывалась и светила фонарем назад – убедиться, что все в порядке. Внезапно луч света лихорадочно зашарил по заднему сиденью.

– Боже! – шепотом завопила Бренда.

– Что? – взвизгнула Мэгги, чуть не пустив машину под откос.

– Тебе это не понравится. У него нет ноги!

– Что?!

– Ноги нет. Мы где-то потеряли ногу!

– Ногу?

– Да. У этой штуки всего одна нога.

– А на полу ты посмотрела?

– Да, везде уже смотрела. Поворачивай. Надо вернуться.

Мэгги заложила крутой вираж, и тут же сзади взвыла сирена, в темноте замерцали синие огни. Бренда перестала дышать.

– Добрый вечер, – сказал полицейский.

– Добрый вечер, – ответила Мэгги с широкой улыбкой. – Что-нибудь не так?

– Мэм, вы в курсе, что только что совершили недозволенный разворот?

– Правда? Ой, простите. Я просто вспомнила, что кое-что забыла, решила вернуться, ну и отвлеклась от дороги.

– Будьте добры ваши права и документы.

– Конечно.

– Вы что-нибудь сегодня пили, мэм?

– Нет, сэр, я никогда не пью за рулем.

Пока полицейский изучал ее права, Мэгги непринужденно сказала:

– И если вам станет любопытно, почему у меня на заднем сиденье лежит скелет в шотландском килте, то у меня есть тому объяснение.

В эту секунду Бренде захотелось выпрыгнуть из машины и дать деру, но она примерзла к сиденью и не могла шевельнуться.

Полицейский поглядел на нее и сказал:

– Что, простите?

– Я говорю, что вам наверняка интересно, почему у меня на заднем сиденье лежит скелет в шотландском килте. Так вот, у меня есть тому объяснение.

– Правда?

– Да. Шотландское общество на прошлой неделе устраивало большое празднование Хэллоуина, а мы с подругой в комитете по оформлению. Сейчас возем скелет назад.

Полицейский направил фонарь на заднее сиденье и увидел череп, торчащий из одеяла.

– Этот парень что, настоящий?

Мэгги засмеялась:

– Ну... Выглядит, конечно, совсем как настоящий, правда? Но нет, он пластмассовый. Один из членов сообщества мануальный терапевт, он каждый год разрешает нам взять свое наглядное пособие для декорации, а тут моя подруга. Бренда, как раз заметила, что мы где-то ногу потеряли, ну я и поторопилась за ней вернуться. Разволновалась из-за скелета, простите уж меня.

– Ладно, на этот раз ограничимся предупреждением, но впредь будьте

чуть осторожнее, дамы, договорились?

– Непременно, огромное вам спасибо, офицер. Я с большим уважением отношусь к вашей службе. У вас тяжелая работа, верно?

– Верно, мэм. Нелегкая.

– Еще раз спасибо. И спокойной ночи.

Вообще–то в другой ситуации, останови он машину со скелетом на заднем сиденье, патрульный наверняка что–нибудь заподозрил, но поведенная история была столь нелепа, что не могла оказаться неправдой. И честно говоря, таких красавиц он без особой нужды не штрафовал.

Когда они отъехали на приличное расстояние. Бренда наконец–то снова начала дышать. Она восхищенно смотрела на Мэгги:

– У тебя нервы крепче канатов. Как тебе такое в голову пришло?

– Не знаю, не будем об этом. Что насчет ноги? – спросила Мэгги.

– Да шут с ней, с ногой, можно и завтра поискать. Клянусь, ты достойна «Оскара» за это представление, дорогуша. Мэрил Стрип по сравнению с тобой студентка!

Хоть комплимент ей и понравился, Мэгги знала, что, вероятно, предоставила полицейскому гораздо больше информации, чем того требовалось, но она посмотрела достаточно серий «Копов», чтобы уяснить: если у тебя в машине есть что–либо запрещенное, лучше об этом сказать сразу, прежде чем они сами найдут. Она, конечно, соврала, что скелет пластмассовый, зато в тюрьму они не попали. По крайней мере, пока.

До склада они добрались другой дорогой, на сей раз без приключений. Скелет спрятали за старым комодом.

Высадив Бренду, Мэгги не могла не задуматься. Она, конечно, никоим образом не философ, но сами посудите. В тот самый день, когда она собиралась прыгнуть в реку, выясняется, что дом, который она всю жизнь так любила, продают. Это ли не ирония судьбы? А скелет! Конечно, большой вопрос – кто этот человек и что он делал в шкафу. Кто или что его убило? И где, прости господи, нога?

Всю ночь Мэгги не сомкнула глаз, пропавшая нога не шла из головы. Ну что за напасть, она ведь только–только начала нормально засыпать.

Еще одна загадка

Четверг, 6 ноября

На следующее утро ровно в семь Мэгги открыла дверь «Гребешка». Следовало как можно скорее найти конечность скелета. Первым делом она осмотрела чемодан–шкаф, на дне отыскалась туфля, но ноги там не было. Бренда прибыла без четверти восемь, и вместе они проследили весь свой вчерашний путь от чердака до машины и обратно. Потом обыскали сад – без толку. Мэгги чувствовала, что сходит с ума. Бренда же сказала:

– Слушай, раз в доме ноги нет, мы в безопасности. К тому же, может, он вообще одноногий был. А если нет и ногу мы потеряли, то ее наверняка уже псина какая–нибудь утащила да и закопала в укромном уголке. Так что волноваться не о чем.

Мэгги представила, как по окрестностям носится собака, а из пасти у нее торчит человечья кость. Картинка ей совсем не понравилась, но что она могла поделать? Немного успокоилась она, только когда инспектор дописал отчет. Кроме нескольких мелочей, состояние дома было оценено на отлично. Никакой плесени, минимальное повреждение термитами, никакой ржавчины в трубах, никакой влаги на стенах подвала.

– Да–а, нынче так не строят, – заключил инспектор.

После того как он ушел, Мэгги пришлось сгонять к реке за спрятанными там вещами. Неизвестно, сколько времени пройдет, пока дом продается, так что лучше забрать, а то еще кто–нибудь наткнется. В два приема она погрузила все в машину, донельзя заляпав новенькие туфли. Дома Мэгги вспомнила, что еще кое–что не сделала. Позвонила Дотти Фигг и сказала, что дом сегодня не освободится.

Придерживаясь метода Хейзел, Мэгги хотела представить «Гребешок» в наилучшем виде, чтобы он сверкал чистотой и был готов к торгам на следующей неделе. Незачем тянуть время. Благодаря миссис Далтон сад был в хорошей форме, плющ на стенах дома зеленел и курчавился, живая изгородь из английского самшита вдоль подъездной дорожки тоже смотрелась отменно. Единственное, что нужно, – это хорошая уборка. Стоя на террасе, Мэгги пыталась представить, какой вид открывался отсюда давным–давно, когда других домов на горе не было. Шотландец по имени Ангус Крокер построил «Гребешок» в 1887 году для своего сына Эдварда,

который утонул в море, – это Мэгги знала.

Потом Мэгги постояла на крыльце, изучая большую дверь – не надо ли ее заново покрыть лаком? Решила – не надо. Нужно только вымыть маленькое окошко в центре двери и, возможно, нанять кого-то, чтобы помыть из шланга каменный фасад. Это всегда освежает старинные дома.

Глядя вверх, она вдруг углядела три коротких слова, вырезанных на каменной арке над дверью: *Больше не тирлд*.

Тирлд? Что это значит? Может, написано с ошибкой? Бессмыслица, а не слово. Или какая-то фамилия?

Вернувшись на работу Мэгги спросила Этель и Бренду но и они не знали, что значит «тирлд». Потом ей пришло на ум, что раз дом строил шотландец, то, может, слово шотландское? Бренда, спец в компьютере, села и набрала в Google: ШОТЛАНДИЯ, ТИРЛД. То, что выдал поиск, поразило их обеих, особенно Бренду.

Тирлд – термин, обозначает человека, работавшего на угольных копях Шотландии. Тирлды на всю жизнь были привязаны к компании, которая их наняла, и носили на шеях металлические ошейники с именем владельца. Они добывали уголь глубоко в шахтах, а их жены и дети выносили его наружу в корзинах. Им платили два шиллинга и шесть пенсов (60 центов) за двенадцатичасовой рабочий день, и плюс к этому они оплачивали проживание, пропитание и медицинскую помощь. Чтобы выжить, многие семьи день и ночь трудились в холодных и пыльных угольных шахтах. Тирлды были крепостными, и, если кто-то из них снимал ошейник и убегал, его всегда ловил шериф и возвращал хозяину. Беглеца наказывали кнутом. Наказывали за кражу у хозяина себя самого. Этот закон действовал в Шотландии до 1799 года.

– Неудивительно, что бедняга радовался, что больше не тирлд, – сказала Бренда.

История семьи Крокеров

Очень мало кто знал, что Крокеры происходили из длинной череды тирлдов, и даже после отмены этого закона в 1799 году жизнь их еще долго не менялась к лучшему.

Ангус Крокер всю свою жизнь провел в голоде, холоде и грязи, – один из двенадцати детей, подрастающих в жалкой лачуге неподалеку от угольной шахты, где работал его отец, едва наскребая на пропитание. Ангус был хорошим учеником, но так же, как и его братья, в десять лет был отправлен на шахту. Мальчик в его положении без денег не имел надежды стать никем, кроме углекопа, но, когда ему исполнилось пятнадцать, судьба преподнесла ему подарок. В 1863 году, во время гражданской войны в Америке, вдруг возник недостаток в рабочих на копях в Пенсильвании. В газете появилось объявление, что угольная компания нанимает людей на хорошую зарплату, и Ангус не упустил шанса. Он работал в ночную смену на шахте под Питтсбургом, а днем учился в школе. За восемь лет стал десятником, потом прорабом и, наконец, управляющим. Умный и честолюбивый, он привлек внимание боссов. На них произвело впечатление умение Ангуса выбирать участок и держать под контролем своих людей, и его выдвинули на место директора шахты. Вскоре он уже ездил в Шотландию и обратно, представляя интересы компании. В одну из таких поездок в Эдинбург он познакомился с Эдвиной Сперри, единственной дочерью Джеймса Эдварда Сперри, а затем и женился на ней. Это был удачный брак. По закону, после смерти тестя Ангус получал полный надзор за наследством жены и за всеми копиями семьи Сперри в Шотландии. Как преданный зять, он оставил компанию в Америке и стал работать исключительно на своего тестя. Через тринадцать лет, после смерти тестя, они с женой переехали в большой фамильный особняк в Эдинбурге, и Ангус Крокер стал хозяином собственных копей. С деньгами тестя и способностями Ангуса шахты Крокера – Сперри вскоре стали самым большим угледобывающим предприятием в стране.

В возрасте тридцати девяти лет Эвина Сперри–Крокер впервые забеременела, и Ангус вздохнул с облегчением. Наконец–то у семей Крокер и Сперри появится наследник. Для Ангуса это означало еще один большой шаг прочь от грязных копей Данфермлина. Чтобы удостовериться, что все пройдет как нужно, он нанял частную сиделку, дабы та исполняла все просьбы его жены в последние – самые важные – недели беременности.

Когда час пробил, на дом вызвали семейного врача, и Ангус вышагивал по коридору первого этажа в ожидании новостей. Эдвина была слаба после долгих и трудных родов, но юная сиделка, желая порадовать своего богатого нанимателя, поспешила к лестнице и крикнула Ангусу, что его жена родила двойню. У него сын и дочь! Близнецов не ожидалось, но Ангуса больше всего радовало, что у него будет сын, сын по имени Эдвард.

Сын ему нужен был для того, чтобы носить фамилию Крокер–Сперри, и тогда их бизнес будет в безопасности. И никто, даже его подлые, завистливые братья и сестры, которые вечно ждут милостыню, никогда не смогут украсть то, что принадлежит ему по праву. У него есть наследник! Ликующий Ангус поспешил в кабинет, налил себе виски и принялся строить планы для своего мальчика. Завтра он пошлет за адвокатом и изменит завещание. Все, чем он владеет, перейдет к его сыну. И если он по какой–то случайности умрет прежде, чем мальчик достигнет совершеннолетия, нужно вписать пункт о пожизненных отчислениях жене и дочери, но как только сыну стукнет восемнадцать, все – шахты, недвижимость – перейдет в его собственность, чтобы в свое время перейти к его сыну. Позже, уже покинув Шотландию и построив новый дом в Америке, Ангус стоял и с великой гордостью наблюдал, как рабочий вырезает надпись над входом: «Больше не тирлд».

Утерянный предмет

Мэгги не терпелось поскорее выставить «Гребешок» на торги, и она попросила фирму «Кровельные работы Григгза», к помощи которых они всегда прибегали, проверить черепицу. Субботним утром подъехав к дому, Мэгги увидела, что мистер Григгз уже трудится на крыше, а его десятилетний сын Уоррен играет на веранде. Он был славный мальчуган, и Мэгги обрадовалась. С чем он там играет? Какая-то палка, беспечно думала она, пока не пригляделась. И тут едва не лишилась чувств. Мальчик увлеченно пинал по каменному полу – что бы вы думали? – пропавшую кость!

О господи. Надо очень деликатно уладить этот вопрос, чтобы не встревожить мальчугана. Она поздоровалась:

– Привет, Уоррен.

Тот поднял игрушку:

– Гляди, что я нашел! Это же нога, у нее пальцы есть и все остальное! – Он погремел находкой над головой.

– Ух ты, да, вижу. А где ты ее нашел, милый? – спросила Мэгги как можно небрежнее.

– Вон там, в кустах. – Мальчик ткнул конечностью в живую изгородь из самшита. – В понедельник возьму в школу. Думаю, это нога настоящего мертвеца.

Мэгги улыбнулась:

– Да, выглядит совсем как настоящая, но она не настоящая.

Уоррен снова потряс своей добычей:

– А по мне, так настоящая.

– Нет, дорогой, она слишком мала, чтобы принадлежать человеку.

Мальчик нахмурился:

– Вы уверены?

– О да. Ты слышал о кроличьей лапке, приносящей удачу?

– Да, мэм.

– Так вот, то, что ты нашел, – это приносящая удачу обезьянья нога.

– Обезьянья нога?

– Именно так. Дама, которая когда-то здесь жила, потеряла ее, когда переезжала, и очень обрадуется, что ты ее нашел. Она наверняка захотела бы подарить тебе двадцать пять долларов в награду. Правда, замечательно? Отдай мне ее, и я прямо сейчас ей отвезу твою находку и вручу тебе

гонорар, хорошо?

Уоррен медлил расставаться с частью скелета, и Мэгги добавила:

– Знаешь, думаю, она даже и тридцать тебе дала бы! – Она была готова поднять ставку до пятидесяти, но Уоррен, к счастью, согласился на тридцать.

На обратном пути, с ногой в сумке, Мэгги умирала от ужаса. Во что превратилась ее жизнь? За каких-то три дня она успела украсть мертвеца, соврать полиции и только что бессовестным образом подкупила невинное дитя. Встав на преступный путь, уже с него не сойдешь.

Бренда ждала перед складом и, заскочив в машину, принялась оглядываться, не видел ли кто-нибудь, как она садится.

– Где?

Мэгги открыла сумку.

– Здесь, – сказала она, тоже поневоле озираясь. – О боже, чувствую себя так, будто наркотиками торгую.

Бренда извлекла из сумки скелетову ногу и сунула ее в бумажный пакет из «Баскин-Ро-бинс».

– Есть. – И, вылезая из машины, добавила: – Надеюсь, это та нога.

Мэгги крикнула вслед:

– В каком смысле – *mal*

Но Бренда не услышала. Так, отлично. Теперь этот вопрос застрянет в голове – не выкинешь. Что Бренда имела в виду? От нашего ли скелета нога? А может, это левая нога, а нужна-то правая? О боже, это наказание за то, что украла чужой контракт, так она и знала. Наконец Бренда вышла из дверей склада. С очень странным выражением на лице.

– Ну? – спросила Мэгги. – Как нога, та?

– М-м?

– Все в порядке с ногой?

– Нет, не совсем.

– Что? Это не может быть не та нога!

– Да нет, нога-то та, что нужно, не путай меня. В общем, не хочется тебя огорчать, но у нас не хватает пальца.

– Какого еще пальца?

– Мизинца. Ты не сосчитала пальцы перед тем, как положить ее в сумку?

– Нет... Не считала я никаких пальцев, как-то в голову не пришло.

– Так, успокойся-ка и посмотри в сумочке, может, он где-нибудь застрял...

– Боже всемогущий.

Она среди бела дня ищет в своей сумке мизинец совершенно незнакомого господина. К счастью, палец и вправду обнаружился в сумке, и Мэгги вручила его Бренде. Прощай, любимая сумка, разве она сможет теперь ею пользоваться? Но по крайней мере, все детали скелета нашлись.

Человек на стене

В понедельник утром команда уборщиков, нанятых Мэгги, атаковала дом, так что когда Бренда пришла с расценками на особняки в этом районе, им пришлось укрыться от шума в библиотеке. Бренда села за стол и открыла папку.

– Ты знала, что восемь из десяти купленных в прошлом году домов продала Бебс?

Мэгги лишь пожала плечами.

– Как ей это удастся? Она словно акула: жрет и плывет, жрет и плывет.

Пока Бренда приводила в порядок бумаги, взгляд Мэгги рассеянно скользил по стенам и вдруг наткнулся на портрет маслом, висящий над камином. Она уже видела картину, но только теперь сообразила, что человек на портрете одет в традиционное шотландское одеяние – в точности как и скелет.

– Боже мой! Бренда, гляди.

Бренда подняла глаза:

– На что?

– Просто обернись. Это то, о чем я подумала?

Бренда посмотрела. Встала, подошла к картине вплотную.

– Наряд тот же, ну да.

– Ты уверена?

– Абсолютно. Вплоть до пряжки на ленте. – Бренда повернулась к Мэгги, глаза у нее были как блюдца: – Дорогуша, у нас на складе мистер Эдвард Крокер собственной персоной.

– Не может быть. Миссис Далтон сказала, что он утонул, а тело так и не нашли.

– Знаешь, спорить не буду, но на золотой табличке под портретом ясно написано: Эдвард Крокер. И не знаю, как ты, но я пошла отсюда. Кости – одно дело, но смотреть на него во плоти – совсем другое! Мороз по коже.

Мэгги поспешила следом, удивляясь, как это человек, погибший в море, мог оказаться в чемодане. Что дальше?

Ближе к вечеру, когда Бренда ушла, Мэгги вернулась в библиотеку, чтобы еще раз взглянуть на портрет. Человеку на холсте было на вид за сорок, у него были синие глаза, розовые щеки и соломенного цвета волосы, он стоял возле дерева в напряженной позе. Взгляд его был устремлен вдаль. Мэгги присмотрелась. Казалось, в его глазах есть какая-то смутная

мягкость. Об Эдварде Крокере она знала только то, что рассказала ей миссис Далтон, и то, что она читала еще в школе: он был богат и могуществен, настоящий угольный и стальной воротила, и он много хорошего сделал для города. Конечно, Мэгги не на сто процентов уверена, что скелет принадлежит Эдварду Крокеру, но что-то в его глазах пробудило серьезный интерес к этому человеку.

Начало Эдварда Крокера

1884

С первого дня рождения няня, профессиональная медсестра Летти Росс, никогда не оставляла Эдварда Крокера одного. И хотя была она молода и привлекательна, времени на ухажеров у нее не оставалось. Летти находилась на посту 24 часа в сутки, 7 дней в неделю, она даже ночевала в комнате своего подопечного. Ангус Крокер боялся, что в дом проникнут похитители детей. Внизу, в долине, проживали личности, гораздые на что угодно ради денег.

Из-за этого отцовского недоверия к чужим Эдвард не играл с другими детьми, да и вообще почти не выходил на улицу. Эдвард пошел в мать, был слаб здоровьем и предрасположен к простудам, на лету ловил всякие инфекции, но Ангус не разрешал Летти вызывать врача. Он не доверял и докторам. Он ведь сам в детстве частенько болел, и ничего.

Но Летти, будучи медицинской сестрой, в докторов верила. Дома, в Шотландии, ее брат учился на врача. И Ангус не знал, что Летти Росс переодевала Эдварда в девочку и в таком виде показывала его городским докторам, выдавая за свою дочь. В те годы повсюду свирепствовали чума и тиф, и Летти не желала рисковать. Поэтому она поклялась Господу, что сделает все, чтобы с ребенком, за которого она отвечает, ничего не случилось, и если малышу нужны лекарства, то он их получит, и пусть Ангус Крокер катится к чертям. Но, если не считать этих визитов к врачу и редких выездов под тщательным присмотром на копи и сталеплавильные заводы Крокер – Сперри, Эдвард редко покидал пределы «Гребешка». В общем, ничего особенного в этом не было. То были времена частных учителей и частных нянь, и все необходимое доставлялось Эдварду прямо на гору. Частные парикмахеры стригли его, одежду привозили на дом, а выбирала ее Летти. Школьную программу преподавали тоже на дому. У Эдварда было все, что может пожелать мальчик, – все, кроме друзей и любящего отца. У Ангуса Крокера был только один интерес к мальчику – научить сына бизнесу, чтобы тот смог однажды занять его место. А потому весь мир Эдварда крутился вокруг Летти Росс. А для все еще юной Летти, скучавшей по братьям и сестрам, Эдвард был единственным товарищем. Они вместе играли, выдумывали забавы и веселились. Но, когда Эдвард

вошел в определенный возраст, они вдруг сблизилась по-новому. У Эдварда и Летти Росс появилась тайная близость, о которой никто никогда не узнает.

Трудные торги

Следующие несколько дней Мэгги изучала рынок и размышляла – какую же выставить цену за «Гребешок». В этом как раз и состоял весь фокус. Запросишь слишком мало – оскорбишь и дом, и соседей; запросишь слишком много – дом может надолго зависнуть на рынке. Для нее самой дом, разумеется, был бесценен, но тем не менее цену назначить было необходимо, и на торги его выставили за сумму чуть меньше трех миллионов – 2 800 000, – намного меньше, чем можно было выручить при удачном раскладе, и все же цена достойная. А для Мэгги, знавшей, за сколько уходят псевдотюдоровские новоделы, это была честная цена. «Гребешок» настоящий, а не какая-нибудь подделка. Это не просто дом, это произведение искусства.

Но, как ни любила Мэгги «Гребешок», она боялась, что продать его будет трудно. В наши дни всем подавай одно и то же: большую гостиную, объединенную с кухней, со столешницами под гранит и шкафами из вишни; в домах непременно должны быть кабинет, шкафы-подсобки, съемные рамы на окнах, чтобы легче мыть; ванна-джакузи; аудиосистема; место для обедов на свежем воздухе со встроенным грилем; гараж на три-четыре машины; школы и магазины по соседству.

«Гребешок» был бы идеален для самой Мэгги. Ей не нужна рядом школа, и кухню она предпочитает отдельную со столовой. Повар из нее никудышный, так что лучше бы никто не лез к ней с разговорами по душам, когда она пытается сварганить что-нибудь мало-мальски съедобное. И зачем барная стойка в кухне, если всегда можно сервировать настоящий обеденный стол? Еда во дворе на пластиковых тарелках также не входила в ее представления о красивой жизни. Но, увы, Мэгги была в меньшинстве.

Мэгги понимала, насколько важно правильно выставить жилье на рынок. «Гребешок» не из тех домов, рядом с которыми можно воткнуть в землю плакат «ПРОДАЕТСЯ». А как же тогда? А так: потихоньку, аккуратненько доносишь до нужных людей информацию, что дом свободен. Мэгги решила не идти обычным путем и не выставять дом на показ риелторам. Лишняя трата времени и денег, учитывая, что только половина агентов имеют дело с дорогими особняками. Но главная причина заключалась в том, что ей не хотелось встречаться с Бебс Бингингтон.

К вечеру четверга, после того как Этель с Брендой ушли, Мэгги села за

объявление, которое собиралась разослать клиентам, желающим обзавестись «домом на горе». Черновик получился таким:

ВПЕРВЫЕ НА РЫНКЕ

Один из самых грандиозных жилых объектов города выставляется на продажу. Этот ни с чем не сравнимый, удивительно красивый особняк удовлетворит самый утонченный вкус. Элегантный и сдержанный, идеально подходящий для разборчивого покупателя, он порадует вас сводчатыми потолками, семью каменными каминами и восхитительным, с оригинальным рисунком, паркетом. Приглашаем на день открытых дверей в субботу с 2 до 4 пополудни.

Она перечитала объявление. К несчастью. Хейзел не могла дать совет, и Мэгги снедала тревога. Все остававшиеся на счете деньги она отослала «Обществу спасения» и в Красный Крест, не просить же их обратно. И кто знает, как сложится дальше. Так что пришлось взять месячный кредит в банке, чтобы как-то продержаться, и, если дом не продается, ей грозят большие неприятности. Господи, как же не хватает Хейзел. Та вселяла уверенность во всех сотрудников: они, мол, самые умные, самые сильные и никогда не ошибаются. Да ничего подобного. С тех пор как Хейзел не стало, все идет вкривь и вкось. Мэгги сидела и думала: что же в Хейзел было такого, что и она сама, и все ее дело держалось на плаву? Рядом с ней невозможно было пребывать в дурном настроении. Но как ей это удавалось? Однажды Мэгги спросила:

– Хейзел, ты никогда ни о чем не грустишь?

Хейзел взглянула на нее с удивлением:

– Нет. А с чего мне грустить-то?

– Ну, не знаю... многие люди себя жалели бы, будь они...

– Будь они карликами? – захохотала Хейзел. – Ой, может, я бы себя и жалела, но знаешь, что сделали мои родители? Когда мне исполнилось восемь, они повезли меня на Лонг-Бич в Калифорнию смотреть конкурс красоты «Мисс Лонг-Бич».

– Зачем?

– Вот и я недоумевала. Но когда все закончилось, ведущий объявил, что настало время второго отделения конкурса, «Мисс Кроха Лонг-Бич». И на сцену вышли десять восхитительнейших лилипутов. Толпа просто взорвалась. Там были близнецы в вечерних платьях, и один лилипут, одетый в маленький китайский костюмчик, и крошечная блондинка –

миниатюрная копия Джин Харлоу^[23], и ты бы видела, как топали, и вопили, и свистели от восторга тамошние матросы. Карлики сорвали больше аплодисментов, чем девушки обычного роста. Тогда я впервые увидела себе подобных и узнала, что людям нравятся карлики. Поэтому решила, что буду этому радоваться. Родители прочли в журнале о конкурсе и все подстроили. Правда, повезло мне с ними? В университетах они не учились, но были умнейшими на свете людьми.

– А кто выиграл конкурс?

– Ой, дорогая, конечно, маленькая Джин Харлоу, кто ж с ней сравнится. Теперь я понимаю, что костюмы полюбила именно с того дня. Видишь, как оно все устроено в жизни. Все не просто так случается, а для чего-то. Только подумай. Если бы я не пожелала пасхальный костюм зайца, мы с тобой могли бы не встретиться. – У Хейзел вдруг вспыхнули глаза. – А знаешь, Мэгс, на Пасху надену-ка я, пожалуй, тот заячий костюм, вот уж удивлю девчонок. Даже вот что: надо нашей фирме каждый год спонсировать охоту за пасхальными яйцами в Колдуэлл-парке.

А Пасхальный Заяц будет вручать приз тому кто найдет Золотое яйцо. Что ты на это скажешь, Мэгс? Весело будет, правда?

Мэгги могла и не отвечать. Она знала: что ни скажи, ежели Хейзел чего надумала, никто ее не остановит. А это означает, что все сотрудники агентства «Красная гора» проведут Пасху в парке, помогая искать пасхальные яйца, и в следующие две недели ей придется выслушивать бесконечные жалобы девчонок. Прятать яйца оказалось сущей морокой, но Хейзел, как всегда, была права. Получилось очень весело, а Пасхальный Заяц, вручающий главный приз, неизменно вызывал бурный восторг. Но теперь, со смертью Хейзел, Пасха ничем не отличалась от прочих обычных дней.

Хейзел всегда говорила: «Всей тьмы бездонного космоса не хватит, чтобы погасить пламя одной свечи». И вот впервые Мэгги поймала ее на том, что она ошибалась. Без Хейзел в мире вдруг стало очень темно. Мэгги вздохнула и поехала домой, к очередному разогретому ужину перед экраном и очередному длинному вечеру в ожидании дня открытых дверей в субботу.

Официально на рынке

Воскресенье, 23 ноября

Первый день открытых дверей удался. Пришли в основном соседи и друзья Далтонов – навестить дом. Им было приятно вспомнить, как в детстве они здесь гостили. Мэгги выслушала множество рассказов про Эдварда Крокера от его знакомых со стародавних времен. Он был застенчивым человеком, но многим нравился. Одна старушка покачала головой и сказала:

– Моя мать говорила, что все девушки Бирмингема лелеяли мечту стать миссис Эдвард Крокер, но этого хитрого лиса так и не заманили в ловушку. Он был таким, знаете, закоренелым холостяком. Не то чтобы девушки ему не нравились. Мама говорила, он был близким другом многих замужних женщин в городе. И конечно, абсолютно обожал свою сестру, Эдвину. Говорят, как бы он ни был занят, а каждый июнь, без исключения, Эдвард садился на пароход и плыл в Европу, чтобы провести три месяца в Лондоне у Эдвины.

В середине дня в «Гребешке» появился старик в инвалидном кресле и рассказал, что рос в доме под горой. Он помнил, что Эдвард Крокер очень любил детей. Сказал, что, когда сам он был маленьким, мистер Крокер разрешал ему с братьями и сестрами кататься на пони по всему участку и каждое Рождество присылал им прекрасные подарки.

Чем больше Мэгги слушала, тем сильнее разгоралось в ней любопытство. Когда все разошлись, она отправилась в библиотеку еще раз взглянуть на портрет Эдварда. И поняла, чего не увидела в его глазах в прошлый раз. Странная печаль – словно он страстно желал того, чего не мог получить.

«Но чего же?» – размышляла Мэгги. У него было все, о чем только может мечтать человек, – и деньги, и власть, и «Гребешок». И тем не менее он казался одиноким. Но ведь он не был единственным ребенком. У него была сестра, так о ком же, о ком он грустил? Разочарование на любовном фронте? Кто-то разбил ему сердце? Чем дольше она вглядывалась в лицо Эдварда, тем больше жалела, что нельзя с ним познакомиться.

«Гребешок»

Бирмингем, 1935

Каждый вечер, после тяжелого рабочего дня по управлению семейным бизнесом, Эдвард Крокер, как прежде и его отец, Ангус, сидел на каменной террасе, пока один за другим не начинали загораться огни Бирмингема, сверкая и переливаясь, точно алмазы, утекая в своем танце в непроглядную даль. Он сидел и смотрел на снующие вокруг горы машины, фары которых были похожи на цепочку маленьких рубинов, и это зрелище неизменно его радовало. Дома у него не было произведений искусства, один лишь портрет его отца над камином в библиотеке, но, в отличие от отца, Эдвард любил музыку и, принимая гостей, часто приглашал играть на террасе струнный квартет. В эти летние вечера отголоски музыки слышали жители горы и долины.

Единственным домом Эдварда был «Гребешок», и в детстве он играл среди рабочих и каменщиков, нанятых для его постройки. Он был счастлив на горе. Имелась, конечно, в его жизни одна огромная тайна, которую приходилось хранить, но все же у него была сестра в Лондоне и был «Гребешок». И как бы шумно, суетно и суматошно ни шла жизнь в городе под горой, на самой горе всегда царил покой. До него доносились только далекие паровозные гудки и вечерние песни птиц в садах.

Когда его отец, Ангус Крокер, отошел в мир иной в возрасте девяноста двух лет, его последним желанием было, чтобы похоронили его в Шотландии, дома. Но выросший в Алабаме Эдвард хотел быть похороненным в «Гребешке». Он любил свой дом и, когда дела гнали его из города, оставлял инструкции: «Держать свет в доме включенным от заката до восхода, за садами ухаживать, руководствуясь моими указаниями».

Дважды в год Эдвард гостеприимно открывал двери дома для всех своих служащих и непременно подготавливал подарки для детей. Застенчивый Эдвард смотрел на веселье, устроившись на чердаке. Ему было очень приятно наблюдать за детьми.

В 1928 году маленькую Этель Луизу Татум, задолго до того, как она стала Этель Клип, Лиловой Вспышкой, водили на рождественскую вечеринку в «Гребешок», и, резвясь в саду, она подняла голову и помахала рукой человеку в окне наверху, и он помахал ей в ответ. Но она этого не

помнила. Зато помнила подарок. Все мальчики получили по игрушечному поезду, а девочки – по кукле. А она хотела поезд. В свои девять лет она уже была вечно недовольным человеком.

А семьдесят с лишним лет спустя у Этель Клип снова был повод для недовольства. Когда Мэгги вошла, она тут же сообщила:

– Я так расстроена, просто ужас. Ты не поверишь.

– Что такое?

– В субботу пошла на чудесную свадьбу в церковь адвентистов, так все подружки невесты, да и сама невеста, оказались с татуировками.

Представляете? Красивые белокурые девицы, разукрашенные татуировками. В мое время приличная девушка даже не встречалась с мальчиком, у которого есть татуировка. О чем они вообще думают? И еще того хлеще, у жениха вся голова была в дредах, хоть он и не цветной. Только вообразите, во что превратится мир лет через пятьдесят. Сидят себе старушки, играют в бридж, а руки у них – морщинистые, толстые руки – до локтей покрыты татуировками. Господи помилуй, да кому нужна бабушка с татуировками? – Этель закурила и вздохнула: – Помню время, когда мальчики были аккуратно подстрижены.

– Я тоже помню, – вставила Бренда.

– А теперь все хотят выглядеть неряшливыми. А все то телешоу виновато, «Пороки Майами». С тех пор народ перестал бриться. Богом клянусь, люди так поглупели. Что-нибудь входит в моду, и вдруг все словно с цепи срываются. А как же личность, индивидуальность? Если появится шоу про нудистов, я не удивлюсь, коли на следующий день вся Америка будет бегать голышом.

Бренда захохотала:

– Боже сохрани! Я точно не переживу этого зрелища. Я даже себя-то голую видеть не могу, а других тем более.

Этель скорчила мину.

– Я вам одно скажу. Ежели все примутся бегать трусцой в чем мать родила, с болтающимися во все стороны причиндалами, я в такой стране жить не останусь.

Поначалу Бебс Бингингтон не могла понять, почему адвокат Далтонов так внезапно передумал.

«Мы решили поручить это дело другим» – вот и все, что сказал мелкий мерзавец, и это после всех ее посулов. Ушло несколько дней, чтобы выяснить, в чьи руки отдали «Гребешок», а выяснив, она просто впала в неистовство от ярости. Могла бы и догадаться. Эта чертова шайка «с горы»

снова ее опередила. Никак не сдается. Что бы она ни делала, они каждый раз отряхиваются и поднимаются. Не удалось заполучить «Гребешок», над которым они так трясутся. Ладно. Но если они рассчитывают, что это сойдет им с рук, то жестоко ошибаются.

28 ноября

Наступил и остался позади День благодарения, а «Гребешок» все не продавался. Несколько человек интересовались, но до дела не доходило. И с каждым днем, сидя в доме Эдварда и глядя на его портрет, Мэгги чувствовала все больший интерес к этому человеку. Лишившись необходимости строить планы на будущее и смотреть новости по телевизору, Мэгги обнаружила, что между показами «Гребешка» ей абсолютно нечем занять себя, а времени хоть отбавляй. И вот однажды днем она отправилась в Бирмингемскую публичную библиотеку и начала искать связанные с Эдвардом Крокером статьи в старых газетах.

Большинство репортажей было посвящено бизнесу, но нашла она и несколько упоминаний в светской хронике.

Бирмингемские новости
1933

Быстрый и точный, с острым как бритва умом, Эдвард Крокер – азартнейший игрок в гольф. По словам его друзей, «игра с ним длится недолго, за короткое время он разбивает противника в пух и прах». Во время посещения Бирмингема легендарный чемпион по гольфу Бобби Джонс был вызван Эдвардом на поединок со ставкой сто долларов за одну лузу. Джонс рассказывал: «Игра была напряженной. Помню, подумал: он чертовски упрям. Я хорошо бросал, но этот маленький человечек не отступал ни на шаг, и стоило мне допустить малейшую оплошность, он всякий раз выигрывал у меня лузу». Когда репортер спросил мистера Крокера, собирается ли он оставить себе выигранные деньги, тот ответил утвердительно: «Разумеется, собираюсь. Ведь я же как–никак шотландец, сэр».

Эдвард роста был небольшого и на фотографии казался даже хрупким, но, когда дело касалось бизнеса, он был крепкий орешек. Мэгги прочла сообщения о его сопротивлении в тридцатых годах попыткам специально

присланных из Алабамы людей влиться в среду его рабочих и объединить их в профсоюзы. В 1932-м Эдвард был сфотографирован стоящим перед входом в шахту с ружьем, а внизу шла подпись:

Я плачу хорошие деньги и забочусь о своих рабочих. И самолично буду гнать до России любого большевика, который сунется сюда, чтобы баламутить моих людей. Никаких лодырей, никаких большевиков. Честная оплата труда за день честной работы.

Его называли в прессе человеком жестким, но честным.

Хотя в некоторых компаниях Волшебного города отмечен ропот недовольства, у рабочих угольных копей Крокера крепкий иммунитет против зачинщиков беспорядков. При компании имеется первоклассная больница, великолепные школы для детей и желающих получить образование взрослых, бесплатная домашняя няня для новоиспеченных матерей, так что у рабочих мистера Крокера нет жалоб на жизнь, а смутьянам, подбивающим людей на бунт, они предлагают убраться подобра-поздорову.

Большинство рабочих Эдварда были крестьянами, вынужденными прежде отдавать половину урожая за аренду земли (потому они и подались в город искать работу), или иммигрантами из Греции, Италии или Польши, которые приплыли в страну третьим, а то и четвертым классом. Им было обещано продвижение по службе, если будут усердно трудиться. Все рабочие, похоже, любили и уважали Эдварда. Мэгги прочитала много статей о деловых связях Эдварда, но его социальная жизнь почти не освещалась. Она стала просматривать материалы в светской хронике, и наконец ей повезло.

Бирмингемские новости
19 июня 1932

Кейбл Кинсол

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ВОЛШЕБНОГО ГОРОДА

Бирмингемский миллионер-холостяк Эдвард Крокер прославился своим нежеланием идти к алтарю. Однако не менее известна и его приязнь к прекрасному полу, выражающаяся в следующей фразе: «В конце долгого дня я предпочитаю видеть красивое личико на другом краю стола, а о делах

не помышлять».

Друзья и партнеры по бизнесу отзываются о нем с неизменным теплом: «Прекрасный человек и верный друг в трудный час». Его бесчисленные подруги, как говорят, считают его внимательным и интересным собеседником. Но покамест ни одной не удался фокус с обручальным кольцом. Разочарованные бирмингемские красотики вынуждены выходить замуж за других, но при этом сохраняют с Эдвардом дружеские отношения. По случаю свадьбы он неизменно радует их шикарными, щедрейшими подарками. В ответ на вопрос, почему он холостяк, Эдвард Крокер отвечает таким образом: «Боюсь, женщины посчитают меня неподходящим материалом для мужа. У меня уже есть три жены: железо, уголь и сталь. Будет нечестно просить даму играть четвертую скрипку».

Бирмингемские новости
1933

Мистер Эдвард Крокер покинул наш прекрасный город для ежегодного путешествия по морю в Англию, в гости к своей сестре, красавице мисс Эдвине Крокер, по отзывам, всеобщей любимице лондонского света.

Чем больше материалов изучила Мэгги, тем сильнее крепло у нее подозрение, что привязанность Эдварда Крокера к сестре чрезмерна. Каждый год он бросал любимое, казалось бы, дело ради визита в Лондон на целых три месяца. Разве живущий полнокровной жизнью человек станет столько времени посвящать сестре? Люди, бывавшие в «Гребешке», вспоминают, что единственной фотографией в доме была фотография сестры у Эдварда в спальне. Однажды в интервью ему задали вопрос о ней. «Сестра – мой самый близкий друг и партнер», – прочитала Мэгги. В газете «Лондон тайме» его сестра ответила на вопрос репортера так: «Мой брат Эдвард – самый прекрасный человек на земле. У меня никого нет ближе и роднее. Наши сердца бьются как одно, а разум рождает одинаковые мысли».

Господи, подумала Мэгги, похоже, между ними что-то было. Хотя в те времена настолько цветисто изъяснялись, что трудно сказать наверняка. Да и у близнецов отношения особые, не то что у обыкновенных братьев и сестер. И все же было, было в этом что-то странное. Если они так любили друг друга, почему она никогда не приезжала к нему в гости в Алабаму? Почему всегда он к ней ездил? Еще одна тайна.

Листая электронные страницы газет, Мэгги нашла еще несколько фотографий Эдварда, но надежды отыскать хотя бы одно изображение сестры не оправдались. Обычно он стоял в компании других мужчин. Роста он был совсем небольшого, но лицо симпатичное и доброе. Она понимала, почему на него так западали дамы, и он, по отзывам, явно любил женщин и детей. Почему же так и не женился? Загадка. Ей на ум пришло только три более–менее правдоподобных объяснения:

1. Он был импотентом
2. Он был тайным гомосексуалистом
3. Он был в любовных отношениях с сестрой
4. ??????????????????????

Разумеется, сестра–близнец тоже не вышла замуж. По крайней мере, сообщений об этом Мэгги не нашла. Может, она раздувает из мухи слона? Тем не менее все это очень странно.

Мисс Эдвина Крокер

Лондон, Англия 1920

Летти Росс отправилась в Англию заранее, чтобы подготовить для Эдварда и Эдвины дом в Мэйфере. Привела в порядок платья Эдвины и выложила подходящие украшения. Мисс Эдвина была строга в выборе цвета, но не любила тратить время на подбор вечернего наряда. Эдвина всегда с удовольствием ездила в Лондон, но сегодняшний день был особым.

Мисс Эдвина Крокер только что была представлена в Букингемском дворце королеве Марии, даме из знатного шотландского рода. Струнный квартет заиграл, когда она поднималась по лестнице в своем белом платье с тремя белыми перьями, только что получив титул леди Эдвины Крокер в благодарность за огромные пожертвования Эдварда Англии в военное время.

Америка давала возможность человеку подняться над своим общественным классом, и Эдвина, выходец из семьи тирлдов, рабов в сущности, стояла рядом с королевой на приеме в ее честь. Улыбаясь и встречая гостей, Эдвина задавалась вопросом: что бы подумали все мужчины, женщины и дети из ее бедного рода, если бы видели ее сейчас? Могли они о таком помыслить? Конечно, они шли на огромные жертвы ради них обоих —

Эдварда и Эдвины, и все же, все же... «О, какой чудесный день».

Хотя Эдвина Крокер жила на северном побережье Шотландии, а брат ее Эдвард Крокер — в Алабаме, каждый год они проводили три месяца в Лондоне, в чудном доме, купленном Эдвардом. Эдвина любила город, а Эдвард любил баловать сестрицу и угождал ей во всем, выполняя любые прихоти.

Эдвард был страшно застенчивый домосед и, будучи в Лондоне, выходил только в редких случаях, по обыкновению связанных с бизнесом, сестра же была его полной противоположностью. Эдвиноу, известную своими шикарными нарядами и остроумием, вечно кружило в вихре светской жизни. Приглашение на ее воскресный салон было предметом вожделения и зависти всего Лондона. Ноэль Кауард, Гертруда Лоренс и Би Лили ходили у нее в друзьях. Отсутствие броской красоты она

компенсировала ярким умом, и мужчины считали ее неотразимой. Она обожала пофлиртовать, а ее бесчисленные любовные связи, и некоторые из них с господами весьма могущественными, с удовольствием перемалывались языками лондонцев, но, как и ее брат, семью она так и не завела. На все вопросы она отмахивалась со смехом: «Я все жду, что встречу человека, добротой и терпением равного моему братцу, но, увы, пока в ожидании». Это совсем не приводило в восторг рать полных надежд поклонников, жаждущих влиться в семью Крокер. Ходили слухи, что состояние ее брата насчитывает миллионы, и некоторые раздраженные ухажеры начали поговаривать, что братец, мол, запретил Эдвине выходить замуж. А иные даже подозревали, что братец из недоверия не желал оставлять ее в Лондоне одну, без надзирателя, поскольку, когда он уезжал из Лондона, Эдвина уезжала с ним.

Отец их якобы был жесток, но теперь, похоже, брат ни перед чем не остановится, чтобы защитить свое состояние, даже отказал сестре в радостях замужества и материнства. По обе стороны Атлантики эта пара вызывала любопытство. Когда несколько бирмингемских друзей Эдварда, находящихся в поисках достойной пары, появились в Лондоне по делам и попросили представить их Эдвине, Эдвард вежливо, но твердо отклонил просьбу. Но, как ни пекся брат об Эдвине, это не мешало ей веселиться с приглянувшимися лондонцами. Однажды она сказала подруге по поводу своих многочисленных романов: «Я понимаю, что напрашиваюсь на скандал, но приходится заготавливать сено, когда светит солнце. Эти три восхитительных месяца в Лондоне – все, чем я располагаю, остальную часть года я живу монашкой».

Хотя Эдвине явно нравилось мужское общество, она яростно выступала в защиту прав женщин. На приеме в честь Джорджа Бернарда Шоу она язвительно спросила великого ирландского драматурга: «Правда ли, что в вашей восхитительной пьесе «Пигмалион» вы задаете вопрос, почему женщины не могут быть больше похожи на мужчин?» «Да, – ответил он, – правда». – «Но, дорогой мистер Шоу, встречный вопрос к вам – почему мужчины не могут быть больше похожи на женщин?» Великий писатель засмеялся и был вынужден вежливо согласиться. Будь положение Эдвины не столь высоко, а отношения с сильными мира сего не столь близки, подобные смелые выступления общество наверняка встретило бы куда менее терпимо.

Пока Эдвард и Эдвина жили под защитой своего домашнего мирка, их шотландская нянька Летти Росс рассказывала им невыдуманные истории из собственного детства о том, как обращаются с женщинами бедных

сословий. А позже Эдвина и сама это наблюдала, посещая общежития для рабочих и многоквартирные жилые дома. Благодаря ее огромному влиянию на брата у Эдварда тоже открылись глаза, а душа у него была доброй и отзывчивой.

В Америке бирмингемский банкир Эдварда заметил, что тот жертвует тысячи долларов на разные женские нужды; чего стоил один только чек на пятьдесят тысяч, отправленный в Нью-Йорк Маргарет Сангер, отъявленной суфражистке, ратовавшей за контроль над рождаемостью. Банкир поделился своими соображениями с партнером: «Имени, правда, наверняка не скажу, но в ухе у него явно сидит какая-то баба и диктует, что делать».

Так оно и было. Чего банкир не знал, так это того, что у обоих – и брата, и равным образом у сестры – имелся весьма личный интерес к безопасному и эффективному контролю над рождаемостью.

Жизнь продолжается

Если и была у Бренды слабость – помимо мороженого и пончиков, – так это парики. Парики она обожала, но не абы какие, а хорошие, дорогие. Она не покупала их, как старшая сестра, в магазине «Дом париков мисс Далилы», и на рыночной площади она их не покупала, а заказывала на сайте «Эксклюзивные парики». У нее был парик Тины Тернер, Дайаны Кэрролл, и нынче утром она явилась на работу в новом парике Бейонсе, которым была не очень довольна.

– В рекламе он выглядел лучше, – заявила она.

Около десяти утра Бренда зашла в кабинет Мэгги и зашептала так, чтобы Этель не слышала:

– Мне надо, чтобы ты сводила меня куда–нибудь обедать, идет?

– Хорошо, куда?

– Я записана на прием к хилеру–экстрасенсу.

– О нет. Опять.

– Да, но этот с самих Филиппин и приехал только на один день.

Мэгги покачала головой:

– О боже... И где это состоится?

– В старом мотеле «Хамбрам», на старом шоссе номер восемь.

– Ох, дорогая, неужели тебе не жалко денег? Ты же знаешь, эти люди – обманщики.

– Ничего подобного! У Тоньи в прошлом году удалили опухоль.

– Бренда, у того человека в рукаве была спрятана куриная печенка, он просто сказал, что удалил опухоль. Ты мне сама это рассказывала, помнишь?

– Ну, я могла ошибаться... Что бы он там ни сделал, это сработало. У нее больше нет опухолей.

– Да с чего ты взяла, что она у нее вообще была?

– Да наверняка была. Она говорит, что чувствует себя на сто процентов лучше.

– Ты уверена, что хочешь туда пойти? Не слишком хорошая реклама – чтобы уважаемого агента по торговле недвижимостью увидели на приеме у шарлатана.

– Нас никто не увидит.

– Хорошо. А я тебе зачем нужна?

– Вряд ли я смогу вести машину после операции. Хочу, чтобы он

помог мне избавиться от камней в почке.

– Я думала, ты лечишь свои почки силой позитивного мышления.

– Да. Это как раз часть такого лечения.

– А Робби ты скажешь, куда идешь?

– Нет, она не верит в альтернативную медицину.

– Бренда, это вряд ли можно назвать альтернативной медициной.

Обычный фокус–покус.

– Ой, Мэгги, перестань, прошу тебя. Времени на это уйдет всего ничего.

– Конечно, я тебя отвезу, но обещай не рассказывать Робби, что я была за рулем. Не хочу, чтобы она на меня злилась.

– Обещаю.

Потом Мэгги сидела на парковке перед мотелем «Хамбрам» и, чтобы убить время в ожидании Бренды, листала Справочник брокерских контрактов. Через сорок пять минут Бренда вышла из номера 432 с коричневым бумажным пакетом в руке и широченной улыбкой на лице. Она открыла дверцу и провозгласила:

– Я исцелилась. Вот мои камни.

Открыв пакет, она вынула маленькую стеклянную банку. Ее содержимое подозрительно напоминало гравий на подъездной аллее перед мотелем «Хамбрам», но Мэгги подумала, что не стоит об этом упоминать.

– А я даже ничего не почувствовала, – восхищалась Бренда.

– Что ты с ними собираешься делать?

– Хранить.

– Где?

– Ну, не знаю. Может, в медицинском шкафчике. А что?

– Я бы на твоём месте их выбросила. Вдруг их найдет Робби?

Бренда подумала, подумала, достала мобильный телефон и набрала номер сестры.

– Тонья, слушай, если вдруг Робби позвонит тебе и спросит о банке с камнями из почки, скажи, что это твои. Ладно? – И положила трубку.

Через пять секунд телефон зазвонил. Выслушав, она сказала:

– Тебе не нужно знать почему, просто скажи, и все. – И снова положила трубку.

Мэгги сказала:

– Жаль, у меня нет сестры, а то бы тоже могла ею командовать.

Бренда захохотала:

– Я отдала бы тебе Робби и Тонью, но никто не поверит, что они твои сестры.

Высадив Бренду вместе с ее «почечными камнями», Мэгги, вместо того чтобы отправиться прямо домой, снова заехала в библиотеку. Ей хотелось еще что-нибудь выведать про Эдварда Крокера.

Пролистав микрофильмы чуть дальше во времени, она нашла заголовок, датированный 16 января 1939 года.

**ЕСТЬ ОСНОВАНИЯ ОПАСАТЬСЯ,
ЧТО ЭДВАРД КРОКЕР ПРОПАЛ БЕЗ ВЕСТИ
В МОРЕ**

Через три дня после смерти любимой сестры бирмингемский магнат Эдвард Крокер объявлен пропавшим без вести. Вероятно, несчастный случай произошел во время прогулки под парусом у северного берега Шотландии, где похоронена его сестра.

Еще одна заметка от 28 апреля 1939 года:

**ЭДВАРД КРОКЕР ОФИЦИАЛЬНО
ПРИЗНАН ПОГИБШИМ**

После двух недель активных поисков власти оставили надежду найти пропавшего Эдварда Крокера. Родственник в Шотландии говорит, что последний раз Эдварда видели утром в день похорон сестры, где он сообщил, что отправляется в море немного «проветриться». Поскольку Эдвард превосходно ходил под парусом, есть предположения, что скверная погода стала причиной тому, что ни судно, ни капитан так и не вернулись. Весь Бирмингем оплакивает кончину великого промышленника и филантропа.

Эдвард умер всего через три дня после сестры. Мэгги гадала, была ли его смерть в самом деле несчастным случаем. Или Эдвард был так огорчен потерей, что поступил так, как планировала поступить сама Мэгги.

Она продолжила изучать прессу, но больше о близнецах Крокер ничего найти не удалось. Собравшись уже сдать экзамены, она вдруг увидела проходящую мимо мисс Питкок. Мисс Питкок целую вечность проработала в библиотечных архивах, и Мэгги знала ее со школьной скамьи. Мисс Питкок поинтересовалась, не нужна ли помощь. Мэгги рассказала, что пытается побольше разузнать о «Гребешке», вернее, об Эдварде Крокере и его сестре Эдвине. Глаза мисс Питкок за толстыми стеклами очков сверкнули. Она объявила, что с радостью поможет, ибо история Бирмингема – ее

специальность.

Мисс Питкок была одним из невоспетых героев человечества. Вернее, героинь, тихо посвятивших жизнь тому, чтобы помогать жаждущим знаний подросткам (типа Мэгги) пробиться сквозь туман библиотечных архивов, и вот она снова при деле. Благослови ее Господь.

После этого верная своему слову мисс Питкок каждый день посылала Мэгги очередную порцию новых сведений. Она нашла несколько фотографий Эдвины Крокер в английских газетах. На одной она стояла в одиночестве, на остальных ее окружали люди, однако, вопреки надеждам Мэгги, ни одного снимка Эдвины вместе с Эдвардом опять не оказалось. Мэгги задумалась – почему они никогда не фотографировались вместе? Они столько времени проводили в Лондоне, и ни одного фото. Это странно. Что они пытались скрыть? Необычайную близость – или нечто совсем другое? И почему ни один из них не нашел себе пару? На черно-белых газетных снимках было не разобрать, какого цвета волосы у Эдвины, но она выглядела очень привлекательной. Да, здесь определенно крылась тайна, и Мэгги решила, что она ужасно похожа на Нэнси Дрю, ведущую расследование в серии под названием «Тайна шотландских близнецов».

Неудачный день

16 декабря

Мэгги очень надеялась продать дом быстро. Но время шло и шло, и беспокойство ее нарастало. Несколько недель назад все, казалось, было отлично, на день открытых дверей пришла женщина, и «Гребешок» ей понравился, но сегодня она привела мужа, и ему не понравилось расположение комнат. Вот тебе на. С этим ничего не поделаешь. На этом разочарования не кончились. Дома Мэгги ждало сообщение по факсу от мисс Питкок – она прислала новые сведения, которые если не взорвали полностью, то пробили здоровенную дыру в теории Мэгги насчет Эдварда Кокера и его сестры Эдвины. Мисс Питкок проследила учетные записи семьи Крокер–Сперри до самой Шотландии и нашла копию свидетельства о рождении Эдварда. В тот день родился только один ребенок. К удивлению Мэгги, никакой сестры–близняшки никогда не было.

Согласно записям, у Ангуса и его жены был только один ребенок, мальчик по имени Эдвард. Тогда кто же та женщина в Лондоне, которую Эдвард представлял своей сестрой? Любовница? И Эдвард ее содержал? А почему не женился? Бессмыслица какая–то. Она еще раз взглянула на фотографии. Да нет, они похожи друг на друга, как близнецы. Наверняка родственники. Может, она двоюродная сестра. Но это тоже не имело смысла. Если она кузина, почему так и не представиться? Мэгги застряла. Это тупик. Даже голова разболелась. Она принялась искать аспирин и сообразила, что уже несколько недель как выбросила все лекарства. Мэгги намочила холодной водой полотенце, положила на лоб и легла.

Да, не ждала Мэгги такого поворота с Эдвиной, но ей–то чему удивляться. Пора бы привыкнуть к неожиданным поворотам. Она, например, ожидала, что Хейзел будет жить вечно, а не нет.

Тем пасхальным утром, шесть лет назад, весь штат сотрудников агентства «Красная гора» был откомандирован в парк запрягивать пасхальные яйца, а Мэгги после церкви отправилась помочь Хейзел влезть в костюм Пасхального Зайца. По пути к парку Хейзел не могла сдержать возбуждения.

– Ох, Мэгс, ты что, не любишь Пасху? Рождество – праздник замечательный, но мне кажется, что каждую Пасху мы получаем шанс

подняться над собой и начать все сначала. И даже если ты мертв, ты все равно продолжаешь жить. Здорово, правда же? Разве это не чудо?

Через несколько минут она сказала:

– Знаешь, Мэгс, я вот что подумала. Раз это мой любимый праздник, я хочу, чтобы меня похоронили в костюме Пасхального Зайца, хорошо? Проследишь?

Мэгги была ошеломлена. Впервые Хейзел хотя бы коснулась темы смерти и болезней.

– Конечно, Хейзел, как пожелаешь, но до похорон тебе еще далеко, – ответила Мэгги.

– Да я знаю, – рассмеялась Хейзел. – Я ведь собираюсь стать самым старым карликом на свете.

– Правда?

– Да, эту идею мне Матильда Цыпленок подсказала. А ты меня знаешь, если уж я чего решила...

А через три месяца, когда Хейзел так внезапно скончалась, у Мэгги и Этель возникли некоторые трудности, когда они заявили в похоронную контору Джона Райдаута с костюмом зайца. Но последнее желание есть последнее желание.

Похороны стали полнейшим откровением. Они ждали, что придут все риелторы города и все друзья Хейзел, но за час до начала церемонии в церкви уже было не пробиться от людей, которых они впервые видели. Пришли и губернатор, и мэр, и тьма репортеров, и представители всех клубов, организаций, театральных коллективов, пожарного отделения, полицейского управления и всех благотворительных обществ, в которых Хейзел состояла, прибыли и бесчисленные девушки, получившие от нее стипендию на учебу. А еще явились представители всех отделений Ассоциации маленьких людей Америки – со всей страны. Говорят, в бирмингемском аэропорту все чуть не свихнулись, когда из каждого приземлившегося самолета начали выскакивать эти маленькие человечки – все они прибыли на похороны Хейзел. Несколько сотен человек, не поместившихся в церкви, слушали службу на улице через репродуктор. Священник сказал: «Большое сборище для такой маленькой леди». Даже Этель, знавшая ее лучше прочих, поразились, на сколько человеческих жизней повлияла Хейзел. В тот день они услышали, сколько денег она раздала, сколько времени потратила на других, они узнали то, чего она никогда не рассказывала. Бедный Малыш Гарри был совершенно раздавлен потерей. Не смог даже придумать, что написать на могильном камне. Да и что можно сказать о человеке, который был всей твоей жизнью? Этель

тогда взяла дело в свои руки и постаралась написать как можно проще:

Хейзел Элейн Уизенкнот

1924–2003

Ушла, но осталась

Малыш Гарри через два дня уехал в Милуоки и больше в Бирмингем не вернулся. С ним пытались связаться через родственников, но те отвечали, что он не выходит из своей комнаты. Мэгги понимала, каково ему. Им всем не хватало этого генератора энергии ростом 3 фута 4 дюйма, этого маленького дурашливого «павильона смеха» в образе человека, который без конца веселил их и развлекал, воодушевлял и поднимал настроение, сводил с ума, но самое главное – заставлял их чувствовать себя особенными. Хейзел была из тех редких человеческих существ, которые, выскочив из материнской утробы, спрыгивают на землю – и побежали. Такие появляются на земле один раз на тысячу лет.

Бренда размышляет

9 декабря

По дороге с работы домой Бренда пребывала в задумчивости.

– Знаешь, Мэгги, – сказала она, – в молодости я хотела быть белой, а теперь нет. Спроси почему.

– Почему?

– Не знаю.

– Зачем же велела спросить?

– Ну... Потому что... как раз это я и пытаюсь выяснить. И произошло это вовсе не когда все вокруг стали твердить «Черный – это красиво» и когда выбрали Обаму, а позже.

– Вот как.

– Да. И подозреваю, что связано это с Опррой и Королевой Латифой^[24]. В смысле... Понимаешь, если уж такие женщины не возражают быть черными, то и я не стану.

– Это я могу понять.

– И знаешь что еще?

– Что?

– Мне начинает немного нравиться быть толстухой. Что на это скажешь?

– По-моему отлично. Знаешь, на самом деле важно только здоровье, а больше ничего.

Они проехали еще несколько кварталов.

– Мэгги, я тебе никогда не рассказывала, но в шестидесятые, когда развернулись марши и сидячие демонстрации против расовой дискриминации, когда тебя то и дело обзывали и столько было отчаяния, я иногда спрашивала себя, стоит ли оно того. Но теперь не спрашиваю.

– Нет?

– Нет. Теперь я ко всему стала лучше относиться, потому что, если задуматься, то такие, как я, даже некоторым образом в моде. Господи, кто бы подумал, что для того, чтобы это случилось, нужно прожить так долго. Представь, пятьдесят лет назад большинство чернокожих женщин могли стать разве что служанками, а теперь цветная готова податься в мэры.

– В самом деле, – сказала Мэгги. – Мир изменился.

– Да, с трудом верится, но... Наверное, теперь, когда избрали Обаму, черный – это новый белый.

– Пожалуй, что и так, дорогая.

Бренда посмотрела в окно и вздохнула:

– Жаль, нельзя вернуть обратно все те годы, когда я себя не любила. Жаль, что... – Она не закончила фразы, слезы покатались по ее лицу. – Иногда жить так тяжело.

Мэгги съехала на обочину и погладила Бренду по руке:

– Очень печально думать, что тебе пришлось через это пройти.

– Ох, Мэгги, не представляешь, до чего тяжело, когда люди, которых ты даже не знаешь, ненавидят тебя просто за цвет кожи – за то, в чем ты совершенно не виновата.

Мэгги едва не сказала Бренде того, чего никому не говорила, но в последний миг передумала. Но она знала, каково это. Прекрасно знала.

Бренда, конечно, права. Цветные вошли сейчас в моду, и, как говорит Этель, белые так медленно размножаются (особенно пресвитерианцы), что она совсем не удивится, если лет через пятьдесят они окажутся в меньшинстве. Если такое случится, интересно, станут ли проводить раз в году Месяц истории Белых на телеканале A&E – рассказывать о старинных обычаях и готовить блюда аборигенов типа заливного в томате и шоколадного мусса и подавать при этом скатанные салфетки в кольце.

Бренда, как и любой человек, вступивший в борьбу с расовой сегрегацией, хранила в памяти то, что случилось если не с ней самой, то с другими членами семьи или друзьями. Окончив колледж, полная идеалистических идей, она отправилась в Чикаго – работать учительницей в негритянской части города. Но большинство ее учеников выросли в районе Кабрини–Грин^[25] и повидали слишком многое и слишком рано, и потому в классе сидели дети с мертвыми глазами. Бренда изо всех сил старалась достучаться до них и даже думала, что некоторым девочкам сумела помочь, но спустя несколько лет она ехала мимо этих мест и увидела этих девчонок на углу – совершенно никакие от наркотиков, они явно работали там. Это был тяжелый жизненный опыт. Бренда выросла в приличном квартале, где селились люди среднего класса, и оказалась не готова к жестокой реальности жизни детей, выросших в негритянских гетто. И в последний год, когда одна ученица наставила на нее пистолет за то, что Бренда отказалась отпустить ее в коридор к мальчику, она поняла: пора уходить. Как и ее друзья, переехавшие на Север, Бренда тосковала по дому, и, когда расовая ситуация на Юге смягчилась, многие потянулись назад в Бирмингем. Конечно, до идеала было ой как далеко. Дураков везде полно – и среди белых, и среди цветных. Бренде не повезло, трое из дураков приходились ей племянниками – Кертис, Девейн и Энтони.

В юности ее героями были такие люди, как Соджорнер Трут^[26], Тэргуд Маршалл^[27] и Мартин Лютер Кинг, а у племянников стены оклеены портретами рэп–звезд. За каждой такой звездой тянется криминальный хвост длиной в милю.

Теперь ее племяннички тусуются по городу, навесив на шею золотую цепь, а в ухо воткнув серьгу с брильянтом, все непременно в бейсболках задом наперед, а под бейсболкой – бандана, а трусы торчат выше так называемых штанов, промежность которых болтается в районе коленок. Их дедушки с бабушками, как и родители, учились в колледжах, а эти трое с трудом окончили школу – и хватит, и нынче не могут связать двух слов. Если они еще раз заявят ей: «Ну че, прикинь, сечешь, о чем я», она

наверняка не удержится и завизжит.

Племянники внашали Бренде такое отвращение, что она перестала пускать их в дом. Слава богу, есть у нее Артур, еще один племянник. У него хорошая работа на канале CNN. А племянница Сандра, дочь Робби, выбрала историю основным предметом в Бирмингемском Южном колледже. У нее есть голова на плечах. Но эти трое... Будь у них одна шея на троих, она бы обхватила ее и сдавила как следует. Других они, может, и одурачат, но она прекрасно знает, куда они катятся. Когда ее выберут мэром, первое, что она сделает, это похватает всех наркоторговцев и сутенеров в городе и упрячет за решетку. И если для этого придется настроить новых тюрем, она так и поступит.

Хотя в Бирмингеме с 1979 года мэр цветной, она будет первой цветной женщиной–мэром. Бренда не сомневалась, что победит на выборах. Хейзел убедила ее в том, что она может добиться всего, что захочет, а Хейзел *никогда* не ошибалась.

Некоторые ее друзья до сих пор с недоверием относятся к будущему и боятся давать волю надеждам. Может, если бы ее избивали, или, как сестру Тонью, обливали из пожарного шланга, или бросали в тюрьму, она бы думала по-другому. Завсегдатаи маршей протестов твердят, что у нее не было настоящего «цветного опыта». Может, они и правы. Но прошлого ведь не изменишь. Нужно думать о настоящем. Она хочет, чтобы людям жилось легче прямо сейчас.

Конечно, начинаешь злиться, когда думаешь, как с ними обращались в прошлом и каким образом попали сюда ее предки, но лично ее устраивало, как все сложилось. Бренда любила свой дом и всем сердцем верила, что у Господа Бога на ее счет особые планы и что очутилась она в самом нужном месте и в самое нужное время. И как знать? Вдруг, став мэром, она сможет пойти дальше и стать первым цветным губернатором Алабамы. Все так быстро меняется, что это вполне достижимо. Чернокожая женщина из Бирмингема уже была министром иностранных дел Америки, а Регину Бенжамин, цветную с юга Алабамы, только что назначили министром здравоохранения. И, как говорила Хейзел, где еще в мире женщина ростом в 3 фута 4 дюйма может стать миллионершей? И она была права. Чернокожая женщина вроде Опри может стать миллиардершей. Как тут не надеяться на лучшее. Но конечно, за все надо платить.

Другая сторона истории

В учебниках по истории движение за гражданские права всегда изображалось как победное, но тем, кто его пережил, черная у них кожа или белая, пришлось несладко.

В тот год, когда Мэгги стала Мисс Алабамой, она приехала в Атлантик–Сити на конкурс «Мисс Америка», полная волнений и надежд. И все складывалось так, что надежды эти были не беспочвенны. В отборочных соревнованиях она получила первое место в конкурсе вечернего платья, и, понаблюдав за ней несколько дней, пресса уже называла ее наиболее вероятной кандидаткой на победу.

Все ее так воодушевляли, что, когда настал момент выходить на ежегодный парад «Мисс Америка», Мэгги чувствовала себя на вершине мира. Был хрусткий, сияющий сентябрьский день, сотни людей выстроились вдоль дороги в ожидании процессии. У каждого штата была своя платформа, выходили в алфавитном порядке, и Мисс Алабама должна была появиться первой. В год, когда Мэгги стала Мисс Алабамой, платформа представляла собой невероятно красивое зрелище. Лучшие цветочные дизайнеры со всей Алабамы прилетели в Атлантик–Сити днем раньше и целые сутки украшали Алабамскую платформу.

Каких только цветов там не было! Хлопчатник, магнолия, гардении, кизил, азалии прибыли на кораблях со всех уголков штата. Потом платформу облепили маленькими серебристыми звездами – поддержать тему песни «Звезды падают на Алабаму». Утром Мэгги посадили на трон в середине платформы и красиво уложили белое платье. Было так восхитительно ехать, смотреть на людей, приветствующих ее с обеих сторон дороги, что вела к Атлантическому океану, на магазинчики с сувенирами и приморскими сладостями. Но не проехала она и полутора кварталов, как это случилось.

Мэгги не видела, кто швырнул в нее первое ведро мусора, но услышала, как ахнула толпа, и оглянулась посмотреть, в чем дело, и тут ее что–то ударило по щеке. Сначала она даже не сообразила, что произошло, и только опустив глаза, увидела, что ее красивое белое платье заляпано отвратительной грязью. Но платформа продолжала двигаться вперед, и она не могла сойти. Она ничего не могла поделать и просидела на своем троне весь парад, стараясь не плакать, улыбаясь через силу и лишь надеясь, что люди не заметят грязи на платье, мусора в волосах.

К счастью, газеты умолчали об инциденте. Ни городу Атлантик–Сити, ни конкурсу «Мисс Америка» не нужна дурная слава. «Какие–то ненормальные хотели привлечь к себе внимание», – говорили власти. Просто Алабама выступала первой, поэтому ей одной досталось. Все убеждали Мэгги, что это случайность и к ней лично отношения не имеет. Но этим дело не закончилось. Во время самого конкурса, когда ее вызвали на подиум, поднялось шушуканье, поначалу едва слышное, но нараставшее и вскоре сменившееся криками и свистом. Это явно был спланированный протест против штата. Смутьяны распределились по всему залу так что крики неслись отовсюду. И всякий раз, появляясь на сцене, она их слышала, а во время ее номера с арфой эти звуки настолько оглушали ее, что тряслись руки и она не попадала в ноты.

После конкурса Мэгги поняла, что мама и друзья все слышали и отчаянно боятся, что она тоже слышала. И она притворилась, будто ни о чем не знает. Однако судьи–то все прекрасно слышали, уж больно долго они совещались, принимая решение. На следующий день пресса единодушно утверждала, что победа должна была достаться ей. На каждом углу судачили, что она не победила только потому, что выступала за Бирмингем. Но наверняка никто ничего сказать не мог. Все, включая маму, утверждали, что не заметили, как она едва не сорвала свой музыкальный номер. Но Мэгги знала, что никогда не простит себя за то, что всех подвела.

Впрочем, через несколько дней, когда она вернулась домой, сотни людей вышли встречать ее к поезду и устроили оvation, как победительнице. В Алабаме нет многого, что есть в других штатах, зато в теплых чувствах к землякам там никогда не было недостатка.

Это случилось перед Рождеством

24 декабря 2008

В десять утра Этель сидела в гостиной в бледно-лиловом шенилевом халате, потягивала гоголь-моголь, ворчала на двух своих кошек и проглядывала рождественские поздравления. Взглянув на открытку от одной из племянниц, она сказала:

– Вот черт, я не желаю, чтобы мне жертвовали деньги, я что, благотворительная организация вам? Давай мне подарок, я его пощупаю, порассматриваю. Тридцать семь открыток, и ни на одной не сказано: «Веселого Рождества». Все сплошь «Радостной зимы», «Веселых праздников» и прочая чепуха. Господи помилуй, это же Рождество! Можем поблагодарить за это Американский союз борьбы за демократические свободы.

Она вскрыла конверт от подруги из колокольчикового хора и достала открытку, на которой было написано: «Веселого Рождества!»

– Ну наконец-то! – обрадовалась Этель и поставила открытку на камин, рядом с остальными.

Потом поднялась, прошлепала к двери и постелила на пол новый коврик с надписью: «Приносящих добрые вести просим пропустить вперед тех, кто принес подарки».

Мэгги на другом краю города собиралась на работу. Хотя декабрь считался для торговли недвижимостью мертвым сезоном, она решила и в праздники проводить дни открытых дверей. Наняла команду рабочих развесить гирлянды и подровнять живую изгородь. А неделю назад повесила на дверь красивый рождественский венок с большим красным бантом, на все каминные полки и вокруг зеркал в холле пристроила веточки остролиста и целыми днями крутила рождественские мелодии. Каждый день, растопив большой камин в гостиной, она открывала шторы наверху и на первом этаже, и дом стоял в предвкушении, что вот сейчас войдет нужный человек и увидит, как он прекрасен. Но день проходил за днем, а никто не приходил. Бедный «Гребешок». Он старается, весь день бодрится, и каждый вечер Мэгги чувствует его печаль, когда задерживает шторы и выключает свет. Вот и сегодня то же самое. Она подозревала, что канун Рождества будет не слишком богат посетителями, и все же надежда

оставалась.

Задержав последнюю штору, она собралась выключить в холле свет, и тут зазвонил ее телефон. Это была Бренда.

– Ты точно не хочешь прийти с нами отпраздновать? Робби обещает тебя привезти и отвезти.

– Ой, дорогая моя, это очень мило, но я правда хочу сегодня посидеть дома.

Это было ее последнее Рождество на земле, и в кои-то веки вместо того, чтобы выдумывать оправдания, она сказала правду. Ну хоть начала. Поздновато, конечно. Разумеется, вечером она уже терзала себя мыслями, что обидела Бренду с Робби. Господи, бесполезно. Говоришь правду или не говоришь, нет тебе покоя. Общение с людьми – всегда такая морока.

С Рождеством, Мэгги

25 декабря 2008

Рождественским утром, сжевав две гадкие вафли с одноразовой пластиковой тарелки, Мэгги сидела на кухне и возилась с подсчетами. Ненавистное занятие, но деться некуда. После праздников придется докладывать миссис Далтон о понижении первоначальной цены.

Зазвонил телефон.

– Привет, Мэгги, это Дэвид. С Рождеством!

– Дэвид! Доброе утро. Как ты?

– Слушай, прости, что беспокою тебя в праздник. У тебя есть предложения по «Гребешку»?

Мэгги сморщилась. Ей грозит увольнение, что ли? Как можно бодрее она сказала:

– Нет, несколько человек интересовались, но ничего конкретного пока.

– Хорошо, а то мы с Мици тут переговарили и подумали: а, была не была, купим его сами, если ты согласна. По полной цене, разумеется. Мы оба выросли на той же улице и с удовольствием вернемся домой, в родные пенаты.

Потом к телефону подскочила Мици:

– Привет, Мэгги! Ты как, дорогая? Правда, здорово? Я прямо сгораю от нетерпения. Нам сейчас надо бежать, но я так по тебе соскучилась!

Трубку снова взял Дэвид:

– Не будем тебя больше задерживать, в понедельник позвоню тебе в офис, обсудим детали.

Вот это подарок на Рождество! О таких хозяевах для «Гребешка» Мэгги даже не мечтала. Теперь она могла спокойно отправляться в мир иной, уверенная, что спасла особняк от железных лап экскаватора. Ей хотелось скакать от радости: это же идеальный итог для жизни. Вот только... От восторга она напрочь забыла о небольшой проблемке на чердаке.

Что же делать? Может, надо было сказать им? Если сказать – того гляди потеряешь клиентов, а не сказать – ляжет камнем на совесть. Незнакомым людям продать дом, не упомянув о чердачной находке, – и то нехорошо, а Дэвид с Мици – друзья. Не дай бог потом это выяснится, они

же подумают, что Мэгги пыталась их обмануть.

А если бы она оказалась на их месте? Вряд ли скелет в чемодане остановил бы ее, но обман остается обманом.

Весь день она мучилась. И ночь не спала. А наутро села в постели и дрожащей рукой набрала номер.

– Дэвид, это Мэгги.

– Привет.

– Дэвид, прежде чем покупать «Гребешок», вы с Мици должны кое-что знать.

– Вот как? Тебе что, предложили лучшую цену?

– Нет, дело в другом... В общем... Когда мы с моей напарницей Брендой поднялись на чердак, мы там кое-что нашли.

– Термиты? Ох, этого я и боялся.

– Нет. Не термиты. Инспектор по термитам был, сказал, с его стороны никаких замечаний к дому. Это было... Э-э... кое-что другое.

– Плесень?

– Нет, ни плесени, ни строительных проблем. Просто на чердаке мы нашли два больших чемодана-шкафа, их не открывали с 1946 года. Вот, а мы открыли. Сначала подумали, что там одна одежда, но... стали смотреть и обнаружили... к сожалению, обнаружили несколько старых костей.

– Костей?

– Да. Ну... вообще-то побольше, чем несколько... Хм... Это был человеческий скелет. Висел на плечиках. Конечно, мы сразу его вынесли из дома, так что никто больше о нем не знает, но я чувствовала, что не должна скрывать информацию. И если ты теперь передумаешь, я пойму.

Она закрыла глаза и задержала дыхание в ожидании его ответа.

– Настоящий скелет?

– Да. Скелет неизвестного. Найден на чердаке. В чемодане. – Мэгги снова перестала дышать.

Дэвид долго молчал.

– Да ладно тебе, Мэгги, – сказал он в конце концов. – Ничего страшного. Я не суеверный.

– Правда?

– Да. Не вижу проблемы.

– Лучше все же поговори с Мици и перезвони.

– Хорошо. Перезвоню.

Час она сходила с ума в ожидании звонка. Наконец:

– Мэгги, это Мици! Слушай, я только вошла, и тут Дэвид меня огородил этим скелетом на чердаке, ух ты, вот здорово, скажи, а?

Настоящая тайна. Прямо как в сериале про Нэнси Дрю.

– Точно, и я так подумала, – сказала Мэгги. – Значит, вы не возражаете?

– Возражать? Ой, дорогая моя, как мило, что ты так волнуешься, но я Дэвиду сразу сказала: в нашей семье столько скелетов в шкафу, подумаешь, одним меньше, одним больше. И к тому же это прекрасная тема для болтовни на коктейльных вечеринках, правда? Меня так и подмывает скорее узнать, кто это. А тебя? Бабушка говорит, мистер Крокер был в некотором роде личностью эксцентричной. Может, он коллекционировал скелеты. Может, это даже останки какой-то знаменитости.

– Об этом я не подумала, но все может быть.

– Мэгги, знаешь, я жду не дождусь, когда вернусь в Бирмингем. Я так рада, что нам пришла в голову идея про «Гребешок», он мне всегда так нравился и так нам подходит. А когда мы с Дэвидом переберемся в «Св. Иоанн», туда переедет Дэвид-младший с семьей. Ты, наверное, меня дурочкой считаешь, но я уже размечталась, какие приемы буду устраивать.

Нет, Мэгги вовсе не считала ее дурочкой. Она сама много лет провела в подобных мечтах.

Попрощавшись с Мици, Мэгги немедленно набрала другой номер.

– Бренда? Мы продали «Гребешок». С Рождеством и счастливого Нового года!

– Что?

– Звонили Дэвид и Мици Клэйборн, хотят его купить... За полную стоимость!

– Шутишь?

– Нет, Бренда. И знаешь что еще?

– Что?

– Они *хотят* скелет!

– Серьезно?

– Да.

– Уррраааа!

– Мици очень обрадовалась, когда услышала про скелет в шкафу, она считает, что это отличная тема для разговоров на светских вечеринках.

– Уррраааа! – снова заорала Бренда. Все-таки она никогда до конца не поймет этих белых. Но главное – дом наконец-то пристроен!

Через три дня документы были переданы по факсу в Нью-Йорк, затем вернулись подписанные, а чек поступил в банк. Предстояло тридцатидневное условное депонирование суммы, и если все пойдет хорошо, то Мэгги сможет покинуть этот мир на следующий день после

завершения сделки, зная, что «Гребешок» ускользнул от хищных челюстей Чудовища и спасен на веки вечные. Мэгги уже и забыла, как радостно бывает на душе.

Презренная

В понедельник Бебс Бингингтон просматривала по компьютеру Справочник брокерских контрактов и увидела, что напротив «Гребешка» появилась пометка «в процессе продажи». Вот дьявол! Эта баба, бывшая королева красоты, умудрилась заполучить покупателя. Небось сидят сейчас в офисе и злорадно смеются над ней. Ну ничего, недолго им осталось радоваться.

Последние несколько лет Бебс вела секретные переговоры с адвокатами вдовца Хейзел в Милуоки и только ждала дня, когда карлик Гарри наконец откинет копыта или будет признан невменяемым. Вот тогда–то она выкупит агентство «Красная гора» и отправит Мисс Алабаму в нокаут вместе с ее подружками. Многие агентства недвижимости в последние годы терпели убытки, но только не Бебс. Она по–умному распорядилась своими денежками. Лет десять назад услышала от одного из богатых покупателей, что есть специалист по капиталовложениям, который ведет всего несколько клиентов, но зато дела у них всегда идут хорошо. Поначалу он вежливо отказался взять ее в качестве клиента. Но Бебс отказов не принимала. Как обычно, она проталкивалась и пропихивалась и даже заставила его жену вмешаться и замолвить за нее словечко. Она практически шантажировала беднягу, и тот уступил. В результате дела у нее шли просто отлично, и она была готова нанести решающий удар. Как любила повторять Бебс, месть – это блюдо, которое подают холодным.

Бебс не ошиблась. Этель и Бренда не могли нарадоваться, что увели «Гребешок» у нее из–под носа. Но Мэгги, несмотря на все старания мыслить по–новому, чувствовала себя виноватой. Да, Бебс дурной человек, но то, что сделала она, Мэгги, тоже дурно. Получив свою долю комиссионных, она сначала вернет кредит и оплатит все счета, а потом отошлет оставшиеся деньги Бебс. Конечно, это не вся сумма гонорара, но все же немалая его часть, так что Мэгги покинет этот мир с чистой совестью.

Взрывная волна из прошлого

19 января 2009

Хотя «Гребешок» был продан, Мэгги до сих пор приходилось держать дом открытым для посетителей до окончания срока условного депонирования суммы в банке – чтобы иметь возможность дать задний ход. Мэгги уже собиралась запирать особняк и идти домой, как вдруг из холла донесся мужской голос:

– Эй! Есть тут кто живой? Мэгги?

Мэгги тотчас поняла, кто это. Сердце заколотилось. Она вышла в холл – да, это он. Увидел ее, улыбнулся и сказал:

– Это твой старый, дряхлый кавалер заехал поздороваться. Как поживаешь, Мэгги?

– Чарльз... Поверить не могу. Неужели ты?

– О да, я. Только седой.

Они обнялись.

– Ох. Никак в себя не приду. Что ты здесь делаешь? В смысле, не здесь, а в Бирмингеме?

– Пришлось поместить папу в «Св. Иоанн», я подписывал бумаги.

– А, понятно.

– Прости, что свалился как снег на голову, но я встретил миссис Далтон, и она сказала, что ты сегодня здесь будешь. Ну и вот. Дай, думаю, рискну.

Мэгги была настолько огорошена появлением Чарльза, что слов не могла подобрать.

– Никак не приду в себя, – повторила она.

– Да, я тоже, – сказал он. – Ну как ты жила, Мэгги? Такое ощущение, что я уехал из дома всего пару лет назад... Но прошло-то сорок, и я стал дедушкой. Представляешь? Но клянусь, Мэгги, с тех пор как я тебя видел последний раз, ты, кажется, ни на день не постарела.

– Очаровательные речи, Чарльз, даже если это и неправда. Ты тоже ничуть не изменился. Посидишь со мной немножко?

– Не могу, на самолет опаздываю. Я заскочил только поздороваться.

– Ты вернешься?

– Разумеется, мы все когда-нибудь да возвращаемся. Не знаю только

когда. Миссис Далтон сказала, что дом купили Дэвид и Мици. Я рад.

– Я тоже.

Они еще постояли, болтая о старых друзьях и о том, как за последние годы изменился Бирмингем, увиливая от двух маячивших, как слоны в гостинной, тем, интересующих обоих: насчет его жены и почему Мэгги так и не вышла замуж и занялась торговлей недвижимостью.

Чарльз с его синими глазами и светлыми волосами был страшно похож на чуть состарившегося Таба Хантера, кинозвезду прошлых лет, кумира ее юности. Как она раньше не замечала?

Еще несколько незначащих фраз – и повисло неловкое молчание. Потом Чарльз вдруг взглянул ей прямо в лицо и сказал:

– Ох, Мэгги. Ты разбила мне сердце, знаешь.

Ей на глаза тут же навернулись слезы.

– Знаю. Я и свое разбила. Прости.

– Я всегда тебя любил, знаешь.

– Да. Знаю.

Они немного постояли молча. Наконец Чарльз произнес:

– Ладно, наверное, пойду.

И тут открылась дверь и в холл просунула голову симпатичная блондинка:

– Привет! Можно?

– Конечно, дорогая, извини, – смущенно пробормотал Чарльз.

Мэгги знала, что жена у него – белокурая красотка, но чтобы такая молодая... Как бы там ни было, Мэгги вежливо пригласила ее:

– Пожалуйста, входите.

Чарльз обнял красотку одной рукой и сказал:

– Дорогая, это Маргарет. Мэгги, это Кристин.

Кристин обвила рукой его талию и обворожительно улыбнулась:

– Вы та самая знаменитая Маргарет, о которой я всю жизнь слышу?

Мэгги вспыхнула.

– Папа рассказывал, что встречался с Мисс Алабамой, но мы не верили. Похоже, это все–таки правда. Очень рада с вами познакомиться.

– О да, а я как рада, Кристин!

– Папа страшно нервничал по пути сюда, и я теперь понимаю почему.

Вы и вправду невероятная красавица, как он и описывал.

Чарльз прятал глаза, переминался с ноги на ногу, поглядывал на часы.

– Ну, пойдем, дорогая, не то опоздаем на самолет.

Кристин пожала Мэгги руку:

– Очень рада познакомиться. Если когда–нибудь окажетесь в

Швейцарии около города Лугано, заезжайте в гости, – проговорила она, в то время как Чарльз тянул ее на улицу. – Обещаете?

– Обещаю.

– Пока, Мэгги, – сказал Чарльз.

– Счастливого, Чарльз.

Она должна была догадаться, что Кристин его дочь, как только та улыбнулась. Глядя вслед их машине, Мэгги ощутила грусть. Не будь она такой душой, эта красивая девочка могла быть ее дочерью.

На обратном пути Кристин сказала:

– Красивая женщина. Такая же красивая, какой ты ее помнишь?

– Да.

Девушка посмотрела на отца:

– Пап, ты что, покраснел?

– Ничего я не покраснел.

– Нет, покраснел. По-моему, она тебе до сих пор нравится. Ты ее спросил?

– Нет.

– А обручальное кольцо у нее есть?

– Нет.

– Так чего ж ты не спросил? Если она не замужем, а ты не женат, почему было не спросить?

– Все гораздо сложнее. У нее наверняка есть мужчина.

– Но спросить-то можно было.

– Ладно, посмотрим. Возможно, в следующий раз, как приеду, позвоню ей.

– Обязательно позвони. И надеюсь, ты не станешь с этим затягивать.

Наконец готова уйти

Сделка по «Гребешку» закрылась в срок, и, чтобы отпраздновать это событие, Мэгги в последний вечер пригласила Этель и Бренду поужинать в «Хайлэндс–гриль». Теперь, освободившись от всех обязательств, она могла привести в исполнение свой план.

Поутру Мэгги поехала к реке заново спрятать вещи. Она крутила ручку настройки радио в поисках легкой музыки. Хотелось чего–нибудь эдакого, со скрипками. Впрочем, ей всегда хотелось чего–нибудь эдакого со скрипками. Ностальгия по старым фильмам. Розмари Клуни как раз запела песню «Нежно», одну из ее любимых, когда на шоссе выехал грузовик с матрасами. Мэгги его не видела, и водитель грузовика, похоже, не видел Мэгги, поскольку врезался прямо в бок ее машины.

Все случилось неожиданно. Вот поет Розмари Клуни, потом громкий, жуткий удар – и в следующий миг машина подлетает в воздух, приземляется с грохотом, снова подскакивает, вылетает на обочину и, переворачиваясь, катится по крутой насыпи, пока с треском не валится на крышу. Наверное, во время падения Мэгги отключилась, потому что, когда очнулась, обнаружила, что висит вниз головой, а прямо перед ее лицом находится странное, дурно пахнущее создание. Существо смотрело на нее в упор нездешними зелено–золотыми глазами с длинными, миндалевидными зрачками, но кто это, Мэгги сказать не могла. Ощущение было, что ее крутит в стиральной машине, и, как ни старалась, она ни на чем не могла сфокусировать взгляд дольше секунды. Она не знала, жива или мертва. Вполне вероятно, что она уже в аду, а создание это – сам дьявол. Потом вдруг издали донеслись крики, затем она услышала приближающийся топот. Подле машины на землю бухнулся какой–то человек, и в окошко просунулась голова.

– Леди, вы как?

– Немного голова кружится.

– Постарайтесь не двигаться, у вас может быть что–то сломано.

Потом женский голос испуганно вскрикнул:

– Боже мой! Она в порядке?

Мужчина ответил:

– Вроде да. Разговаривает.

В окне тут же появилось перевернутое женское лицо и закричало, будто Мэгги была глухой:

– Милочка, я вызвала спасателей! Они едут! Пожарное депо всего в полумиле! Не волнуйтесь, милочка! Без паники, ладно?! Где-нибудь болит?!

Мэгги заглянула в глубь крутящихся ноздрей женщины и ответила:

– Кажется, нет. Только голова кружится.

Потом женщина громко захлопала в ладоши и закричала на вторгшееся в машину создание:

– Лерой! Пошел вон!

Но Лерой, кто бы он ни был, с места не сдвинулся. Женщина повернулась к мужчине:

– Гйри, выволоки Лероя из машины.

Мужчина обежал автомобиль с другой стороны и вытащил Лероя, потом сказал жене:

– Будь здесь. Пойду гляну не нужна ли помощь парню в грузовике.

Женщина снова наклонилась и сказала Мэгги:

– Милочка, я Мэрилин Конвей, а это мой муж йри.

Мэгги попыталась кивнуть, но обнаружилось, что кивать, когда висишь вниз головой, совершенно невозможно, однако «Приятно познакомиться» она все же осилила.

– Нам не велели вас трогать до их приезда... Простите, я на минутку! – Женщина исчезла. Мэгги услышала истошный вопль: – Гари! Козы! Они поперлись на дорогу!

До Мэгги наконец дошло, что Лерой, должно быть, козел. Лерой, впрочем, дорогой не интересовался. Когда его вытащили с одной стороны машины, он тут же обежал ее и влез с другой стороны, и снова его морда оказалась в непосредственной близости с лицом Мэгги. Женщина пнула надоедливое животное.

– Пошел вон, Лерой, оставь ее в покое!

Мэгги спросила:

– Почему я вверх ногами? Не понимаю, что случилось.

– Грузовик с матрасами врезался в вас и столкнул с дороги, и вы влетели к нам во двор. Я все видела. Удивительно, что вы живы. Может, позвонить кому? Как вас зовут, милочка?

– Маргарет Фортенбери.

Повисло молчание. Женщина нагнулась ниже и посмотрела на нее внимательней.

– Вы не Маргарет Фортенбери... Ежели только вы не Мисс Алабама.

– Да, это я.

– Господи Иисусе! А мою маму зовут Джо Анна Хоукинс. Она

участвовала в конкурсе «Мисс Алабама» в том году, когда вы победили. Играла на маримбе и танцевала степ. Не помните? Она всегда говорила, что вы просто душка.

Нечего сказать, удачная тема для беседы в положении вверх тормашками, однако Мэгги ответила:

– О да. Помню. Как она?

– Отлично. Господи ж ты боже мой, она просто обалдеет, когда услышит.

За то недолгое время, пока ехала команда пожарных, Мэгги узнала, что йри и Мэрилин купили участок земли, на краю которого она сейчас и висит вниз головой. И что около десяти лет назад они открыли козью ферму «Милый дом Алабама». За год до этого они выяснили, что у их второго ребенка аллергия на коровье молоко. Найти хорошие, свежие продукты из козьего молока оказалось крайне трудно, и они решили, что собственная козья ферма – отличная возможность показать нос монополистической Америке, а заодно и послужить на благо человечества...

Мэгги было всесторонне, в тончайших деталях поведано, почему козье молоко во сто крат лучше коровьего. Когда прибыли спасатели, ее без промедлений срезали с ремня безопасности, осторожно вытащили из машины и положили на землю. Проверая, нет ли сломанных костей, врач заметил:

– Я вам вот что скажу, дамочка, если бы не ремень, вы были бы уже в лучшем из миров.

Мэгги все ощупывали, а она все думала. Ну зачем, скажите на милость, человеку, который едет топиться, пристегиваться ремнем безопасности? Какая глупость. После осмотра выяснилось, что, кроме большой ссадины на плече да царапины на лбу от удара сумкой, с ней все в порядке. Зато вокруг все было в полном разгроме. Снесся огромный рекламный щит фермы Конвеев и половину забора, машина Мэгги превратилась в месиво из железа. Теперь придется заполнять все эти страховочные формуляры. Страшно подумать, сколько на это уйдет времени. Водитель грузовика не пострадал, однако утверждал, что инцидент произошел по ее вине, поэтому, вероятно, предстоит еще и судебное разбирательство.

После того как прибыла полиция и было сфотографировано место аварии и заполнено заявление, Мэгги увидела, как увозят ее машину, в багажнике которой так и остались лежать и лодка, и клей, и гири.

Она набрала номер. Бренда была дома.

– Бренда, это Мэгги. Ты занята?

– Нет, а что?

– Меня нужно подбросить. Ты не могла бы приехать и отвезти меня домой?

– Конечно, а ты где?

– На козьей ферме «Милый дом Алабама».

– На козьей... Что ты делаешь на козьей ферме?

– Ну, я ехала не на ферму, просто оказалась тут.

– Каким образом?

– Меня сбил грузовик с матрасами.

– Грузовик? Тебя сбил грузовик? Ужас какой! – И Бренда завопила через весь дом: – Робби, Мэгги сбил грузовик!

Мэгги услышала вдалеке голос Робби:

– Что?

– Сбил грузовик!

Трубка перешла к Робби:

– Мэгги, ты как?

– Нормально. Попала в небольшую аварию, но все нормально.

– Тебя осмотрели?

– Да. Были врачи, сказали, все в порядке, сломанных костей нет, а вот машина всмятку. Вы с Брендой не могли бы за мной заехать?

– Конечно, где ты?

– На девяносто восьмом, недалеко от старого клуба «Серебряный башмачок», справа будет козья ферма «Милый дом Алабама».

– Там знак есть или вывеска?

– Уже нет... Но вы увидите кучу народу и сломанный забор.

– Хорошо, сейчас будем.

Бросив трубку, Робби – не прошло и двадцати секунд – уже выскочила за дверь, и Бренде пришлось нестись сломя голову, чтобы поспеть за ней. Она же не работала медсестрой в реанимации.

Мэгги ждала их на крыльце дома вместе с Мэрилин и своим новым лучшим другом, козлом Лероем. С той минуты, что Мэгги приземлилась в их дворе, Лерой ходил за ней как пришитый.

– Голову даю на отсечение, – говорила Мэрилин, – Лерой в вас втюрился. Ни на миг не отходит, я его таким в жизни не видала.

Это ужасно мило, и Мэгги, наверное, должна быть польщена, но она никогда не была близка с козлами и не представляла, как с ними общаться. Чтобы не обидеть Лероя, она похлопала его по голове.

Мэгги и Мэрилин смотрели, как йри с соседями пытаются наладить ограду, чтобы козы не вышли на дорогу и не попали под машину.

– Простите меня, – сказала Мэгги. – Поверьте, мне ужасно неловко, ей-богу.

– Да не волнуйтесь, – отмахнулась Мэрилин. – Вы ж не виноваты. Хорошо, что живы остались. Благодарите свою счастливую звезду. Это мог быть ваш последний день на земле.

Потом у Мэгги состоялся междугородний разговор с Джо Анной, матерью Мэрилин. Мэрилин начала его такими словами: «Мам, ты ни за что не угадаешь, кто сегодня очутился у нас на дворе». Джо Анна, надо отдать ей должное, гадать не стала. Через сорок пять минут, когда они с Мэрилин обменялись телефонами и адресами, подъехали Бренда и Робби.

По дороге домой Бренда, сидевшая на переднем сиденье, посмотрела на Мэгги в зеркало заднего вида и сказала:

– Я даже не спрашиваю, что ты вообще делала одна в эдакой глуши.

Помолчав секунду. Бренда сказала:

– Ну и?..

– Ты о чем?

– Что ты там делала?

Робби вступилась:

– Бренда, прекрати, это не твое дело.

– А мне лично кажется, что как раз мое. Она мой партнер по бизнесу как–никак, и у меня есть право знать, почему ее занесло в такую даль.

Мэгги вздохнула:

– Ох, Бренда. Если я расскажу, ты не поверишь.

– А ты попробуй, вдруг поверю.

– Я просто поехала прогуляться за город, и все.

Бренда была в ужасе:

– Зачем? Здесь повсюду змеи и прочая дрянь!

Змеи? А ведь Бренда права. Действительно.

Об этом Мэгги как–то не подумала. Да, только змей не хватало. Столько ломать голову над подробнейшим планом, чтобы в итоге по дороге к реке быть укушенной какой–нибудь старой, здоровенной гадиной. К тому времени, когда ее найдут, она вся распухнет и вздуется, а тело ведь положено в таких случаях фотографировать, как бы кошмарно оно ни выглядело.

На следующий день Бренда отвезла ее в компанию, предоставившую автомобиль, чтобы заполнить бумаги по поводу аварии. Владелец компании очень любил Хейзел и немедленно предоставил Мэгги новую машину. Потом Мэгги поехала на автостоянку, куда свозили покалеченные машины. Чтобы достать вещи, багажник пришлось вскрывать ломом. Сколько суеты.

И очередная задержка. Она ведь не только пострадавшая, но и главный свидетель, и ей придется быть в досягаемости, чтобы дать показания. К тому же она должна убедиться, что автомобильная компания полностью получит страховку, а бедные супруги Конвей – компенсацию за новый забор и рекламный щит. Мэгги уже доводилось сталкиваться со страховыми компаниями, и она представляла, какая суровая битва предстоит. Но когда со всем этим будет покончено, она немедленно вернется к своему плану. Каждый день отсрочки лишь добавлял трат. Быть деловой женщиной – удовольствие не из дешевых. Одна только внешность обходится ей в кругленькую сумму. Прическа, маникюр, макияж, кольдкрем, химчистка, стирка, не говоря уж о еде и бензине. Единственный плюс от лишних дней – возможность еще немного поломать голову над тайной шотландских близнецов. Мэгги чуяла, что разгадка близка. Мисс Питкок каждый день присылала ей все новую информацию.

Попав наконец домой, Мэгги первым делом подошла к факсу поглядеть, что пришло новенького. Но сегодня мисс Питкок прямо огорошила ее новостями. Ей удалось раздобыть фотокопию завещания Эдварда Крокера, датированного 11 января 1935 года. После нескольких страниц поручений, в какие фонды и благотворительные общества пожертвовать деньги, Эдвард отметил, что в случае смерти его бизнес и имение «Гребешок» переходят семье Далтонов. Но все свое безразмерное состояние (включая дом Эдвины в Лондоне) он оставил Летти Росс, своей няне. В завещании не было даже упоминания ни о какой Эдвине Крокер! Кто такая Летти Росс? Если женщина из Лондона, выдававшая себя за Эдвину Крокер, была его любовницей или даже дальней родственницей, то почему Эдвард не оставил ей ни цента? Бессмыслица какая-то.

Ну что ж, ее карьера сыщика, видимо, скоропостижно завершилась.

Сюрприз для Бренды

Бренда не догадывалась, но ее сестра Робби копила деньги, чтобы подарить ей на день рождения телевизор с 50–дюймовым экраном. Утром Робби прочитала, что в «Костко» сегодня намечается большая однодневная распродажа и на модель, о которой мечтала Бренда, дадут скидку тридцать пять процентов. Поэтому днем она с двумя друзьями–интернами, одолжив машину «скорой помощи», помчалась в «Костко» за телевизором. Робби не могла гарантировать, что Бренда не обшарит весь дом и гараж в поисках подарков, и решила отвезти телевизор на склад, чтобы для Бренды это был сюрприз. Но сюрприз ожидал саму Робби и двух интернов, когда они отодвинули комод.

Следующим человеком, огорошенным в тот день сюрпризом, была сама Бренда. Вернувшись после собрания «Молодежь в опасности» в отличном настроении, она весело брякнула дверью и тут увидела своего давешнего знакомого мистера Крокера, сидящего на диване нога на ногу, и рядом с ним Робби.

– А мы тебя ждем, – сообщила Робби.

– Ой.

Бренда знала, что на сей раз ее излюбленный метод избежать неприятного разговора – с воодушевлением перескочить на другую тему – не сработает. Ее застукали с поличным. Посему она села и выложила всю правду.

Когда она замолчала, Робби спросила строго:

– Бренда, ты хоть понимаешь, что это полнейшее безумие?

Бренда моргнула и сказала как можно невиннее:

– Вообще–то на тот момент это казалось хорошей идеей.

– И Мэгги тоже так посчитала? Что–то на нее не похоже.

– Да, но ты не понимаешь, нам *позарез* нужно продать дом. От этого зависит существование всей конторы. А до тех пор не обязательно рассказывать. Клянусь, это недели на две, не дольше. Для Мэгги это так важно. Пожалуйста! Можно мы еще немного поддержим его у себя?

Робби подумала и согласилась:

– Ну ладно. Наверное, это никому не повредит. Но почему ты говоришь – его?

– Потому что мы почти наверняка знаем, кто это.

– Серьезно?

– Мы считаем, это Эдвард Крокер, бывший хозяин дома. В доме висит его изображение точно в таком же наряде. Тебе не кажется, что это довольно весомое доказательство?

– Ага. За исключением одной незначительной детали.

– Какой?

– Ваш приятель – женщина.

– ЧТО? Откуда ты знаешь?

– Оттуда, что мы его осмотрели.

– И ты уверена?

– Конечно, уверена, я же сдавала анатомию. Это видно по бедренной кости.

Бренду новость не обрадовала.

– А чего это вы взялись осматривать бедренные кости моего скелета? И вообще, интересно мне знать, что вы там забыли, на складе?

– А это уж мое дело, – отрезала Робби. – Со временем узнаешь. Не только у тебя могут быть секреты.

В другой раз незадолго до дня рождения Бренда пытала бы Робби каленым железом, пока не выведала тайну, но сейчас голова у нее была забита более серьезными вещами. Ее беспокоило, как она скажет Мэгги, что Робби нашла скелет. Она ведь клялась и божилась, что Робби носа туда не кажет. Поразмыслив, Бренда пришла к выводу, что лучше вовсе ничего не говорить. Меньше знает – дольше проживет.

Тем временем на другом краю города Этель сидела в гостиной в своем лиловом велюровом домашнем костюме, с только что налитым стаканчиком напитка приличной крепости, и смотрела в окно на разгуливающих по двору голубей. Один из них – жирный, здоровый, раздутый донельзя – весь изворковался, отплясывая перед голубкой, и замучил ее до полусмерти. Типичная история. Прямо копия ее бывшего мужа, Эрла. Если бы она хоть немного верила в реинкарнацию, не поленилась бы выйти и прихлопнуть негодника чем-нибудь тяжелым.

После развода сукин сын Эрл просто-напросто исчез. Удрал и не прислал ей ни цента алиментов, ни даже захудалой открытки. Если бы не Хейзел, она не подняла бы двоих детей, не говоря уж о колледже.

Столько она вкалывала, чтобы они получили образование и имели возможность устроиться на хорошую работу, и в результате оба получились странными донельзя, и оба не работают. И теперь, в точности как безумная Дотти Фигг, слетевшая с катушек на почве индусов, ее детки талдычат, что у них духовные искания и они должны посвятить отпущенное им на земле время поискам «дороги к счастью». Опал, младшенькая, даже прислала ей

книжицу. Мол, это самая глубокая книга из всех, что она читала. Для Этель все это звучало абсолютнейшей галиматьей. В ее время достаточно было посещать церковь по воскресеньям. А теперь все увлеклись новой дурацкой теорией или философией, да что за напасть такая, теперь каждый второй норовит написать что-то этакое. Прежде люди под заказ только писали книги, а нынче публикуй, пожалуйста, себя сам, у всех мракобесов непременно по книжке издано. Этель уже и сама подумывает, не написать ли книгу. У нее тоже есть философия. Даже название придумала: «Дураки и идиоты, которых я знала и за которыми была замужем». Ее мысль очень проста. С миром-то все в порядке, а вот с людьми... Они ничему не учатся, а снова и снова совершают одну и ту же глупость. У животных с головой все в порядке, а вот человеки – все до единого дураки. Включая ее саму, иначе бы она разве вышла за Эрла.

История с Кейт Спэйд

8.57 утра

В субботу утром Бренда и ее сестра Тонья отправились в универмаг на ежегодную распродажу сумочек от Кейт Спэйд. Они приехали к пяти утра, чтобы оказаться в начале очереди, а к семи эта очередь уже вилась по всему этажу: все женщины жаждали ухватить побольше сумок. Когда в восемь дверь наконец открылась. Бренда крикнула сестре, чтобы шла налево, а она пойдет направо. Она толкалась среди людей минут десять, когда почувствовала дурноту и жгучую боль в груди. Бросило в жар, стало трудно дышать. Надо бы пойти домой, но такая распродажа случалась всего раз в году, и вместо этого Бренда помчалась в туалет, умылась холодной водой и ринулась назад. Увидев на другом конце магазина Тонью, победно сжимающую в руке ярко-красную сумочку. Бренда стала пробиваться туда, чтобы найти такую же. Ей позарез нужна красная.

В это время на противоположном краю города, в Эйвон–Террас, Мэгги снова занималась последними сборами. Наконец–то, после двух длинных и томительных недель ожидания, вся бумажная волокита, связанная с аварией, закончилась, и вчера Конвеи позвонили и сообщили, что страховая компания согласна выплатить стоимость забора и нового рекламного щита. После их звонка Мэгги тут же съездила к реке и, на сей раз вооружившись аптечкой для лечения от змеиных укусов, перетаскала на берег все оборудование.

Вчера она заказала такси для миссис Таб Хантер на 8.30, машина должна была ждать на углу квартала. Мэгги встала в семь, и теперь ей осталось только выложить на видное место пакет с короной Мисс Алабамы, лентой и кубком для Одри и коробку с новой одеждой, подписанной «для театра». Она убрала постель и сверилась с последним списком дел. Чистые полотенца в ванной, новое мыло во всех мыльницах, ловушка для муравьев под раковиной. Потом прошла на кухню и снова выставила на стойку конверт «Тому, кого это может касаться» и часы для Люп. Постояла немного и окинула последним взглядом комнату.

Она поняла, что после сегодняшнего дня кроме конверта на стойке от нее совершенно ничего не останется. Жаль, что она может подарить милой Люп только часы и не может положить на стойку чек для Бренды с

огромной суммой, необходимой для предвыборной кампании. Денег в кошельке ровно на такси. Ну что ж. Хоть долгов не оставила, и то ладно. Она вытащила из розетки тостер и микроволновку, заперла дверь, взяла сумку и направилась через парадную к входной двери. Но, когда попыталась открыть наружную стеклянную дверь, у нее ничего не вышло. Что-то тяжелое мешало снаружи. Дверь подпирала громадная картонная коробка, сверху лежала карточка, на которой было написано: «От козьей фермы «Милый дом Алабама»». Господи помилуй. Как они зашли в ворота? Для почты слишком рано, видимо, это садовники принесли и поставили на крыльцо, думая, что оказали услугу. Она нагнулась через верхнюю открытую часть двери и дотянулась до карточки. Внутри была фотография козла Лероя и записка.

Дорогая Мэгги,

Я так рад, что ты жива и здорова. Пожалуйста, приезжай скорее меня навестить. Я соскучился. Конвеи передают тебе привет и просят поблагодарить за помощь в получении страховой выплаты.

С любовью,

твой друг Лерой

Как мило. Да, конечно, очень мило, но почему именно сегодня? Внутри явно какие-то продукты, поскольку по бокам коробки со всех сторон шла надпись: *Скоропортящийся товар, хранить в холодильнике.* Нельзя оставить ее на солнце. Ничто не пахнет так дурно, как козий сыр, поэтому Мэгги втащила коробку в холл и, открыв, увидела, что Конвеи прислали 24 упаковки йогурта из козьего молока и по меньшей мере десять фунтов разных козьих сыров. А она накануне час, если не больше, отмывала холодильник. Кому-то подарить? Но кому нужно такое дикое количество козьих продуктов? Но и оставить короб посреди холла тоже не годится. Делать нечего. Придется отнести домой и положить в холодильник – вдруг Люп найдет козы дары в понедельник и что-то заберет. Пока Мэгги разгружала коробку, зазвонил телефон, а в суете она совершенно позабыла, что не собиралась ни с кем разговаривать.

– Алло.

– Привет, это я.

Мэгги поморщилась, осознав, какой промах совершила. Бренда. Теперь слишком поздно. Попалась.

– Ты меня слышишь?

– С трудом. Ты где?

– На распродаже в «Кейт Сизайд». Мы приехали рано утром, и я купила шесть сумок за полцены. Стою сейчас в очереди, чтобы заплатить.

– Отлично, дорогая, поздравляю. – Мэгги старалась, чтобы это прозвучало с энтузиазмом, а сама пихала в холодильник йогурты.

– Что ты делаешь? – спросила Бренда.

– Да так, ничего особенного. А что?

– Слушай... Не хотелось тебя беспокоить, но у меня, похоже, инфаркт. А может, и нет. Скажи, какие симптомы при этом должны быть?

Мэгги превратилась в соляной столб.

– *Что?* С чего ты взяла, что это инфаркт? Ты звонила Робби?

– Нет.

– Почему?!

– Потому. Не хочу услышать ее обычное «Я тебя предупреждала». Сначала убедиться надо.

– У тебя в груди болит?

– Ага, вроде бы. Поболит – перестает, потом снова поболит, – отчиталась Бренда, продвигаясь на шаг ближе к кассе.

– И воздуха не хватает?

– Немного.

– Бренда, не дури. Выходи прочь из очереди и зови врача.

– Не могу. Я за сумки еще не расплатилась.

– Да к черту сумки! Сейчас же найди медпункт и объясни, что с тобой. Я не повешу трубку, пока ты этого не сделаешь!

Молчание. Потом Бренда сказала:

– Я тебе перезвоню, – и положила трубку.

Бренда уже жалела, что позвонила, но, подумав, поняла, что впервые в жизни слышала, как Мэгги ругается. Пожалуй, лучше сделать, как она говорит. Она постучала по плечу стоящей впереди нее леди:

– Дорогая, вы не можете мне? Не могли бы вы минутку поддержать мои сумки и покараулить место в очереди? У меня небольшое срочное дельце.

Женщина согласилась, и Бренда, оглядев зал, заметила молодого охранника, жавшегося к стене, чтобы не попасть под ноги галопирующим по магазину дамам. Пока Бренда протискивалась сквозь толпу, боль в груди усилилась. Добравшись до охранника, она взглянула на бейджик и сказала:

– Послушайте, Дуэйн, может, у меня сердечный приступ, а может, и нет, но если это все же инфаркт, как мне поступить?

Глядя на нее выпученными глазами, Дуэйн сорвал с пояса рацию и завопил в нее:

– Инфаркт на нулевом этаже! Инфаркт на нулевом этаже!

Потом спросил, одна ли она пришла, и Бренда ответила, что с ней была сестра.

Она уже было собралась отправиться на поиски Тоньи, но охранник ее остановил:

– Не двигайтесь, ждите здесь. Я ее найду. Она как выглядит?

– Толстушка в черном платье и в рыжем парике.

Дуэйн ринулся в толпу и вдруг осознал, что весь зал просто набит толстушками в рыжих париках и черных платьях.

Мэгги стояла посреди кухни, не зная, на что решиться. Ждать звонка Бренды? Нет, ждать невозможно. Попыталась сама позвонить, но Бренда в этот момент набирала номер Тоньи, изнемогавшей в очереди в кассу с другой стороны магазина.

– Что? – рявкнула в трубку Тонья.

– Слушай, Тонья, у меня, может, инфаркт, а может, и нет, и я...

Вокруг шумели, Тонья едва слышала Бренду.

– У кого инфаркт? – переспросила она.

– У меня. А может, и нет. В общем, мне нужно в больницу, и я хочу, чтобы ты перешла в очередь возле обувного и забрала мои сумки у женщины, которая согласилась их поддержать, и заплатила за них, ладно? На ней черное платье.

Тонья лихорадочно озиралась, пытаясь обнаружить сестру. А Бренду уже везли в кресле на колесиках к ожидающей у входа машине «скорой помощи». На любой распродаже с большими скидками снаружи всегда ждет «скорая». Медики знают, что рано или поздно, но пригодятся.

Заметив наконец Бренду, Тонья уронила все свои сумки и вонзилась в толчею. Но к выходу она поспела, лишь чтобы увидеть, как «скорая» отъезжает, оглашая окрестности воем сирены и истошно мигая синими огнями. Тонья впала в оцепенение. Что же делать? Выполнить просьбу Бренды, вернуться назад и отыскать увешанную своими и чужими сумками женщину? Или плюнуть на все сумки мира и помчаться в больницу? Она растерянно топталась у входа, и тут из магазина вышла женщина с двумя большими пакетами.

– Вы знакомы с дамой, которую только что увезли?

– Да, это моя сестра.

– Вот ее покупки. Она не вернулась, и я за них заплатила. Скажите ей, что она может послать мне чек, я написала свое имя и адрес.

– Ой, спасибо вам огромное.

– Не за что. Надеюсь, она поправится. Отличные сумочки она выбрала!

Наконец у Мэгги зазвонил телефон.

– Привет, это я, – сказала Бренда.

– Бренда! Где ты? Как ты?

– Дорогуша, я подпрыгиваю на кушетке «скорой помощи», они не разрешают долго разговаривать.

– «Скорой»?! О нет. Куда тебя везут?

– Погоди. Эй, вы меня куда везете?

Мэгги услышала мужской голос:

– В Университетскую больницу.

Потом голос Бренды:

– В Университетскую? А нельзя ли в больницу «Провиденс» на Уэст-Энд? Я бы предпочла туда.

Снова мужской голос в трубке:

– Она не может сейчас разговаривать. – И короткие гудки.

Мэгги никак не могла прийти в себя. Бедную Бренду везут в больницу! В голове осталась лишь одна–единственная мысль: в больницу – и как можно скорее. Мэгги выскочила из дома и в конце улицы увидела свое такси. Слава небесам, водитель ее дождался. Она так разнервничалась, что если сядет за руль, то наверняка снова угодит в аварию. Мэгги рухнула на заднее сиденье и сказала водителю, куда ехать. По дороге позвонила Робби, но никто не ответил. Она надеялась, что Робби сегодня дежурит. Хотя Университетская больница находилась недалеко от дома Мэгги, добирались они целую вечность. Сегодня как раз был день Ду–Да–Парада^[28], и на каждом перекрестке приходилось подолгу стоять. Жизнь все–таки странная штука. Ее лучшая подруга, быть может, при смерти, а она сидит и смотрит, как люди топают мимо, напялив на голову мусорные корзины.

Когда они наконец подъехали к южному крылу больницы, Мэгги уже едва сдерживала панику: а вдруг Бренда умрет раньше, вдруг она не успеет? Подумать только, она была озабочена собственными *планами*, и ей даже в голову не приходило, что Бренда может покинуть этот мир первой. А если уже поздно? Она толком даже не попрощалась, не сказала, что из всех людей на свете ей больше всего будет не хватать ее. Бренды. А теперь, может статься, и говорить уже некому.

Хорошо иметь сестру

Все попытки Бренды скрыть от Робби, что у нее, возможно, инфаркт, не увенчались успехом. Она попросту забыла, что в ее идентификационной карточке Робби указана первой в списке тех, кому звонить в случае крайней необходимости. Но боль в груди все усиливалась, и до Бренды таки дошло, что, скорее всего, это и впрямь сердечный приступ. И вот тут она испугалась. Когда «скорая» подрулила к дверям приемного отделения, первой ее встретила Робби. И никогда еще Бренда не была так рада ее видеть, и пусть ругается себе всласть.

Но Робби не ругалась. Взяв ее за руку, она шла рядом с каталкой и раздавала санитарам инструкции. Потом сказала Бренде:

– Не волнуйся. Все будет хорошо.

Через час Мэгги и Тонья сидели в комнате ожидания. Робби вышла к ним.

– Результаты анализов еще не готовы, но, похоже, с ней все в порядке. Я вам сообщу, когда станет известно.

– Она не спит? – спросила Мэгги.

– Да нет, болтает, не остановишь, хочет успеть в сумочный магазин до закрытия. Тонья, ты ничего не знаешь о каких-то сумках, за которые она не заплатила?

– Ой, да, скажи, что они у меня.

Обрадовавшись, что Бренда не умерла, Мэгги немного расслабилась и вдруг сообразила, что второпях не убрала с кухонной стойки конверт «Тому, кого это может касаться». Нужно поскорее попасть домой, пока его не обнаружили.

Сказав Тонье, что скоро вернется, Мэгги вылетела из отделения реанимации, промчалась квартал до стоянки такси на углу и запрыгнула в машину. Было 11.30, и она надеялась, что парад закончился. Как бы не так. Еще сорок пять минут она просидела в такси, вся на нервах. А вдруг зайдет какой-нибудь риелтор? Подъехав поближе, она выскочила из машины и еще два квартала бежала. Ворвалась в дом, ринулась на кухню... Ффффуу, письмо на месте, нераспечатанное. Какое облегчение. Она в жизни столько не бегала! И не зря, надо сказать. Пока ей везло. Несмотря на субботний день, ни один агент не зашел показать дом, и впервые за все время она порадовалась, что на рынке недвижимости штиль. Но вот беда, торопясь в больницу, она не весь козий сыр успела спрятать в холодильник, и теперь

вся квартира явственно пахла козлом Лероем. Мэгги выволокла коробку на задний двор и распахнула все окна. Письмо опять спрятала в ящик комода. Надо подождать несколько дней, пока Бренде не станет лучше, а затем уж назначать день.

Отчасти Мэгги была даже рада, что с Брендой произошел этот небольшой инцидент. Она вспомнила, как это ужасно – потерять человека, не попрощавшись с ним как следует. Ей не хотелось, чтобы Бренда оказалась в таком же положении. Ведь сама Мэгги больше всего в жизни жалела, что не имела возможности сказать «прощай» Ричарду и Хейзел. Как же она могла об этом забыть?

Вскоре позвонила Робби с последними новостями. К счастью, это оказался не инфаркт, как предполагали, а спазм пищевода, у него схожие симптомы.

– Слава небесам!

– Ты сегодня уж не приезжай, они хотят оставить ее в больнице, понаблюдать.

– А она как, нормально?

– Да, все в порядке, ты же знаешь Бренду. Едва поняла, что не умирает и сумки при ней, села на кровати, сияя от счастья, и попросила мороженого. В общем, она передает тебе, чтобы ты звонила утром. А сегодня мы ее телефон отключим.

После этого телефонного разговора Мэгги взяла чистый лист бумаги и написала еще одно прощальное письмо.

Дорогая Бренда,

Я хочу, чтобы ты знала, как мне дорога наша дружба, и еще хочу, чтобы ты не сомневалась, знаю ли я, что тебе она так же дорога. Знаю. Ты всегда заставляла меня улыбаться. Спасибо за помощь со всеми контрактами. Без тебя я бы не справилась.

Твоя Мэгги

P. S. Из тебя получится замечательный мэр.

Послание было коротким, но лучше и не скажешь.

Знаменитые хот–доги Пита

Мэгги пришлось взять на себя обязанности Бренды, пока та не поправится. Не оставлять же Этель совсем одну. Но по крайней мере, она умрет с уверенностью, что Бренда здорова. Бренда даже пообещала снова ходить в группу «Анонимных обжор», так что этот фальшивый сердечный приступ оказался ей же на пользу.

Утром в среду Бренда появилась на работе – бодрая, веселая, свежая как огурчик и счастливая. Еще бы не светиться от радости – ведь за последнюю неделю она потеряла семь фунтов, и руководитель «Анонимных обжор» зашла к ним домой и наградила ее золотой звездой. К пятнице, когда Бренда прочно вернулась в рабочее русло, Мэгги пришла к заключению, что пора. В субботу она вновь отвезла к реке все свои причиндалы и на сей раз даже не стала их прятать. К чему? Завтра рано утром она вернется. А сегодня днем устроит себе прощальный тур по Бирмингему. Пока она ездила по городу, начался мелкий противный дождик.

Это был не первый прощальный тур в ее жизни. Ей было тогда пять лет. Незадолго до полуночи 8 апреля 1953 года папа подхватил ее, и они в последний раз прокатились на трамвае № 27 в Энсли. Трамвай был битком и украшен от носа до хвоста воздушными шарами и плакатами. У депо пассажиры попрощались с трамваем. На завтра его должны были списать. Вот и она – как тот трамвай № 27.

Столько всего закончилось на ее памяти! И прекрасные годы с Хейзел, и год ее жизни в качестве Мисс Алабамы. И ее проход по ковровой дорожке тоже кончился. Столько слез и столько приветствий было в тот вечер, а сегодня, когда она едет по городу, ни слез, ни приветствий. Только дворники по стеклу – шур, шур, туда–сюда.

Потом она поехала в Ист–Лэйк, где когда–то стоял кинотеатр «Царство грез». И обнаружила, что на его месте теперь стоянка подержанных машин, но, проезжая мимо, Мэгги поняла, что ничего не забыла, ни единой детали. Интересно, как сложилась судьба тех двух милых девушек, что торговали сладостями в фойе, и того доброго мужчины из «Вестерн Юнион», который махал ей рукой.

Пока она ехала на гору, потом мимо загородного клуба «Маунтейн–Брук», потом мимо Инглиш–Виллидж, перед глазами у нее возник образ девушки из какого–то фильма. Но какого? Может, «Звуки музыки»? Но по

мере того, как образ тускнел и таял, она поняла. Нет, не из фильма. Это была она, она сама. Это она сама когда-то чувствовала себя вот так, как сейчас, – навалилась прежняя тоска, и странное, мучившее с юности одиночество, и томление по чему-то неопределенному, чему она не могла подыскать названия.

Внезапно Мэгги пожалела ту бедную глупую мечтательную девушку, у которой впереди столько разочарований, столько рухнувших иллюзий. Сейчас та девушка казалась воспоминанием из другой жизни.

Домой она поехала через центр и вдруг неожиданно для себя сделала то, чего не делала несколько десятков лет. Покружив несколько раз по кварталу, нашла место для парковки на углу и спустилась в маленькую подвальную кафешку под названием «Знаменитые хот-доги Пита». Села за стойку и заказала два острых хот-дога с горчицей, луком и квашеной капустой и апельсиновый сок. Почему бы и нет? Почему бы в последний день на матушке-земле не побаловать себя? «Знаменитые хот-доги Пита» – одно из немногих местечек, куда заходили ее молодые родители, а потом и она, подростком, частенько перекусывала тут с подружками. Кафешка ничуть не изменилась с тех пор, и острые хот-доги были все так же великолепны. Да, вечером наверняка заболит живот, а и пусть, оно того стоит. Были времена, когда она могла есть все, что хочет, хоть жареный лук по-французски и чизбургеры, и потом не расплачиваться за это болью в желудке. Последний раз она здесь ела студенткой с четырьмя или пятью подругами. Они гуляли по городу – то в кино забредут, то в магазин пластинок. Жаль, те дни пролетели слишком быстро. Трудно поверить, что большинство этих хохочущих девчонок теперь бабушки.

Мэгги посмотрела на часы. Еще рано. И чем заняться до конца дня? Она поиграла с мыслью, не пойти ли к реке сейчас, не дожидаясь утра? Оплачивая счет, удивилась, что можно до сих пор купить вкусную еду и напиток меньше чем за пять долларов. Она пребывала в хорошем настроении до тех пор, пока не вышла на улицу и не увидела отъезжающий от ее машины скутер дорожной полиции. Ну вот – штраф за парковку!

Невероятно! Ее ни разу в жизни не штрафовали! Что она сделала неправильно? Деньги в счетчик опустила. Время еще не вышло. Она взяла квиток и прочла: «Неправильная парковка, слишком далеко от бордюра». Мэгги отступила на пару шагов, проверила. Ну может, и далековато. Снова взглянула на квитанцию и вздохнула с облегчением. «Не оплачивать наличными, только чеком или по карточке». Повезло. Следующей остановкой у нее все равно намечался банк – нужно снова закрыть счет. Случись это ближе к вечеру, она бы оказалась в тупике. Подписав чек на

имя Министерства транспорта и закрыв счет, бросила квитанцию в почтовый ящик на стене банка.

Мэгги накаталась по городу, насмотрелась на все свои любимые улочки и дома и поехала на гору. Остановив машину напротив Колдуэлл-парк, смотрела, как тает день. Сидела до сумерек, пока не зажглись уличные фонари и желтые блики не легли на деревья и влажные тротуары.

Подходящий конец последнего дня, совсем как сама жизнь: невероятно красивая, невероятно печальная, горькая и сладкая одновременно. Она включила зажигание, бросила прощальный взгляд на парк, развернулась и поехала на Эйвон-Террас.

Но прежде еще раз медленно проехала мимо «Гребешка» и снова порадовалась, что Дэвид и Мици будут здесь жить. Она нашла «Гребешку» хороших хозяев – не слишком великое дело в мировом масштабе, но, по крайней мере, удалось хоть что-то завершить. Теперь она уходит без ощущения полного провала.

Мэгги села и проверила по списку дел, все ли она учла, и, когда закруглилась, на часах было далеко за полночь. На реку ехать поздновато. Ничего, подождет до утра.

Это реальность – или?

12 апреля

Мэгги проснулась и посмотрела на часы. Шесть. Хорошо. Можно поехать и пораньше, глядишь, успеет до пробок. Одевшись в маскарадный костюм рыболова – футболка, джинсы и мужские ботинки, – она в очередной раз опустошила холодильник, вынесла мусор, поставила под раковину ловушку для муравьев, достала из ящика письмо «Тому, кого это может касаться» и пристроила на кухонной стойке. Уходя, заперла за собой входную дверь и положила ключ под коврик. Такси пришло вовремя. К ее удивлению, шофер был копией Омара Шарифа из «Доктора Живаго». Плохая новость заключалась в том, что по-английски он едва говорил, и она с трудом разъяснила ему, как проехать к реке. Но была и хорошая новость: он был родом из Сибири и потому понятия не имел, что она бывшая Мисс Алабама, а никакая не миссис Таб Хантер. Стараясь быть любезной, Мэгги поинтересовалась, давно ли он в Америке. Одиннадцать лет, ответил таксист.

– А по Сибири не скучаете? – спросила она.

Он глянул на нее в зеркало и грустно ответил:

– Скучаю, хочу вернуться.

Не верилось, что кто-то может хотеть вернуться в Сибирь, но, видимо, каждый человек любит родной дом, где бы этот дом ни находился. Надо же, думала Мэгги, глядя в окно, жизнь полна сюрпризов, до самого конца. Она не сомневалась, что многие рано или поздно подумывают о том, чтобы прервать жизнь, но в последнюю минуту трусят. Наверняка люди удивятся, что именно *она* — надо же! — смогла это сделать. Хотя не зря говорят: в тихом омуте черти водятся. Она и сама себе удивлялась: до чего спокойна и рассудительна. Умом она понимала, что это должен быть важный, драматический момент, но чувствовать – не чувствовала. Реальная жизнь – не то что в кино. Она больше нервничает, когда идет к зубному. К тому же она уже столько раз совершала это путешествие к реке, что торжественный момент превратился в обыденную процедуру.

Возле поворота к реке водитель остановил машину и высадил ее напротив старого клуба рыболовов Рейфорда. Мэгги дала ему хорошие чаевые и, когда он скрылся из виду, двинулась вдоль шоссе. Дойдя до

расчищенного под пашню участка, свернула на тропинку, держа наготове набор от змеиных укусов, но, к счастью, ни одной змеи не увидела. У реки с облегчением убедилась, что вещи так и лежат, как она их оставила. Мэгги надула лодку прилагавшимся к ней насосом и положила в нее четыре груза. Влезла, оттолкнулась от берега веслом и принялась выгребать на середину реки.

Это заняло минут пятнадцать. Слава богу, сегодня удача ей сопутствовала: ни одного рыбака вокруг. Она взяла два 10-фунтовых груза, щедро намазала липучки белым и очень липким, как и рекламировали по телевизору, «Волшебным клеем» и обернула вокруг ног. То же самое проделала с грузом для запястий. Теперь надо подождать двадцать минут, чтобы клей высох, – и вперед. Она поставила яйцо-будильник на сиденье и тут поняла, что забыла оставить дома свои дорожные часы. Следовало же положить их в конверт для Люп. Как глупо. Ну да ладно, одно небольшое упущение. Все остальное она предусмотрела. Сидя в ожидании, пока высохнет клей, Мэгги с удивлением выяснила, что двадцать минут – очень долго, особенно когда нечего почитать. Надо было журнальчик какой-нибудь купить.

В голове завертелась старинная песенка, и Мэгги запела:

Песочный человек, одной так грустно спать,
И некому меня по имени позвать,
Включи волшебный луч, покуда свет померк,
Пошли мне сон-мечту, Песочный человек!
Песочный человек, пошли мне сон-мечту,
В лице несет он свет, а в сердце доброту,
Внуши ему, что я не враг ему, не тать,
Довольно нам от одиночества страдать.

Еще одиннадцать минут как-то надо убить. Она начала другую песню, мамину любимую, «Голубое шампанское – пурпурные тени и голубое шампанское».

Странное это было зрелище: женщина сидит в одиночестве посередине реки и поет слащавые песенки прошлых лет. Наконец, через десять долгих минут, яйцо звякнуло: таймер сработал. Мэгги перекинула через борт одну ногу, другую, и медленно соскользнула в холодную воду. Поддержалась секунду-другую за борт и разжала пальцы.

И в тот же миг начала погружаться, с поразительной скоростью, и

последней ее мыслью было: «Ну вот, я это сделала». Холодная вода шумела в ушах, Мэгги погружалась все глубже, вокруг становилось все темнее. И когда она решила, что все, сейчас все сокроет крошечный мрак, ее ослепила догадка.

– «Погодите–ка, это *ошибка!*»

И в то же мгновение ей полностью расхотелось тонуть, а, наоборот, захотелось обратно, на поверхность. Мэгги принялась в панике молотить руками, брыкаться, пытаясь содрать грузила с рук, разлепить липучки, но, к своему ужасу, не могла освободиться и продолжала погружаться. Как и обещала телереклама, «Волшебный клей» («Гарантия – или вернем деньги») держал крепко. Погружаясь, она слышала свой беззвучный крик: «Стойте! Подождите!» А потом настал момент осознания, что спастись не получится. Слишком поздно.

И когда она вдохнула свой последний, как она знала, вдох и ледяная вода хлынула в горло, в легкие, когда она была уже на грани того, чтобы потерять сознание навеки, она вдруг села в кровати – с колотящимся сердцем, вся в поту, все еще крича во все горло: «Стойте! Подождите!» Она сидела в крошечной темноте, хватая ртом воздух, ослепленная ужасом, и не знала, мертва она или жива. Река была сном – или это, – вот сию минуту, не более чем забытие? Она еще слышала, как мимо с грохотом несется вода. Умерла? Она потянулась к тумбочке и трясущимися руками схватила пульт, включила телевизор. И когда серое мелькание экрана сменилось картинкой и Мэгги увидела Рика и Джанис из телешоу «С добрым утром, Алабама», она ощутила невероятное счастье. Никогда в жизни так не радовалась.

Но сердце продолжало колотиться со страшной силой, уж не сердечный ли это приступ?

Может, принять аспирин? Ну не забавно ли – человек, который собрался топить, перепугался, как бы, не дай бог, не умереть от сердечного приступа. Она вскочила, кинулась в ванную комнату, открыла шкафчик с медикаментами, но он оказался пуст. Ну да, она же вчера все выкинула. Тогда она стала глубоко дышать, пока сердце немного не замедлило свой бег. И лишь теперь Мэгги утвердилось в мысли, что, конечно, все это был страшный сон, ночной кошмар. Можно было раньше догадаться. Ну в самом деле, где были ее мозги? Родина Омара Шарифа – Египет, а никакая не Сибирь!

Она пошла в кухню и заварила травяной чай. Все еще дрожа, вышла во дворик, и тут как раз над горой показался край солнца. Она сидела, смотрела на восход и никак не могла прийти в себя. У нее и раньше

случались кошмары, но не такие реалистичные, и уж точно не такие страшные. Ведь она изо всех сил боролась за жизнь. Несмотря на то что это был сон, она совершенно вымоталась от этой борьбы. Вот так сюрприз! Она-то считала, что абсолютно готова умереть, но, оказывается, ошибалась! Еще вчера она не могла придумать ни одного пункта, ради которого стоило бы жить, а теперь в голове толпятся сотни причин. Например – как приятно просто дышать. Как она этого раньше не замечала?

Мэгги подняла глаза к небу и наблюдала, как оно из нежно-розового становится ярко-красным, как яйцо малиновки. До чего удивительные оттенки. Она давным-давно не выходила посидеть в своем дворике и много лет не видела восход. До чего он прекрасен!

И тут она еще кое-что поняла. Ведь это бывает каждое утро. Что бы там ни происходило в ее маленькой глупой жизни, солнце восходит каждое утро. Почему же она про это забыла? В памяти вдруг всплыли слова Хейзел: «Помните, девочки, тьма всегда сгущается перед самым рассветом!» Хейзел в тот момент говорила о торговле недвижимостью, но то же можно отнести и к сегодняшнему утру. Сегодня ночью тьма над ней сгустилась. И потом разве не случился самый прекрасный рассвет? В ее жизни – да, самый прекрасный. И теперь в блеске раннего утра все казалось таким свежим, чудесным, ну точно как в кино. Мир вдруг из темно-серого обратился в яркий, цветной, производства «Техниколор». Того гляди из-за угла выбежит в танце Джин Келли и картинно обнимет фонарный столб. Она ощущала чистейшую, звенящую *радость*. Но вдруг подумала: минутку. А с чего это она вдруг так радуется? Может, она оторвалась от реальности? Окончательно и бесповоротно съехала наконец с катушек? Или она и до того была с приветом? Ну разумеется, планировать самоубийство – разве не верный знак, что с тобой *что-то* не так? А может, кошмар ее так напугал, что адреналин зашкалил, и благодаря этому скачку она – хлоп! – и вернулась в нормальное состояние ума? А может, эта эйфория объясняется передозировкой сахара в крови от всего съеденного вчера вечером? Ну конечно, вон как сердце-то колотилось. А, неважно, главное, что чувствует она себя... как это сказать? Оптимистично, вот как.

Какая удача, что сон посетил ее этой ночью, а не следующей, а то опоздал бы. Но почему он ей приснился? Из-за хот-догов? Может, жизнь ей спас легкий приступ несварения? Или это... кто-то из другого измерения? Может, родители, или Хейзел, или какой-нибудь ангел-хранитель? Кто-то старается до нее достучаться, остановить, пока не поздно? Кого же благодарить, хот-доги или ангела? Благодарность

переполняла Мэгги – за то, что она еще здесь, за это прекрасное утро. Она снова посмотрела в голубое небо – посмотрела как раз вовремя, чтобы увидеть стайку проплывающих над Красной горой пуховых облачков. Она улыбнулась и помахала им рукой:

– Привет, малыши. Как я по вам соскучилась.

Утро было настолько тихим, что вдалеке слышался звон колоколов большой методистской церкви. Колокольный звон – что может быть радостнее! Но погодите. Почему так тихо вокруг? С шоссе 280 обычно с шести утра уже доносится ровный гул машин, но нынче – ничего, только чириканье птах. Может, какая-то авария перекрыла дорогу или еще что случилось? И вдруг она вспомнила, какой сегодня день. Неудивительно, что так тихо. Надо же так забыть – как отрезало! Воскресенье, да, но не просто воскресенье, а пасхальное! Нет, представляете? Точно, с головой совсем плохо. Забыть про Пасху!

Увидеть такой сон на Пасху – чудо или простое совпадение? Хотелось бы верить в чудо, но кто знает, как там на самом деле. И вдруг Мэгги увидела то, чего раньше не замечала, и не поверила глазам. Прямо в центре каменной горки росла огромная белая пасхальная лилия! Через столько лет пробиться сквозь камни и расцвести!

Да это же наверняка Хейзел! Хейзел прислала ей луковицы этих пасхальных лилий сто лет назад, и ни одна не расцвела. Не может быть простым совпадением, чтобы лилия столько времени ждала, чтобы расцвести, правда? Конечно, этот год выдался дождливый, так, может, в самом деле совпадение? Каприз природы? Всем сердцем ей хотелось верить, что это Хейзел, но на сто процентов она не была уверена. Потом, словно по команде какого-то небесного режиссера, большой белый голубь, хлопая крыльями, пересек патио, приземлился на край кормушки и, глядя прямо Мэгги в глаза, дважды мигнул. О боже. Не ОДИН знак от Хейзел, а ДВА! Оправившись от первого потрясения, Мэгги вгляделась внимательней и увидела, что голубь вовсе не белый, а светло-серый. Но почти белый. Как сказала бы Хейзел, «ладно, пойдет»!

Ей хотелось вскочить и побежать звонить всем подряд, сказать, что она вернулась. Однако поскольку никто не знал, что она, так сказать, отсутствовала, то явно сочли бы ее сумасшедшей. И вероятно, были бы правы. Всего минуту назад она разговаривала с облаками, но если это безумие – то пусть, на здоровье! Благослови, Боже, Хейзел Уизенкнот. Хейзел явно не хотела, чтобы Мэгги прыгнула в реку.

СЧАСТЛИВОЙ ПАСХИ. УРА И АЛЛИЛУЙЯ!

Через какое-то время у себя дома пробудилась и Бренда, выслушала сообщение на автоответчике, оставленное Мэгги в 6.47, и сказала Робби:

- Не знай я Мэгги, подумала бы, что она надралась или под кайфом.
- Почему?
- Станный у нее был голос.
- В каком смысле – странный?
- Ну, какой-то глупый, что ли...
- Может, просто радостный. Пасха же.

Бренда перезвонила Мэгги, но та не ответила.

Проезжая по городу, залитому утренним солнцем, Мэгги смотрела по сторонам и поражалась тому, что в Бирмингем пришла весна, а она и не заметила. Цвели кизил и азалии, в каждом дворе кивали бело-желтыми головами нарциссы. Она опустила стекла. Воздух пах чудесной свежестью. Вдыхать – разве это уже не чудо? Все было чудесным. Она включила радио – транслировали органную музыку из баптистской церкви на Саус-сайд, – и пела вместе с хором. Наверное, так же рождественским утром чувствовал себя Скрудж^[29], только утро пасхальное.

Мэгги осознала, что изменилась она, а не мир. Птицы так же чирикали, небо было таким же синим, кизил всегда цвел весной, а звезды зажигались по ночам. Новым было то, что она до сих пор здесь и может все это видеть.

Она остановилась у цветочного лотка и купила дюжину белых роз. На кладбище, подойдя к могиле родителей, удивилась, увидев прекрасный, большой букет. На карточке надпись: «С Пасхой. С любовью, Маргарет». От нее. Она совершенно забыла, а вот женщина из цветочного магазина «Бонтон» доставила букет вовремя, как и обещала. Оглядывая кладбище, Маргарет поняла, как должна быть счастлива. Ее бы здесь не было, если бы не выставили на продажу «Гребешок», если бы ее не сбил грузовик с матрасами, если бы Бренда не испугалась, что у нее сердечный приступ, и если бы сама она не наелась накануне острых хот-догов и не увидела кошмар. Она была счастливейшим человеком в мире, а думала всегда наоборот.

Сколько людей, лежащих сейчас в этих могилах, были бы рады прожить еще один год, еще один день и даже час. Какой же неблагодарной надо быть, чтобы отказаться и вышвырнуть оставленное ей время. Как можно было додуматься до такого! Ну да, жизнь не всегда чудесна и прекрасна. Ну и что, что она не умеет ухаживать за кустами черной смородины, правильно выставить программу в микроволновке или освоить

параллельную парковку. Кому какая разница, правильно ли у нее сложена салфетка на столе и с той ли стороны лежат вилка и нож? Да кого это заботит?

И вдруг ей понравился собственный возраст. Не надо выглядеть идеально, да и быть идеальной тоже не надо. Ура! А сколько льгот ее ждет! Ну и что с того, что она боялась старости? Подумаешь, большое дело, кто не боится—то. Все сидим в одной лодке. Теперь она расслабится и позволит себе стареть. Ну станет она носить туфли с каблуком не три с половиной, а два дюйма, что с того? У нее ноги болят. И вообще, почему не позволить себе иногда кусочек торта. А еще она впредь станет ходить только туда, куда ей хочется. Подать сюда памперсы для взрослых! Да здравствуют шишки на ногах и средство от запоров! И если она любит старые фильмы и красивую музыку, кому это мешает?

Хейзел всегда говорила: «Если ты дышишь, еще не все потеряно». И была права. Сама жизнь стоит того, чтобы жить, и сколько бы ей ни осталось, она будет радоваться каждой минуте, и плевать на морщины. Отличная идея! Гора с плеч. Она снова опустила взгляд, чтобы посмотреть на цветы, и кое-что заметила. Нагнулась и сорвала клевер с четырьмя листками прямо возле тротуара. И засмеялась. Теперь уж не ошибешься — Хейзел.

Бекс Бинггтон встретила мистера и миссис Троуп, своих клиентов из Техаса, украденных, кстати, у Дотти Фигг, чтобы отвезти их в аэропорт, и они попросили заехать на несколько минут в Эйвон-Террас посмотреть стандартный дом, чтобы еще раз перед отъездом оценить размеры комнат. Бекс пыталась дозвониться до Мэгги по домашнему и по мобильному телефонам, но безуспешно, решила, что той нет дома, и поехала к ней без предупреждения. Несколько раз постучала, никто не ответил, тогда она воспользовалась ключом из почтового ящика. Пока покупатели ходили и измеряли стены под мебель, она присела в кухне. И тут на кипе газет заметила голубой конверт с надписью: «Тому, кого это может касаться». Надо прочесть, вдруг там инструкции для агентов.

На кладбище, как всегда пасхальным утром, стали съезжаться люди с цветами. Мэгги и забыла, как красиво на Пасху наряжают детей. Подойдя к машине, услышала, как мобильный вызванивает мелодию «Я ищу клевер с четырьмя листочками», — и засмеялась, поскольку как раз держала в руке такой клевер. Наверное, Бренда звонит.

— Алло. Веселой Пасхи!

– Мэгги?
– Да?
– Где тебя черти носят?
– На кладбище.
– Господи Иисусе!
– Кто это?
– Бебс Бинггтон. Ты не наделала глупостей, надеюсь?
– Что?
– Ничего не приняла?
– Ты о чем?
– Как это о чем! Я твою записку прочла.
– Какую записку?
– Которую ты оставила на кухне.
– На какой кухне?
– На своей, идиотка!
– На моей кухне? Что ты делаешь на моей кухне? Какая записка? Я не оставляла тебе записок...

– Тут сказано: «Тому, кого это может касаться».

У Мэгги сердце ухнуло в пятки. Только не это. А ведь она только что подумала, что конец будет счастливым.

Бебс продолжала тираду:

– Да что у тебя с головой – такие записки оставлять? Совсем рехнулась? Я уже собиралась в полицию звонить.

Мэгги охватила паника.

– Подожди, пожалуйста, ничего не делай, я приеду и все объясню.

– Нет у меня времени тебя дожидаться, я клиентов в аэропорт везу. А тебе лечиться нужно. – И повесила трубку.

Миссис Троуп услышала, как Бебс кричит в кухне, вошла и спросила:

– Что-то случилось?

Бебс склонила на сторону голову и сказала с поддельным южным акцентом:

– Что вы, дорогуша, ровным счетом ничего.

Мэгги сидела с телефоном в руке, лихорадочно соображая, что делать. Попробовала перезвонить Бебс, но та не брала трубку. В мире столько людей, ну почему ее письмо обнаружила именно Бебс? Она же теперь всему свету разболтает, это все равно что выложить несчастное письмо в Интернете. Нужно остановить ее, пока не поздно. Мэгги завела машину и рванула в аэропорт на предельной скорости. Приехав, припарковалась напротив терминала «Саусвест Эйрлайнс» и стала ждать. В аэропорту было

почти пусто. Пасха ведь, и полицейские не заставили ее убрать машину с дороги, как обычно. Через четверть часа подъехала Бебс в своем большом серебристом «лексусе» и выпустила клиентов. Мэгги подошла, когда Бебс, улыбаясь, махала на прощанье ручкой. Но едва клиенты скрылись за стеклянными дверями, Бебс обернулась и гневно посмотрела на Мэгги:

– Какого черта ты тут делаешь?

Мэгги склонилась к открытому окну со стороны пассажира:

– Прошу тебя, мне нужно объясниться. Мы можем поговорить минутку?

Бебс резко заблокировала все двери:

– Нет! В машину я тебя не пущу. Ты сумасшедшая, вдруг у тебя нож или пистолет.

Мэгги отступила.

– Хорошо, ладно, но, пожалуйста, давай зайдем куда-нибудь поговорим. Я должна объяснить насчет письма. Пожалуйста... Ненадолго. Позволь, я куплю тебе выпить или кофе. Пять минут, не дольше, обещаю. Просто выслушай меня, а дальше поступай как знаешь.

Бебс посверлила ее взглядом, потом глянула на часы и тяжело вздохнула:

– Ой, ладно, но после этого я еду в Совет директоров риелторов и требую, чтобы тебя лишили лицензии. Куда хочешь поехать?

– Неважно. Ты выбирай.

– Погоди-ка. Да ведь Пасха, все закрыто. Нет, не выйдет.

Мэгги отчаянно искала выход.

– Встретимся в «Руфь Крис» возле гостиницы посольства. Я знаю, они открыты. Буду тебя там ждать.

Мэгги побежала, запрыгнула в машину, помчалась через весь город и прибыла к ресторану первая. Заведение было открыто, и там подавали прекрасный пасхальный завтрак, но еда не интересовала Мэгги. Она сидела за столиком и тряслась: вдруг вместо Бебс войдут люди в белых халатах и увезут ее. Но к ее облегчению, через несколько минут вошла Бебс и плюхнулась на стул напротив. Мэгги дико нервничала и, когда подошел официант, сказала:

– Мне «Розовую белку», двойную.

Бебс одарила ее взглядом и скривилась:

– «Розовая белка»? Шутишь? Что за «Розовая белка»?

– Не знаю, но вкусно.

Официант сказал:

– Похожа на «Кузнечика»... только розовая.

– А, ладно, – махнула рукой Бебс. – Мне тоже несите.

Официант ушел. Мэгги хотела было рассказать анекдот Хейзел про кузнечика по имени Гарольд, чтобы разрядить обстановку, но не стала и приступила прямо к делу:

– Прежде всего, Бебс, спасибо, что пришла. Я знаю, что вынудила тебя насильно, но, поверь, это письмо ничего не значит. Я написала его в момент, когда... В общем, неважно, просто я не думала, что его найдут.

– Зачем же оно там лежало, если не ждало, чтобы его нашли?

– Я собиралась поехать на работу и уничтожить его в резальной машинке. Мне в голову не пришло, что в праздник могут пожаловать посетители. В общем, мне очень жаль, что оно тебя расстроило, прости.

Подали коктейли, Мэгги выпила свой залпом... и подала знак официанту принести еще один.

– Я, когда писала это письмо, была в замешательстве. Ну, в общем, какой-то срыв у меня был, что-то вроде этого. У меня в последнее время слишком много разочарований.

– Да ладно, болтай, у кого их нет, – сказала Бебс. – Ты уверена, что у тебя с головой все в порядке? Письмо совершенно безумное.

На этот вопрос Мэгги не смогла ответить быстро и четко.

– По-моему, тебе надо проверить мозги.

– Может, ты и права, но сейчас, уверяю тебя, никаких глупостей я делать не собираюсь.

Бебс хлебнула напиток и скривилась:

– Гос-споди, до чего *сладко*! – Потом глянула на Мэгги: – Мне-то все равно, но просто любопытно. Как ты собиралась избавиться от своего тела?

– Э-э... Пообещай, что никому не станешь болтать, тогда скажу.

Бебс поклялась, и тогда Мэгги рассказала ей весь план от начала до конца. Бебс кивнула и заметила:

– Отлично, но ты забыла одну вещь.

– Какую?

– Лодка. У всех лодок есть серийные номера. Кто-нибудь нашел бы ее и попытался вернуть тебе.

А ведь Бебс права! Этого она не учла. Но Бебс об этом знать не обязательно, поэтому Мэгги откинулась на стуле и улыбнулась.

– Все верно, но... лодку никто никогда не нашел бы, вот в чем дело, – сказала она, лихорадочно пытаясь придумать почему.

На счастье, подошел официант с еще двумя бокалами, пояснив, что это от мужчины в коричневом габардиновом костюме у стойки. Мэгги улыбнулась ему вежливо, но не слишком дружелюбно, чтобы не подавать

напрасных надежд.

Бибс спросила:

– Ну? И как бы ты избавилась от лодки?

– Ну... – протянула Мэгги, – проще простого... Я собиралась... привязаться к лодке веревкой для сушки белья, когда выгребу на середину реки.

Бибс нахмурилась:

– Веревкой для сушки белья?

– Точно. Потом проделала бы дыру в борту, и, когда воздух выйдет, не лодка меня поволокла бы, а я уволокла бы лодку на дно.

Мэгги поневоле загордилась, что смогла так быстро придумать выход.

На Бибс она явно произвела впечатление.

– Что ж, ты или безумнее, чем я думала, или умнее. Даже не знаю.

– Спасибо, Бибс. Короче, мне очень жаль, что именно ты нашла это письмо. Я знаю, ты не слишком меня жалуешь.

Бибс согласилась:

– Верно, не слишком. Даже если б ты прикончила себя, я бы ничуть не пожалела.

– Почему же ты так расстроилась?

– Не хотела, чтобы ты мне сорвала продажу в твоём кооперативе. Купят – прыгай себе в реку на здоровье.

– Бибс, я тебе не верю, ты просто так говоришь.

– Ничего подобного. Слушай, я к тебе отношусь точно так же, как ты ко мне.

– В каком смысле? Я не питаю к тебе неприязни.

– Да ладно, кого ты пытаешься обмануть? Как будто я не знаю, что все остальные риелторы меня ненавидят. И ты тоже.

Мэгги попыталась возразить:

– Да нет никакой ненависти, Бибс... Ты ошибаешься. – Но тут, вероятно, начали действовать четыре двойные «Розовые белки», выпитые на пустой желудок, и она сказала: – Впрочем... Что правда, то правда, есть такое дело.

– Конечно, ненавидите, но знаешь, в чём разница между мной и всеми вами? Мне плевать, что вы обо мне думаете.

– Бибс, ну как тебя может это не волновать?

– Запросто. Не волнует, и все.

– Правда?

– Правда.

Мэгги посидела, откинувшись на спинку, подумала, затем подалась к

Бebс:

– Послушай, я не со зла, но... У тебя нет ни малейшего понятия о приличиях и ни капли порядочности, это, видимо, и помогает тебе плевать на чужое мнение.

Бebс подумала и кивнула:

– Наверное, не без того.

Мэгги продолжала с любезной улыбкой:

– Честно говоря, ты, вероятно, самое злобное, самое презренное человеческое существо из всех, с кем мне довелось встречаться.

Бebс посмотрела с интересом:

– В самом деле?

– Да. Без сомнения, ужаснее человека я не знаю. – Мэгги покачала пальцем, подчеркивая свои слова: – И должна добавить, ты совершенно испорчена, испорчена до мозга костей. Не удивлюсь, если в один прекрасный день тебя кто-нибудь переедет.

Допивая четвертую «Розовую белку», Бebс вдруг расхохоталась. Ей внезапно показалось, что Мэгги говорит дико смешные вещи.

– Правда, Бebс. Не понимаю, как ты с собой уживаешься. Ты же сущий дьявол, двуличный кровопийца, змея подколотная. И кстати, твои туфли вышли из моды еще в семидесятых. И, Бebс, гранатовые серьги! Никто уже не носит гранатовые серьги, тем более днем. Ты начисто лишена вкуса и этики. Ты груба, полна ненависти, ты гадкая, лживая мошенница и преступница.

Бebс уже буквально корчилась от хохота.

– Вообще-то тебе давно место в тюрьме. – Мэгги помолчала. – Не удивлюсь, если окажется, что ты законченный социопат!

Бebс аж взвизгнула от смеха при этом слове. Как и Мэгги!

Женщина в красивом зеленом платье с кружевным воротником, сидевшая в углу зала, сердито зыркнула на них и пихнула мужа под локоть:

– Гляди, Кертис, напились вдрызг, причем на Пасху!

Когда они взяли наконец себя в руки, Бebс полезла в сумку, выдала Мэгги бумажный платок, с трудом перевела дыхание и сказала:

– А что ты думаешь обо мне на самом деле?

И обе снова грохнули.

Обретя способность говорить, Бebс объявила:

– Может, у тебя в башке солома, но ты презабавная.

Вытирая глаза, Мэгги ответила:

– Спасибо. Надеюсь, тебя не обидело слово «социопат».

– Меня-то? Да меня и хуже обзывали.

Мэгги отдышалась и поглядела на нее с некоторой завистью:

– Ох, Бебси, скажи, каково это – плевать на то, что о тебе думают?

– Да замечательно!

– Просто позавидуешь. Мне бы хоть чуть–чуть поменьше об этом заботиться. Но скажи правду, в глубине души неужели тебя совсем, ни капли не волнует мнение других?

Бебс подумала и ответила с уверенностью:

– Не. Ничуть.

– Правда?

Бебс пожала плечами:

– Ага, ни вот столько.

– А я думаю, что все–таки волнует. Думаю, это все равно действует, просто ты сама не догадываешься как. И возможно, никогда не узнаешь.

– Каких еще «других»? Я лучший риелтор в штате. Остальное меня не трогает.

– А я все равно думаю, что это важно – чтобы о тебе были хорошего мнения.

– Почему?

– Почему? Ну представь, случись с тобой что–то плохое, неужели тебе не хочется, чтобы люди говорили: «Ах, как жаль» вместо «Так ей и надо»?

Бебс пожала плечами:

– Плевать.

– Не хочется, чтобы тебе желали добра?

– Да плевать.

– Ох, Бебси, – сказала Мэгги, протягивая руку к бокалу и промахиваясь, – наверное, у тебя было кошмарное детство. Должна же быть причина такого ужасного поведения.

– Детство как детство, нормальное. Но раз уж мы на эту тему говорим, позволь кое–что спросить. Как тебе удалось украсть у меня «Гребешок»?

– Ах, это.

– Да, это.

Пойманной с поличным Мэгги оставалось лишь чистосердечно признаться.

– Я знакома с человеком, который ведет дела Далтонов, вот и позвонила ему.

Бебс удивилась:

– Вот как...

– Да. И, разумеется, я не горжусь своим поступком.

– Почему? Я бы на твоём месте поступила так же.

Мэгги посмотрела на нее с удивлением:

– Ты не из вежливости так говоришь, нет?

– Я? Нет. – Бебс обвела глазами зал. – Кажется, я проголодалась. Не поесть ли нам?

– Конечно. Заказывай все, что хочешь. Не отказывай себе ни в чем.

Бебс заказала бифштекс с кровью, что ничуть не удивило Мэгги.

Когда они поели, Бебс сказала:

– У меня на сегодня никаких планов. А у тебя?

– Свободна как птица.

Если бы двадцать четыре часа назад Мэгги сказали, что она закончит день фильмом «Звуки музыки» в кинотеатре «Алабама» вместе с Бебс Бингингтон, так и не протрезвев после бесчисленных «Розовых белок», она бы не поверила. После кино Мэгги сказала:

– Окажи мне услугу, Бебс, если ты когда-нибудь купишь нашу компанию, ты можешь уволить меня, но оставь Этель и Бренду, хорошо?

Бебс с улыбкой ответила:

– Ни за что. – Села в машину и уехала. Можно ее любить или не любить, но Бебс верна себе.

Возвращение

Расставшись с Бебс, Мэгги опять ощутила, как хорошо, что она не прыгнула в реку. После такого долгого и тщательного планирования серийный номер лодки мог-таки ее выдать. Видимо, идеального плана просто не существует в природе.

Дома ее встретил трезвонящий телефон. Это была Бренда:

– Что с тобой? Ты в порядке? Я так волновалась! Где ты весь день пропадала?

– Ой, дорогая, прости. У меня все хорошо. Даже лучше чем хорошо. Просто прекрасно, если честно. Замечательно!

– Рада, конечно, что у тебя все замечательно, но я чуть не померла от беспокойства. Пыталась весь день дозвониться. Уже собиралась идти тебя искать. Почему у тебя мобильный выключен?

– А-а, это мы с Бебс ходили в кино, пришлось отключить.

На том конце провода долго молчали.

– Ты что, напилась?

Мэгги захохотала:

– Ну, в общем... По правде говоря, да.

– Что ж. Увидимся утром. Прими лучше аспирин и ложись.

Мэгги сказала:

– Да, мамочка, разумеется. Спокойной ночи. Сладких снов... Пусть тебя клопы не кусают.

Бренда повесила трубку и сказала Робби:

– Я же говорила, что голос у нее был пьяный. Так и есть.

После этого звонка Мэгги решила, что рассказывать Бренде о своих планах на сегодняшний день было бы слишком жестоко. Внезапно она почувствовала, что очень хочет пить. Еще бы, ветчина в ресторане, потом попкорн в кинотеатре. Мэгги налила себе воды и вдруг услышала, как заработал старенький факс в кабинете. Кто это ей шлет письма в такой поздний час, к тому же в праздник? Только бы не кузен, Гектор Смут. Она пошла в кабинет и, увидев, от кого факс, успокоилась. Очередное сообщение от мисс Питкок, библиотечарши. Эта женщина напоминала ей собаку, что не может расстаться с косточкой. Несколько недель неустанных поисков информации об Эдварде и Эдвине Крокер – и вот опять ищет, даже в праздничный день. Мисс Питкок перерыла все, что могла, в своей библиотеке и теперь через Интернет добралась до английских и

шотландских газет. Но так и не смогла разыскать свидетельство о рождении или смерти Эдвины Крокер. Только прислала фотографию Эдвины в белом платье, с тремя большими перьями в волосах. Кто бы ни была эта женщина, вид у нее был счастливый. А это уже немало.

Мэгги сбросила туфли и оглядела пустые стены кабинета. Теперь она жалела, что уничтожила все свои фотографии и упоминания в газетах, но, может, это к лучшему. Слишком много времени она тратила на копания в прошлом. Может, это знак, что пора сосредоточиться на будущем? Странная вещь. Всего несколько недель назад у нее не было будущего. А теперь только будущее и осталось, и столько всего сделать нужно. Она села за стол и принялась за новый список.

СТАРОСТЬ – ПЛЮСЫ И МИНУСЫ

1. Ты до сих пор жива! 1.
2. Скидки и льготы, пока 2.
не сыграешь в ящик
3. Больше никаких 3.
каблуков
4. Не нужно быть 4.
любезной
5. Можно говорить все, 5.
что хочешь
6. Не обязательно смотреть 6.
новости
7. Можно крутить классические 7.
фильмы всю ночь
8. Не нужно делать то, что 8.
не хочется
9. Ты до сих пор жива! 9.

Когда Мэгги увидела все это написанным черным по белому... Да что бы там ни было в будущем, сейчас она не могла придумать ни одного минуса. Она выключила свет и отправилась в постель, понимая, что впервые за много лет ложится спать, с нетерпением ожидая завтрашнего дня.

На следующее утро Мэгги вскочила и, заварив чаю, отправилась на двор поприветствовать еще одно прекрасное весеннее утро. Как чудесно было поднять глаза и увидеть «Гребешок». Она пробежалась по

вчерашнему списку. Потом сидела и никак не могла выкинуть из головы пункт 4 – «Не нужно быть любезной».

Вернувшись в дом, взяла трубку и сделала то, что хотела сделать много лет. Когда на том конце провода ответили, Мэгги сказала:

– Гектор? Это твоя кухня Мэгги из Бирмингема. – И прежде, чем он успел нахамить ей в качестве приветствия, продолжила: – Думаю, ты должен знать, что высмеивать чужой дом и акцент – очень грубо.

– Что?

– До свидания, Гектор. – Она повесила трубку, весьма довольная собой.

Много лет она говорила это исключительно про себя и теперь ни капли не жалеет, что высказалась, мало того, ей все равно, какого он о ней мнения. Свобода – вот что за чувство она испытала. И вот что она еще придумала, откусывая от вафли. Надо позвонить ведущему той ночной передачи и сказать, что ей не нравятся его высказывания в адрес королев красоты.

Но потом решила – не стоит. Ведь у нее вся оставшаяся жизнь впереди, чтобы говорить то, что думает. Ей хватит времени на все. Прямо дух захватывает!

Спустя несколько дней случилось нечто еще более удивительное. Мэгги заскочила в химчистку отдать несколько вещей и уже возвращалась к машине, когда ее окликнули по имени. Это оказалась Дженнифер Рудольф, с которой они не виделись с пятого класса. Обнялись, обменялись парой фраз, и Дженнифер сказала:

– Ох, Мэгги, я тобой всегда так гордилась. Ты самый знаменитый человек из всех моих знакомых. Хвастаюсь тобой перед детьми, мол, я училась с Мисс Америкой.

Мэгги почувствовала прежнюю неловкость.

– Ты знаешь, дорогая, я ведь не стала Мисс Америкой.

Дженнифер удивилась:

– Не стала?

– Да, к сожалению, я была только второй.

– Правда? Да ладно, какая разница, для меня ты всегда была Мисс Америка. – Она засмеялась: – Это ведь как «Оскар», по прошествии лет уже никто не помнит, кто победил, зато помнят номинантов.

Вечером Мэгги думала об этом. Дженнифер явно было все равно, победила она или нет. Господи, так ли важно, в самом деле, что она не победила? Как было бы здорово не бояться встретить старых друзей. А не позвонить ли кому-нибудь, просто поздороваться? Несколько лет назад

устроители конкурса «Мисс Алабама» звали ее в жюри и она отказалась. Но может, если бы ее сейчас позвали, она бы передумала. Может, она даже пойдет на следующую встречу бывших Мисс Алабама. Странная штука. Всего два дня назад она чувствовала себя так, точно танцует последний фокстрот на «Титанике». А сегодня жизнь летит вперед на полном ходу.

Новые открытия

24 апреля

Дни мелькали, весна расцветала все краше. С того пасхального утра для Мэгги что-то изменилось. Не сильно, но для нее весьма ощутимо. Это происходило постепенно и поначалу даже незаметно, но однажды вдруг обнаружилось разом. Ее давний серый страх, который она всегда чувствовала, просыпаясь, растаял без следа, и она, как это ни странно, почти перестала волноваться. Что за облегчение. Конечно, пока еще изъяны в этом спокойствии случались, но за последние несколько недель она их внимательно изучила и приняла решение. Хорошо, значит, она застряла в пятидесятых. Ей нравится пересматривать «Я люблю Люси». Она до сих пор плачет, когда играют Национальный гимн. Может, она слишком старомодна, и Четвертое июля празднует, и радуется параду в честь Дня благодарения, и каждый год смотрит одни и те же рождественские фильмы. Ну и что с того? У нее ушло много сил, чтобы убедиться: жизнь слишком коротка для тоски и цинизма. Хейзел была права. «Мне некогда грустить, слишком много времени уходит на то, чтобы радоваться жизни». И Мэгги согласилась. Она не горела желанием возобновлять тренировки в спортзале дважды в неделю, но с удовольствием записалась на курсы подготовки. Снова начала брать уроки игры на арфе и разучила песню «Голубые небеса», в честь Хейзел. Столько появилось новых дел, что Мэгги почти забыла о загадке шотландских близнецов. Даже мисс Питкок наконец вычерпала все доступное в британских архивах.

Но сегодня, улегшись в постель, она снова про них вспомнила. Фотография Эдвины Крокер на презентации в Букингемском дворце убедила Мэгги, что Эдвина все же сестра Эдварду, а не любовница. Ее не могли наделить титулом «Леди Эдвина Крокер», если она не была Эдвиной Крокер. Англичане таких ошибок не допускают. И все же странно, что у такой важной особы не имелось свидетельства о рождении. Ну что ж, пусть это останется неразгаданной тайной. Мэгги погасила свет и попыталась уснуть.

Часа в два ночи она внезапно села на кровати и сказала: «О боже!» Как она раньше не замечала? Это же очевидно, как нос на ее лице. Неудивительно, что Эдвард и Эдвина никогда не фотографировались

вместе, а мисс Питкок не нашла ее свидетельства о рождении. Никакой Эдвины Крокер не существовало. Эдвард и Эдвина были одним человеком! Ну конечно. Оба чемодана с одеждой принадлежали Эдварду.

Наконец все встало на свои места. Эдвард Крокер переодевался женщиной. В Лондоне он жил как женщина, а в Бирмингеме – как мужчина. Вот почему он так и не представил Эдвину друзьям. Он просто не мог физически. Вот бедняга. Как, наверное, Эдвард страдал все эти годы, стараясь сохранить секрет. Храни его Господь, больше ему не нужно беспокоиться, что тайна раскроется. Она в надежных руках. Мэгги нет надобности кому-то рассказывать. Но по крайней мере, теперь она знает, что не такая тупая, как думала. Она разгадала загадку шотландских близнецов. Вот она, правда.

Мэгги никак не могла этого знать, но она смертельно ошибалась. Никакая это была не правда. Только четыре человека во всем мире знали настоящую правду: Ангус – отец, врач, медицинская сестра Летти Росс и, конечно, сама Эдвина. Кроме этих четверых единственным живым созданием, знавшим правду, была муха на стене в тот день 1884 года, когда завязалась эта история.

Что видала муха на стене

Эдинбург, Шотландия 22 мая 1884

В день, когда родился Эдвард Крокер, врач, принимавший роды, ликовал. Его пациентка родила двойню, мальчика и девочку. Сестра Летти Росс выскочила на лестницу и донесла до ожидавшего внизу Ангуса добрую весть: его жена дала жизнь и сыну, которого он так жаждал, и дочери.

Но спустя кошмарный час измученный доктор спустился и медленно прошел через холл к рабочему кабинету, страшась возложенной на него миссии. Доктор нуждался в финансах, и Ангус Крокер обещал, если все пройдет успешно, построить ему больницу. Но прошло не успешно. Из-за непредвиденных осложнений он потерял мать, а вскоре умер и более слабый из близнецов.

Поздно вечером, когда всех слуг отправили по домам, в кабинет вызвали молоденькую медсестру, и дверь за ней закрылась. Никто не знает, какие деньги пошли в ход и что было сказано, но среди ночи одного ребенка завернули в простыню и унесли, а поутру лежащий в колыбели младенец был окрещен Эдвардом, и в свидетельстве о рождении в графе «пол» записано: мужской. Врач получил больницу, а юная медсестра – пожизненное место службы. Жена умерла и не сможет родить ему другого ребенка, в жилах которого текла бы кровь и Крокеров, и Сперри. В эту ночь полубезумный от горя и ощущения всемогущества Ангус совершил сделку с дьяволом.

У Крокера будет сын. Не такой, на которого он надеялся, но этот ребенок продолжит его дело так, как сможет. Да, что-то придется принести в жертву. А он, его отец, разве не приносил жертв ради создания империи? Разве не умерла его мать, дав ему жизнь? Этого ребенка заставят понять, что выбора не было. Ребенок женского пола не благо для богатого человека, а, наоборот, помеха. Нагрянут охотники за приданым, законы супружества никто не отменял, и после его смерти они получат полный контроль над капиталом Крокеров – Сперри. Разве сам он поступил не так же? Ангус не собирался отдавать труд всей жизни невесть какому вору и негодяю. Такое не раз бывало. Ребенок в конце концов поймет, что все это было сделано ради его же блага. Ребенок однажды скажет ему спасибо.

После похорон жены Ангусу хотелось оказаться как можно дальше от места, связанного с болезненными воспоминаниями. Он продал все имущество компании в Шотландии, и, едва дитя окрепло для путешествия, отец, медсестра и ребенок отплыли в Америку и по прибытии в Нью-Йорк наняли частный поезд до Бирмингема. Следуя рекомендациям своего шотландского друга, Эндрю Карнеги из Питтсбурга, Ангус приобрел тысячи акров земли, которые намеревался превратить в самую большую угольную, железную и стальную компанию на Юге.

Летти Росс знала: сделка, которую она совершила, безбожна, но эта сделка спасет от бедное—ти восемь ее братьев и сестер и больную мать. Ее заработка хватит на лекарства, еду, отопление и образование для братьев и сестер. Может, ее саму ждет ад, но это не слишком большая цена за выживание целой семьи. И ребенок в ее заботливых руках ни в чем не будет знать нужды, тогда как заложенный природой пол принес бы ему только лишения. Какая женщина, будь у нее шанс, не согласилась бы прожить жизнь мужчиной? Мужчины могут путешествовать по всему свету, мужчины имеют право голосовать, их не избивают пьяные мужья, как ее бедную мать. Но самое главное – этого ребенка не заставят подчиняться мужчине. Не то что ее, Летти.

Годы шли, и она видела, какую одинокую, несчастливую жизнь ведет малышка. Когда ей исполнилось шестнадцать, именно Летти Росс первой выдвинула идею Эдвины. Сколько радости это принесло: поездки в Лондон, покупка нарядов. Через несколько лет была куплена квартира в Мэйфере, фешенебельном районе Лондона, и начался великий обман. В июне 1918 года мисс Эвина Крокер, сестра—близнец Эдварда, была представлена лондонскому обществу. Летти Росс была счастлива. Девушка может быть собой, и пусть это всего несколько месяцев в году, зато прекрасный отдых от необходимости остальную часть года быть Эдвардом. Когда Ангус умер, Эвина унаследовала семейный бизнес и теперь несла ответственность за все компании Крокера. Времени на развлечения не оставалось. Эвина вспоминала лондонских друзей, вечеринки. Один раз она даже влюбилась и подумывала, не бросить ли эту глупую игру в шарады. Но к тому времени было уже поздно. Разоблачение вызовет слишком сильные волнения, а скандал может привести к краху компании. Ей нужно думать о благоденствии сотен рабочих, и, несмотря на всю любовь, она распрощалась с молодым человеком. Но была и другая причина, почему она не бросила играть роль Эдварда и не вышла замуж. В отличие от большинства женщин, Эвина почувствовала, что это за штука – власть, что значит – быть мужчиной. И, однажды получив эту власть, уже

не хотела отдавать ее, даже за любовь.

В конце концов, она была дочерью своего отца, и ей нравилось делать деньги, нравился бизнес. Умная, способная, она жила сразу двумя жизнями, мужчины и женщины, и интуитивно разбиралась в людях даже лучше старика Ангуса. Взяв дело в свои руки, она утроила капитал компании. В 1932 году она предсказала спад спроса на уголь в качестве топлива и – в противовес другим упрямым угольным магнатам – послушалась интуиции и распродала большую часть процентов с угольных предприятий, переместив деньги в нефтяные разработки в Техасе.

Какой была бы ее жизнь в качестве Эдвины, со всеми ограничениями, связывающими женщину в обществе? Несмотря на все безрассудство и эгоистичность поступка ее отца, это, по большому счету, и вправду принесло ей только благо.

В качестве Эдварда, сына, она получила полный контроль над собственной жизнью. В качестве Эдвины, дочери, ей достались бы деньги, но не контроль над ними. Она носила бы фамилию Крокеров, но никогда не имела бы той власти, которая прилагалась к фамилии. Были и другие преимущества. Когда Эдвард говорил, его слушали. Когда он выступал за интересы женщин, от него не отмахивались как от очередной эмоциональной барышни. Когда Эдвард отдавал приказы мужчинам, они не артачились, как если бы ими командовала женщина.

И нельзя сказать, что у нее в жизни не было удовольствий. Как они с Летти хохотали, представляя лица мужчин, если бы те узнали, что женщина возглавляет одну из самых крупных компаний в мире и обставила большинство из них в гольф. А если бы открылось, что женщина избрана президентом трех чисто мужских клубов!.. Эдвина знала, что на самом деле думают мужчины о женщинах. Слышала, так сказать, из первых уст. В те времена даже в глубоко расистском обществе самый необразованный черный мужчина имел право голосовать, в отличие от получившей высшее образование женщины, неважно, белой или цветной. Если она в роли Эдварда хоть что-то смогла сделать в этом направлении, значит, как говорит Летти, это не слишком большая цена и дело того стоило.

Но с годами вечное напряжение от двойной жизни начало давать о себе знать. Настало время платить по счетам. В 1939–м, будучи в Лондоне, Эдвина вдруг почувствовала себя более усталой, чем обычно. Настояв на том, что ей нужен полноценный отдых, Летти повезла ее к себе домой, в Северную Шотландию, чтобы показать своему брату–врачу.

Результаты обследования не порадовали. У Эдвины обнаружилась лейкемия в запущенной стадии, она умирала. Летти была раздавлена горем

и не отходила от нее ни на миг. Через несколько недель Эдвина Крокер умерла на руках Летти – на тех же руках, что приняли ее в миг рождения.

После смерти ее любимой Эдвины Летти пришлось решать, как информировать мир о том, что случилось с Эдвардом. Люди из Бирмингема вскоре начнут задаваться вопросом, где он.

На следующее утро она послала телеграмму. И в «Бирмингем ньюс» вышла заметка на первой полосе с заголовком большими буквами:

ЕСТЬ ОСНОВАНИЯ ОПАСАТЬСЯ,
ЧТО ЭДВАРД КРОКЕР ПРОПАЛ БЕЗ ВЕСТИ
В МОРЕ

Через три дня после смерти любимой сестры бирмингемский магнат Эдвард Крокер объявлен пропавшим без вести, вероятно, вследствие несчастного случая во время прогулки под парусом. Инцидент произошел у северного берега Шотландии, где похоронена его сестра.

Весь Бирмингем замер в ожидании новостей. Когда они поступили по телетайпу, их немедленно опубликовали и передали по радио:

ЭДВАРД КРОКЕР ОФИЦИАЛЬНО
ПРИЗНАН ПОГИБШИМ

Неделю спустя больше тысячи человек пришли на похоронную службу по тому, кого не существовало. Эдвард Крокер, богатый и могущественный промышленник, тихо скончался в никому не известной деревушке в Северной Шотландии. Но перед смертью Эдвина озвучила последнюю просьбу: похоронить ее в «Гребешке». Летти пообещала. Однако в 1939–м в Европе разразилась война, и путешествие было сопряжено с большими трудностями, так что поездку домой пришлось отложить. И тело Эдвины временно похоронили на маленьком кладбище на краю деревушки, в безымянной могиле, до тех пор, пока не возобновятся рейсы на Америку.

Возвращение в «Гребешок»

Шотландия 1946

Через семь долгих лет, когда война в Европе наконец завершилась, Летти начала строить планы, как переправить дорогую Эдвину домой, ибо дело это совсем не простое. Официальным путем нельзя вывезти тело из страны. У Эдвины Крокера нет свидетельства о рождении. И хотя оно есть у Эдварда Крокера, риск слишком велик: представитель закона на границе мог заметить подлог. Как объяснить, почему женское тело путешествует с мужским свидетельством? Но Летти была настроена решительно. Она доставит тело домой и при этом сохранит тайну Эдварда и Эдвины. Она поклялась Эдвине и сдержит слово.

С помощью брата тело было эксгумировано, переправлено к другу семьи – работнику похоронного бюро, и останки подготовлены к долгому переезду. Кости очищены, одеты в традиционный шотландский костюм цветов семьи Сперри и повешены на вешалку в один из двух походных чемоданов среди прочей одежды. Летти хотела плыть вместе с чемоданами, но брат ее, хотя и обязанный Летти за свое образование, побоялся ехать на одном корабле с чемоданами, мало ли, вдруг какие-то неприятности возникнут. И чемоданы, по его совету, были отправлены вперед.

А когда станет известно, что багаж на месте, он и Летти прибудут на следующем корабле и частным образом захоронят тело в «Гребешке».

Эдвард оставил «Гребешок» своему партнеру по бизнесу, Джорджу Далтону. Летти прекрасно знала миссис Далтон, милую женщину, обожавшую Эдварда, она была ему другом и исполняла роль «хозяйки дома» на вечеринках. Много часов провели они вместе, планируя праздники. Летти не сомневалась, что миссис Далтон можно доверить любое поручение Эдварда, и послала ей в «Гребешок» телеграмму.

Миссис Далтон,

Исполняя последнюю волю мистера Крокера, посылаю вам два чемодана с личными вещами. Дождитесь, пожалуйста, моего приезда. Буду благодарна, если по получении дадите знать, что их доставили в сохранности.

Летти Росс

Едва чемоданы прибыли, миссис Далтон немедленно велела отнести их на чердак и надежно запереть. Дети ее были страшно любопытны, и она не хотела, чтобы они рылись в вещах Эдварда.

Дорогая мисс Росс,

Чемоданы доставлены в полной сохранности. Будут на чердаке дожидаться вашего приезда и дальнейших инструкций.

Миссис Джордж Далтон

План Летти был прост. По приезде в Бирмингем они с братом объяснят миссис Далтон, что Эдвард хотел некоторые личные вещи похоронить в «Гребешке». Она знала, что миссис Далтон отнесется с уважением к его последней воле. Они захоронят чемоданы в тенистом саду за домом, не открывая их, а затем она вернется в Шотландию и умрет счастливая, что работа всей жизни успешно завершена.

Получив извещение о доставке чемоданов, они тотчас купили билеты до Америки. Через неделю Летти, которой было уже под восемьдесят, готовилась к грядущему путешествию, и тут внезапно ее хватил удар. Так и не добравшись до Бирмингема, она умерла через пару лет, в 1949–м.

Вплоть до 6 ноября 2008 года, пока Бренда не взломала дверь, тело Эдвина–Эдварда так и провисело в шкафу на чердаке, запертое и всеми забытое.

Секреты красоты

1 мая

После того как Мэгги поняла, что хочет жить, она начала пересматривать свою жизнь, пытаясь понять, почему в ней не было счастья. И в один прекрасный день осознала, что, хотя никогда намеренно никому не лгала, она жила во лжи много лет.

Бренда думает, что Мэгги такая вся из себя хорошая и добродетельная, но она заслуживает правды, даже если есть риск потерять ее дружбу.

Она набрала номер Бренды и пригласила ее пообедать в старое кафе «Айрондейл». Хотела, прежде чем признаваться, досыта накормить ее вкусной едой, чтобы она не хлопнулась в обморок, например. Бренда не подвела. Заказала куриную печень с макаронами и творожно–лимонный торт–мороженое. На обратном пути Мэгги набралась духу и начала:

– Бренда, думаю, ты кое–что должна обо мне знать... Я тебе этого никогда не рассказывала. Возможно, тебя это шокирует.

– Вряд ли, – хохотнула Бренда.

– Ну... как сказать.

– Ладно. Что ты мне хочешь рассказать? Что на самом деле ты «полуночный бандит», который грабит магазины «7–Одиннадцать»? [\[30\]](#)

– Ой, нет. Ничего похожего, но все равно гордиться нечем.

– Что же?

Мэгги набрала побольше воздуха.

– Ну, человек, с которым у меня был роман в Далласе... Я рассказывала тебе? Ричард?

– Да. И что с ним?

– Он был женат.

– И?

– И все. Он женатый был. У меня двенадцать лет подряд тянулся роман с женатым человеком.

– А–а.

– Я тебе раньше не рассказывала, потому что боялась разочаровать.

– Ясно.

Мэгги озабоченно посмотрела на Бренду:

– Ох, Бренда, прости. Ты, наверное, жутко шокирована?

– Ну да. Шокирована, но не разочарована.

– Серьезно? Не разочарована?

– Нет. Мы все совершаем ошибки. На то мы и люди, чтобы их совершать.

– Ты ведь не стала бы меня обманывать, чтобы утешить?

– Нет, конечно.

Бренда притихла, что было на нее не похоже, и Мэгги уже начала подумывать, не зря ли ей рассказала. Какой ужас. Наверное, она все погубила. Они ехали в полном молчании, и Мэгги с каждой минутой тревожилась все сильнее. Но Бренда вдруг заговорила:

– Мэгги, помнишь того профессора в колледже, о котором я тебе рассказывала, что у нас роман?

– Который тебе сердце разбил в выпускном классе?

– Да... Так вот, я тоже кое-чего недоговаривала. Даже Робби и Тонья не знают.

– Чего же?

Бренда долго молчала. Потом ответила:

– Она тоже была замужем.

– О-о. Понятно, почему все это было так слож... – Вдруг Мэгги замолчала, на полуслове осознав услышанное. – Она?

– Ага.

– Ох, Бренда, правда?

– Ну да. Замужем, белая и еврейка. Что я могу сказать? Так что, видишь, ты не одинока. У всех есть свои маленькие секреты. – Бренда посмотрела на Мэгги: – Удивлена?

– Э-э... Наверное.

– А разочарована? У тебя странный вид.

– Ой, нет, не разочарована. С чего вдруг? Просто... Даже не знаю. Польщена, что ты мне настолько доверяешь, что поделилась.

Теперь Бренда вздохнула с облегчением.

– Уф... Я рада, что все позади. Перенервничала. Аж взмокла вся. – Она выхватила из сумочки шоколадку первой помощи и откусила. Прожевав, глянула на Мэгги. – Что ж, тогда... раз мы обе вытащили наших котов из мешков, как говорится в песне, «это только наше дело, и больше ничье», верно?

– Верно.

– Жизнь штука непростая. Каждый заслуживает иметь хотя бы один маленький секрет, как думаешь?

– Согласна. – Помолчали, потом Мэгги сказала: – Бренда, можно я

кое-что спрошу? Как думаешь, я уже слишком стара, чтобы научиться параллельной парковке?

– Нет, я так не думаю. Я думаю, что ты можешь освоить все, что захочешь.

– Правда?

– Абсолютная правда.

– О, Бренда... Знаешь, как я счастлива! Как будто с груди свалился камень весом в сто фунтов.

– У меня тоже.

– Мы стали ближе, правда?

– О да.

И обе улыбались всю дорогу до дому. Как хорошо иметь близкого друга.

Сообщение от Мици

22 мая

Жизнь Мэгги расцветала с каждым днем. Она даже подумывала пойти на какие-нибудь курсы кулинарного искусства.

Однажды она собралась уже отправляться на работу, когда в кухне зазвонил телефон.

– Мэгги? Это Мици. Слушай, дорогая, ты просто не представляешь, как мне больно это говорить, но компания Дэвида совершенно измучена этим ужасным экономическим кризисом. В общем, его пока не отпускают на пенсию.

– Кошмар.

– Да, представляешь! Ему придется остаться в Нью-Йорке по меньшей мере еще на три года и помочь им выкарабкаться.

– Ох, Мици, мне очень жаль.

– Да, мне тоже, но хуже всего знаешь что? Мы не можем позволить себе оставить оба дома – и нью-йоркский, и «Гребешок», придется его продавать.

У Мэгги подкосились ноги, и она села.

– Понятно.

– Слов нет, как я расстроена. Ты, наверное, считаешь меня дурочкой, но мысленно я практически уже обставила дом мебелью и намечтала, как буду устраивать вечеринки, и все такое.

Мэгги положила трубку, ей было ужасно жалко и Мици, и «Гребешок». И она боялась, что больше не найдет для него таких подходящих людей.

На работе Этель обрушила на нее новость еще более печальную:

– Малыш Гарри умер.

– Не может быть. Когда?

– Вчера.

– Почему? Что стряслось?

– Не уточняют, наверное, просто от старости. Нужно послать цветы, да?

– Обязательно. Бедный Малыш Гарри. Удивительно, что он так долго прожил. Ему ведь было очень одиноко без Хейзел.

– Да уж.

– Сколько же ему было? Восемьдесят? Восемьдесят пять?

Этель покачала головой:

– Нет, меньше, он был лет на десять моложе Хейзел. Неизвестно, правда, знал ли он сам об этом. В общем, ты понимаешь, что это означает? Мне неприятно быть черным вестником, но ничего хорошего для агентства «Красная гора» это не сулит. Я всегда говорила: стоит Гарри отправиться на тот свет, его семья тут же продаст компанию.

Мэгги кивнула:

– Ты права.

– К несчастью, да. Десять минут назад звонил адвокат и сказал, что хочет посмотреть приходные книги.

– Серьезно? Он не сказал зачем?

– Хочет их просмотреть, прежде чем отошлет заинтересованной стороне. Угадайте с трех раз, что это за сторона. Намекну: она уже несколько лет ястребом кружит над нашими головами.

– Бренда уже знает?

– Да, она была здесь, когда звонил адвокат.

– Расстроилась?

– А у кошки есть хвост?

– Где она?

– Вероятно, у себя в кабинете.

Мэгги пересекла холл и позвала:

– Бренда, ты здесь, дорогая?

Но Бренда в этот момент уже входила в двери магазина «Хрустящие кремовые пончики» в нескольких кварталах от офиса. При мысли, что Бебс Бингингтон достанется компания Хейзел, ее затошнило. Требовался пончик, причем срочно. Бренда уселась за стойку, посмотрела в глаза официантке и сказала:

– Дюжину глазированных, дюжину ассорти и четыре булочки с корицей, это с собой. И принесите кофе и два пончика с повидлом, это здесь.

Зазвонил мобильный, но она не стала брать. Наверное, куратор «Анонимных обжор», утром она не позвонила. Но Бренда была не в настроении, и нечего ее спасать от самой себя.

Через десять минут, когда Бренда готовилась вонзить зубы во второй пончик, сзади раздался знакомый голос:

– А ну. Бренда, прочь от стойки!

Это была Тиронда, ее кураторша из «Анонимных обжор»!

– Ты меня слышала. Прочь от этих пончиков. Положи пончик на стол,

живо!

Бренда знала, что с Тирондой шутки плохи: полицейская на пенсии ростом в шесть футов^[31] могла запросто покалечить, если захочет. Бренда медленно опустила надкусанный пончик на тарелку, и Тиронда тут же ухватила ее за сумку и поволокла к выходу. Девушка–официантка крикнула:

– А как же ваш заказ на вынос, уже не нужен?

– Нет, не нужен! – рявкнула Тиронда.

Бренда сегодня не только потеряла работу, но ее еще выдала эта предательница Мейми Лу Браун из «Анонимных обжор»: случайно проезжая мимо, она заметила напротив магазина пончиков машину Бренды с рекламой агентства «Красная гора». А все эта чертова машина виновата! В некоторые дни лучше не выбираться из постели до вечера.

Мэгги в который раз набирала номер Бренды, хотя ей и самой было несладко. Столько трудов – и все впустую: Бебс Бингингтон все же угробит «Гребешок». И с чего это она решила, что жизнь прекрасна?

На следующий день их худшие опасения оправдались. Компанию продали настолько молниеносно, будто все документы подготовили заранее, еще до того, как умер Малыш Гарри. Через четыре дня явился адвокат Бебс и объяснил, что им дается две недели, чтобы очистить помещение, а по истечении этого срока вся существующая в их распоряжении собственность по контракту сливается с собственностью компании, владеющей контрольным пакетом акций. И в последний день они обязаны вернуть взятые в аренду автомобили.

– Полагаю, выходного пособия нам не полагается? – спросила Этель.

Адвокат покачал головой:

– Нет, к сожалению, новый владелец считает, что уведомления за две недели вполне достаточно.

– То есть после сорока семи лет работы в компании – «Вот ваша шляпа, вы, кажется, спешите». Купить бы бутылку шампанского и долбануть ее по башке.

Адвокат улыбнулся.

– Понимаю ваши чувства, миссис Клип, – сказал он, вытягивая из портфеля очередную стопку бумаг. – Однако на вашем месте я бы так не волновался. Предыдущий владелец. Хейзел Уизенкнот, оставила определенные распоряжения, которые, думаю, всех вас более чем устроят.

Наконец–то хоть один приятный сюрприз.

Определенные распоряжения

В восьмидесятых, когда мир свихнулся на судебных тяжбах и бизнесмены закидывали друг дружку высосанными из пальца исками. Хейзел перевела свою вторую компанию, «С. П. Инвестментс», на имя Гарри. Все знали, что Гарри владеет еще одной компанией, имеющей дело с несколькими коммерческими агентствами недвижимости. Но кое-чего не знал никто. А именно, что в конце пятидесятих, когда земля была дешевой, «С. П. Инвестментс» по-тихому, квартал за кварталом, скупала земли на Сауссайд – ту самую землю, где нынче расположен Алабамский медицинский университет. Хотя Хейзел жила скромно, умерла она до жути богатой. А будучи и умной, и удачливой женщиной, она, конечно же, захотела принять меры, дабы в случае краха какой-либо из компаний адвокаты не смогли отобрать у нее всю собственность. Тогда же Хейзел поставила Гарри условие, что ежели с ней что случится и он продаст компании, то обязан будет позаботиться обо всех членах Команды Хейзел. И, следуя ее завещанию, им полагалось пятьдесят процентов дохода от агентства «Красная гора» и «С. П. Инвестментс». Поскольку в Команде Хейзел осталось только три человека, адвокаты вручили каждой чек на 8 278 000! Попутно разъяснив, что с этой суммы придется заплатить налоги, но даже после выплат останутся огромные деньги. Все трое лишились дара речи.

Бренда обрела его первая.

– Но я никогда не слышала о «С. П. Инвестментс». Кто такой этот С. П.?

Адвокат справился в бумагах и объяснил, что С. П. – вовсе не человек. С. П. – это сокращение от Счастливы Пенни.

Слегка оправившись от шока, все задумались, что будут делать с деньгами.

Этель заявила, что отправится в кругосветное путешествие, поставит себе титановый тазобедренный сустав, сделает подтяжку лица и удалит катаракту.

– А я свои в банк положу, – сказала Бренда, – и буду помалкивать. Если мои племяннички прознают, что у меня водятся денюжки, я не доживу до того момента, когда они кончатся.

– А ты что сделаешь, Мэгги? Уже решила?

Мэгги точно знала, что будет делать со своими деньгами. И

улыбнулась.

– А я куплю «Гребешок».

В тот вечер Дэвид и Мици пришли в восторг, когда она позвонила и все им рассказала.

– Ох, Мэгги, я так горевала, что от него пришлось отказаться, а теперь и думаю – не был ли он с самого начала предназначен для тебя? – сказала Мици, немного успокоившись. – Разве не странно, что все так сложилось?

Через несколько дней, вернувшись домой из универмага, Одри Данкин была удивлена, найдя в почтовом ящике адресованное ей письмо. В последнее время она редко получала настоящие письма. В основном приходили или счета, или рекламные объявления, или завуалированные под письма рекламные объявления. Но в этом конверте оказался чек на сто тысяч долларов – не банкнота, а чек. Она не знала, от кого чек и настоящий ли он, так что решила не слишком радоваться, пока не проверит. А вдруг он в самом деле настоящий. Ох, сколько тогда она всего сделает! Прежде всего, обновит свой гардероб, поведет себя в хороший ресторан и повеселится вволю. В общем, на эти деньги можно закупить кучу мелочей, как нужных, так и не нужных.

В тот же день Ассоциация приходящих медсестер и Общество спасения получили чеки на круглые суммы, а также был основан фонд Охоты за пасхальными яйцами имени Хейзел Уизенкнот. Мэгги подумала, что подруге это понравилось бы.

Мэгги верилось с трудом. Все-таки счастливый конец, кажется, неминуем. «Гребешок» будет ее. Она сможет вешать на дверь сентиментальную мишуру на День благодарения, и рождественские гирлянды, и страшилищ на Хэллоуин, и флажки на Четвертое июля. Сможет прятать на лужайке передом домом яйца и высаживать белые лилии на Пасху. Дом будет ее – украшай как хочешь! Для Мэгги это было не просто здание из кирпичей и камня. За ним стояла идея. «Гребешок» являлся для нее символом красоты, изящества и симметрии. Он был мечтой, которую человек воплотил в реальности и которая осталась после него. И еще ей постоянно вспоминались слова Хейзел об одной маленькой свече. Может, в этом суть. Может, ей надо хранить огонь этой свечи как можно бережнее. И кто знает, может, однажды какая-то девочка посмотрит на гору и вдохновится, как когда-то она сама. Ведь в людских душах должно остаться место для красоты и мечты, правда?

Этель, конечно, объявила, что это начало конца западной цивилизации.

Может, и так, но Мэгги будет цепляться за нее как можно дольше, ибо сколько бы гадостей ни говорили про западную цивилизацию, а ей она нравится. Эта цивилизация была такой цивилизованной. Пусть мы не идеальны, но, господи, разве мы не подарили миру кинодив, музыкальные комедии, электричество, бейсбол, хот-доги и гамбургеры, не говоря уж о Диснейленде? И если кто-то думает, что теперь, когда у женщин появились равные с мужчинами права, они тут же потеряли к ним интерес, ему следует поговорить с Брендой. Уж она ему разъяснит, что ничего подобного. Как старая железная статуя Вулкана, Мэгги будет стоять на горе, глядя сверху на свой любимый город. Вот на днях она видела на бампере машины, за рулем которой сидел молодой человек, надпись: ЖИЗНЬ НЕ ДЕРЬМО! Ничего, что сказано грубовато, но послание довольно обнадеживающее. Ей не нравилось, как она начала свою жизнь, зато конец ее вполне устраивал. Мэгги начала думать, что, может, меняться и не стоит. Может, она сойдет такая, как есть? Шагает она немного не в ногу с остальным миром, зато счастлива.

И вдруг ее посетила простая мысль. Хейзел всегда говорила: «Оглянись – и увидишь, что нужно людям, а потом дай им это». Вот оно. Она прекрасно видит, что нужно людям, и в состоянии это дать. Она подошла к столу, потянулась было к компьютеру, но не стала включать. Нет, такие важные вещи нужно записывать от руки. Она вынула лист бумаги и принялась записывать названия глав для будущей книги.

ЭТИКЕТ АГЕНТА ПО ТОРГОВЛЕ НЕДВИЖИМОСТЬЮ

Маргарет Энн Фортенбери

ПЛАН

Глава первая
Для продавцов

Демонстрация вашего дома

А. Уходите из дома, когда его показывают желающим

Б. Забирайте с собой детей и животных

В. Не оставляйте в раковине грязную посуду, пожалуйста

Глава вторая

Для покупателей

Осмотр дома

- А. Из уважения к хозяевам не берите с собой детей и животных
- Б. В процессе осмотра дома не позволяйте себе грубых замечаний
- В. Если вам не понравится дом, пожалуйста, не оскорбляйте агента

Глава третья

Для агентов

- А. Оставляйте своих детей и животных дома
- Б. Пожалуйста, не говорите плохо о других агентах
- В. Не крадите договоренность о продаже у других агентов

Сначала она закончит книгу потом, дай-то бог, еще много лет будет радоваться жизни в «Гребешке», а затем переберется в «Св. Иоанн в соснах», чтобы играть в бридж, ездить на автобусные экскурсии и, возможно, брать уроки игры в гольф. И к тому же еще есть Чарльз.

Оказалось, он уже более шести лет как вдовец. Чарльз позвонил и сообщил, что через месяц переезжает домой и хотел бы пригласить ее на ужин. Разве одно это не стоило того, чтобы не прыгать в реку?

Конечно, в качестве хозяйки «Гребешка» она становится и хозяйкой скелета Крокера, а значит, ей одной решать, как с ним поступить. Мэгги понимала, что если люди узнают правду об Эдварде Крокере, естественно, пойдут разговоры. Все, что касается сексуальной жизни человека, будь он жив или мертв, вызывает нездоровый интерес и кривотолки, становится пищей для домыслов и пересудов. Все хорошее, что сделал человек, забывается, и от всей его жизни остается только один факт. Мэгги решила, что Эдвард Крокер заслужил уважения. Пусть он останется в памяти людей добрым, щедрым человеком, пропавшим без вести на морской прогулке. Она похоронит его останки в саду, как он того и хотел.

Это самое малое, что она может для него сделать.

А жизнь продолжала удивлять сюрпризами. Не прошло и месяца с тех пор, как Бебс Бингингтон купила агентство «Красная гора», и вдруг ее знаменитый специалист по капиталовложениям из Нью-Йорка (тот самый, которого она шантажом заставила взять ее в клиентки) загремел в тюрьму. Бебс в один день стала полным банкротом. Ей пришлось распродать все. Это был страшный удар. И унижение. Бывшая владелица собственного агентства теперь искала работу простым агентом. Она послала резюме

даже новой хозяйке «Агентства недвижимости Бебс Бингингтон» – Этель Клип. Надо ли говорить, что ей категорически отказали?

Что же касается Мэгги... Всю жизнь Мэгги казалось, что счастье – это «Гребешок». И в жизни счастье оказалось даже сильнее, чем в ее былых фантазиях.

Через год Мэгги расставляла в гостиной вазы с цветами, а внизу, у статуи Вулкана, худенькая десятилетняя девочка, приехавшая с пятым классом на экскурсию, подняла глаза и впервые увидела на вершине горы «Гребешок». И подумала:

А. Красивее дома я еще не видела!

Б. Интересно, а туда пускают?

В. Вот где я хотела бы когда-нибудь жить.

Конец,

или

Может быть, только начало

Эпилог

Четыре года спустя

В Бирмингеме впервые в мэры избрали женщину предвыборный девиз которой звучал так: СОЧУВСТВИЕ... К ТОЧКЕ ЗРЕНИЯ.

Бренде не пришлось испытывать на себе правила для баллотирующихся «Три раза – и ты вылетаешь». Она прошла с первой же попытки. Через два дня после избрания, когда она назначила Тиронду Джонс, свою строгую кураторшу из «Анонимных обжор», новым начальником полиции, все три Брендиных паразита–племянничка, жаждавших стать рэп–звездами, вдруг загремели в армию.

Еще одной большой новостью для Бирмингема стало то, что 93–летняя Этель Клип попала в Книгу рекордов Гиннеса как самый старый работающий агент по торговле недвижимостью в мире. Хотя сама Этель, разумеется, пришла в ярость. Не желала она, чтобы о ее возрасте трезвонили на весь мир.

Чарльз и Мэгги поженились и теперь очень счастливы. Как удобно устроен мир. Как раз когда у нее начали появляться морщины, у Чарльза стало слабеть зрение. Но для Чарльза Мэгги не постарела ни на миг. Он всегда будет смотреть на нее и видеть красивую девушку в белом платье.

notes

Примечания

Пригород Бирмингема, в переводе с английского – Торный Ручей. –
Здесь и далее примеч. перев.

Альберт Арнольд «Эл» Гор–младший – вице–президент США с 1993 по 2001 год в администрации Билла Клинтона. В 2007 году Юру была присуждена Нобелевская премия мира за работу по защите окружающей среды и исследованиям проблемы изменения климата.

3

166 см.

4

166 фунтов – чуть больше 75 кг, 150 фунтов – 68 кг, 178 фунтов – чуть меньше 81 кг.

Певец и актер с русскими корнями; сильный и мелодичный тенор вкупе с выигрышной внешностью сделали его кумиром американских подростков первой половины 1950–х. Помимо музыки, Фишер известен своими звездными браками с голливудскими знаменитостями Дебби Рейнольде (1955–1959), Элизабет Тейлор (1959–1964) и Конни Стивенс (1967–1969).

6

172 cm.

7

Примерно 103 см.

8

91,44 cm.

Ширли Темпл (р. 1928) – американская актриса, обладательница Молодежного «Оскара» в 1934 году, известна в основном по своим детским ролям.

Лепрекон – это маленькое хитро–жадное существо из ирландских легенд. Если его поймать и правильно попросить, то он исполнит три желания и еще отдаст котелок с золотом.

Сертификация CPA – это международно признанная бухгалтерская квалификация высшего уровня.

«Школа обаяния» – курсы искусства одеваться, держаться в обществе и т. п.; обыкновенно готовит манекенщиц.

13

Примерно 5,5 метра.

«Марш Шермана» – 1894 г., битва за Атланту. У. Шерман – один из командующих северян.

«Оскар» 2006 г. достался песне «It's Hard Out Here for a Pimp». Музыка и стихи Джордан Хьюстона, Седрика Колмана и Пола Борегарда (фильм «Суэта и движение»).

Долли Партон (р. 1946) – американская кантри-певица и киноактриса, которая написала более 600 песен (более 50 альбомов) и двадцать пять раз поднималась на верхнюю позицию кантри-чартов журнала «Биллборд».

«Музыка лифтов» – презрительное название для мягкого джаза, прежде очень популярного, особенно в качестве фоновой музыки.

Дудочник, флейтист в пестром костюме – герой поэмы Роберта Браунинга «Пестрый дудочник».

Пантеон, усыпальница великих людей.

С.Б.С.П. – Слава богу, сегодня пятница – устоявшееся выражение, также применяемое для обозначения традиционных в некоторых компаниях корпоративных вечеринок вне офиса.

Динь–Динь – подруга и помощница Питера Пэна. Как и все феи, Динь–Динь может умереть, если близкие люди перестанут верить в фей.

Мюзикл «Энни» рассказывает историю сиротки Энни, мечтающей сбежать из приюта, которым заправляет жестокосердная миссис Хэнниган, и отыскать своих родителей.

Джин Харлоу (1911–1937) – одна из самых ярких кинодив в истории Голливуда. Из-за цвета волос ее называли Платиновая блондинка. Это прозвище впоследствии стало едва ли не официальным титулом главных секс-идолов Голливуда. Умерла Джин Харлоу совсем молодой, в возрасте 27 лет.

Королева Латифа (или Куин Латифа) – американская соул–певица, с самого начала своей карьеры занявшая активную социальную позицию. Она требовала уважения к женщинам и, по крайней мере по отношению к себе, его получила: со столь солидной дамой не рискнули вступить в полемику даже самые оголтелые женоненавистники.

Афроамериканский квартал Чикаго, самый опасный район Америки, куда даже полицейские боялись выезжать на патрулирование.

Соджорнер Трут – урожденная Изабелла Баумфри – американская аболиционистка и феминистка, рожденная в рабстве. Известна своей речью «Разве я не женщина?», произнесенной в 1851 г.

Тэргуд Маршалл (1908–1993) – американский юрист и первый афроамериканец в составе Верховного суда Соединенных Штатов. 30 ноября 1993 г. был посмертно награжден Президентской медалью Свободы президента Билла Клинтона.

Веселое и яркое шествие, которое с конца 1970–х гг. проводится зимой в некоторых американских городах. Цель парада – развеять скуку повседневности, а потому главное его кредо – чем абсурднее, тем веселее.

Эбенецер Скрудж – персонаж повести Ч. Диккенса «Рождественская песнь», один из главных скупердяев в истории мировой литературы. В Рождество Скрудж превратился из отвратительного скряги в милого и приятного человека, умеющего радоваться жизни.

«7-Eleven» – всемирная сеть мини-супермаркетов.

Метр восемьдесят с липшим.